

ИНСТИТУТ АФРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**Максим
Михайлович
Агафошин**

кандидат географических наук,
старший научный сотрудник Центра
глобальных и стратегических
исследований Института Африки
Российской академии наук.

Область научных интересов: миграция населения, социально-экономическое и политическое развитие стран Африки, общественная география.

Автор и соавтор более 50 научных и учебно-методических работ.

М. М. Агафошин ОТ «БЛАГОДАТНОГО ПОЛУМЕСЯЦА» К «ОПАСНОМУ ОСТРОВУ»

М. М. АГАФОШИН

ОТ «БЛАГОДАТНОГО ПОЛУМЕСЯЦА» К «ОПАСНОМУ ОСТРОВУ»:

АРАБСКАЯ МИГРАЦИЯ В СТРАНЫ ЕВРОПЫ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М. М. АГАФОШИН

**ОТ «БЛАГОДАТНОГО
ПОЛУМЕСЯЦА»
К «ОПАСНОМУ
ОСТРОВУ»:**

**АРАБСКАЯ МИГРАЦИЯ
В СТРАНЫ ЕВРОПЫ**

Москва
ИАФР РАН
2023

УДК: [911.3+314.74](5=927::4)

ББК:

Печатается по решению Ученого совета Института Африки РАН

Ответственный редактор:

Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор Л.Л. Фитуни

Рецензенты:

Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, профессор С.В. Рязанцев
Доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН,
профессор С.А. Горохов

Агафшин, Максим Михайлович.

От «Благодатного полумесяца» к «Опасному острову»: арабская миграция в страны Европы: монография / М.М. Агафшин. – М.: Институт Африки РАН, 2023. – 222 с.

ISBN 978-5-94193-102-6

Эта книга – первое в России исследование, посвященное пространственно-математическому аспекту функционирования миграционных систем в период кризиса. Резко возросший в последнее десятилетие масштаб миграции из арабских государств Ближнего Востока стал триггером Европейского миграционного кризиса. Используя широкий спектр статистических данных, математических и картографических методов автором определены мощность, направления и факторы дифференциации миграционных маршрутов на всем их протяжении от Сирии и Ирака, до стран Западной и Северной Европы. Показано, как в результате аномального увеличения масштабов миграции кардинально меняется структура всей миграционной системы, происходит ее трансформация в территориальном и временном отношении. Подробно рассматриваются особенности расселения мигрантов, как в пределах стран их формирования на Ближнем Востоке, так и регионе аккумуляции, предложена типология центров временного размещения мигрантов в транзитном регионе Юго-Восточной Европы. На примере Швеции выявлены особенности расселения мигрантов в странах их конечной аккумуляции. В исследовании определяется влияние миграции из мусульманских стран на изменение конфессиональной структуры населения государств ЕС.

Книга адресована, прежде всего, специалистам в области исследования миграционных процессов, общественной географии, религиоведения, политологии и востоковедения; преподавателям, научным сотрудникам, учащимся ВУЗов, а также для всех интересующихся вопросами трансграничной мобильности населения и связанными с ней социально-экономическими и политическими проблемами.

© М.М. Агафшин, 2023

© Институт Африки РАН, 2023

INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MAKSIM M. AGAFOSHIN

**FROM «THE FERTILE
CRESCENT»
TO «THE DANGEROUS
ISLAND»:**

**ARAB MIGRATION
INTO EUROPEAN COUNTRIES**

Moscow
2023

*Publication recommended by the academic council of the Institute for African Studies,
RAS*

Academic Editor:

Professor **Leonid L. Fituni**, DSc (Econ.)
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,

Reviewers:

Professor **S.V. Ryazantsev**, DSc (Econ.), Director of the Institute
for Demographic Research FCTAS RAS, Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences

Professor **S.A. Gorokhov**, DSc (Geography), Leading Research Fellow
of the Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies RAS

Agafoshin, Maksim M.

From «the Fertile Crescent» to «the Dangerous Island»: Arab Migration into European Countries: Monograph / M.M. Agafoshin. – Moscow: Inst. for African Studies, RAS, – 222 p.

ISBN 978-5-94193-102-6

This book is the first study in Russia devoted to the spatial aspect of the functionality of migration systems during the crisis. The scale of migration from the Arab States of the Middle East, which has sharply increased in the last decade, has become the trigger of the European migration crisis. Using a wide range of statistical data, mathematical and cartographic methods, the author determined the power, directions and factors of differentiation of migration routes along their entire length from Syria and Iraq to the countries of Western and Northern Europe. It has been established that as a result of an abnormal increase in the scale of migration, the structure of the entire migration system is radically changing, its transformation is taking place in territorial and temporal relations. The features of the settlement of migrants, both within the countries of their formation in the Middle East and accumulation region, are considered in detail, a typology of temporary accommodation centers for migrants in the transit region of South-Eastern Europe is proposed. Drawing on the case of Sweden, the features of the settlement of migrants in the countries of their final accumulation are revealed. The study determines the impact of migration from Muslim countries on the change in the confessional structure of the population of the EU states.

The book is addressed primarily to specialists in the field of migration, social geography, religious, political and Oriental studies; teachers, researchers, university students, as well as for anyone interested in cross-border mobility of the population and related socio-economic and political problems.

© M.M. Agafoshin, 2023

© Institute for African Studies, RAS, 2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	14
1.1. Нормативно-статистические аспекты определения численности международных мигрантов: мировой и европейский уровни	14
1.2. Основные теории и концепции международной миграции населения	26
1.3. Трансформация структуры миграционной системы «Арабские страны Азии – ЕС» в период кризиса и методы ее изучения	40
ГЛАВА 2. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ПРЕДЕЛАХ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «АРАБСКИЕ СТРАНЫ АЗИИ – ЕС» В ПЕРИОД КРИЗИСА	56
2.1. Факторы выталкивания мигрантов из арабских стран Азии в ЕС	56
2.2. Территориальная дифференциация миграционных потоков в пределах региона их формирования	72
2.3. Территориальная дифференциация миграционных потоков в пределах первичного транзитного региона	83
ГЛАВА 3. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ПРЕДЕЛАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «АРАБСКИЕ СТРАНЫ АЗИИ – ЕС» В ПЕРИОД КРИЗИСА	95
3.1. Факторы притяжения мигрантов из арабских стран Азии в ЕС и его социально-географические следствия	95

3.2. Вторичный транзитный регион: структура расселения мигрантов и территориальная организация потоков их дальнейшего перемещения	112
3.3. Территориальная дифференциация миграционных потоков в пре- делах региона их аккумуляции	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	149
ПРИЛОЖЕНИЯ	174
ИЛЛЮСТРАЦИИ	201

Contents

INTRODUCTION	9
CHAPTER 1. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO MIGRATION PROCESS	14
1.1. Normative and Statistical Aspects of Determining Number of International Migrants: Global and European Levels	14
1.2. Principal Theories and Concepts of International Migration	26
1.3. Transformation of Structure Migration System «Arab countries of Asia – the EU» during the Crisis and Methods of its Study	40
CHAPTER 2. SPATIAL DIFFERENTIATION OF MIGRATION FLOWS WITHIN THE ASIAN PART OF MIGRATION SYSTEM «ARAB COUNTRIES OF ASIA – THE EU” DURING THE CRISIS	56
2.1. Push Factors for Migration from Arab Countries of Asia into the EU ..	56
2.2. Spatial Differentiation of Migration Flows within the Region of Emigration	72
2.3. Spatial Differentiation of Migration Flows within the First Transit Region	83
CHAPTER 3. SPATIAL DIFFERENTIATION OF MIGRATION FLOWS WITHIN THE EUROPEAN PART OF MIGRATION SYSTEM “ARAB COUNTRIES OF ASIA – THE EU” DURING THE CRISIS	95
3.1. Pull factors for migration into the EU from Arab countries of Asia and socio-geographical consequences	95
3.2. Secondary Transit Region: Structure of the Settlement of Migrants and the Territorial Organization of their Further Mobility	112

3.3. Spatial Differentiation of Migration Flows within the Region of Immigration	124
CONCLUSION	141
REFERENCES	149
APPENDIXES	174
FIGURES	201

Введение

С лёгкой руки американского историка и археолога Джеймса Генри Брестеда за регионом, охватывающим полукругом – от Персидского залива до Средиземного моря – несколько стран Ближнего Востока, закрепилось название «Благодатного полумесяца». Именно в этом регионе, благодаря климатическим особенностям и наличию плодородных почв в междуречье Тигра и Евфрата, зародилось в древности скотоводство и земледелие, что позволяет считать эти земли колыбелью человечества. Ныне территория «Благодатного полумесяца» – часть арабского мира¹, для которой характерен широкий комплекс проблем развития: высокий уровень политической нестабильности, экономическая отсталость, подверженность климатическим катаклизмам и т.д.

В тот период, когда процветали древние цивилизации «Благодатного полумесяца», Скандинавия представляла собой суровый край, в котором обитали племена охотников, кочевавшие вдоль границы ледника вместе со стадами северных оленей, и рыбаков на побережье. Само название Скандинавского полуострова происходит, вероятно, от древнегерманского *skadīn-awjo*, что означает «опасный остров» или «опасное побережье».

История человечества циклична и в настоящее время население арабских стран Азии, спасаясь от войны и экономических проблем на родине, ищет себе приют далеко от своих родных «благодатных» берегов, направляясь в благополучные страны Европы, в том числе, на сегодняшний день одни из наиболее богатых и успешных, государства Скандинавии. В результате совре-

---

¹ Некоторые исследователи, кроме арабских стран Азии (Ирака, Сирии, Ливана, Иордании, Палестины), также включают в состав «Благодатного полумесяца» Кипр, Северный Египет и Юго-Восточные регионы Турции.

менных перемещений населения сформировался миграционный маршрут от «Благодатного полумесяца» к «Опасному острову» – из арабских стран Азии, преимущественно Сирии и Ирака, в Скандинавские страны – прежде всего, в Швецию, который к настоящему моменту стал «коридором» уже для сотни тысяч людей. Именно миграционная волна последнего десятилетия, породившая кризисные явления в экономической, политической и социокультурной сферах во всех странах затронутых ею, находится в фокусе данного исследования.

В целом, со второй половины XX в. под воздействием процессов глобализации происходит интенсификация миграций населения. Возрастающее влияние миграционных процессов на социально-экономическое, культурное, политическое развитие стран и регионов мира выдвинуло миграционную тематику в авангард междисциплинарных научных исследований.

Наиболее остро вопрос о решении порождаемых международной миграцией проблем поставили события Европейского миграционного кризиса. Он был инициирован скоротечным лавинообразным увеличением мощности, а также структурной и территориальной трансформацией потоков мигрантов в Европейский союз (ЕС) из региона арабских стран Азии (АСА) – прежде всего, Сирии и Ирака – вследствие эскалации в них политической напряженности. Кризис способствовал более активному вовлечению в структуру миграционной системы АСА – ЕС не только основных центров эмиграции и иммиграции, но и транзитных стран, в том числе России – тем самым он обрел свое глобальное измерение.

Однако события, связанные с миграционным кризисом, стали серьезным системным вызовом прежде всего для ЕС, демонстрируя существующие изъяны и сложности в реализации его миграционной и региональной политики. Интенсификация миграционных потоков привела к появлению в Европе более 1,6 млн выходцев из арабских стран Азии и поставила во главу

угла вопросы социальной адаптации инокультурных мигрантов – прежде всего, мусульман – к жизни в принимающих их обществах. Рост уровня преступности, распространение радикальных движений, территориальная эксклюзия и увеличение частоты террористических актов со стороны мигрантов становятся значимыми проблемами внутренней безопасности ЕС и транзитных государств, требующими выработки скоординированных решений по смягчению негативных последствий миграционного кризиса. Сложности в формировании общей миграционной политики привели к обострению также и политических противоречий внутри ЕС, одним из следствий которых стал процесс Брексита.

Несмотря на повышение в последнее время исследовательского интереса к миграции из арабских стран Азии в ЕС, в нашей стране и за рубежом наблюдается определенный дефицит географических работ, направленных на выявление особенностей территориальной дифференциации миграционных потоков между этими регионами и определение степени их влияния на принимающие и направляющие мигрантов регионы в период миграционного кризиса.

Научная новизна монографии заключается в следующем:

1. определены мощность, направления и факторы дифференциации миграционных потоков на всем их протяжении *в рамках каждого элемента системы «Арабские страны Азии – ЕС»*;
2. выявлены особенности расселения мигрантов в пределах регионов формирования и аккумуляции миграционных потоков в период кризиса, предложена типология центров временного размещения мигрантов в транзитном регионе;
3. установлена и закартирована траектория движения демографического центра ислама в ЕС в период 1950–2015 гг., показано направление его смещения под влиянием Европейского миграционного кризиса;
4. предложен географический вариант традиционной схемы миграционного процесса – для периода миграционного кризиса;

5. разработана структурная модель миграционной системы, характеризующая ее функционирование в период миграционного кризиса и некризисные периоды.

Данная работа охватывает миграционные взаимодействия между более чем 40 странами в рамках миграционной системы «АСА – ЕС». В связи с различиями в методике миграционного учета, неполнотой сведений, преобладанием стоковых данных о миграции, отсутствием статистических материалов для ряда стран изучаемого полигона сложилось определенное ограничение в отношении статистических данных, которое привело к сужению хронологических рамок работы и сосредоточению автора на периоде начала XXI в.

Информационная база исследования представлена следующими группами источников:

1. официальные статистические данные – материалы переписей и регистров населения, а также изданные на их основе статистические сборники, которые содержат информацию о численности мигрантов² и беженцев;
2. публикации Международной организации по миграции, статистические отчеты Отдела народонаселения ООН, Организации экономического сотрудничества и развития, данные агентства ООН по делам беженцев, Всемирного банка, статистического агентства ЕС (Eurostat), The European Research Council (DEMIG);
3. материалы социологических опросов («Pew Forum», «World Values Survey» и др.);
4. сводные издания и базы данных, авторские монографические исследования, содержащие обобщенные сведения из всех или

---

² В период миграционного кризиса крайне сложно однозначно определить традиционные категории мигрантов; в этой связи здесь и далее под «мигрантом», «беженцем», «вынужденным мигрантом», «гуманитарным мигрантом», «временно перемещенным лицом» понимаются все индивидуумы, осуществляющие перемещения в рамках миграционных маршрутов системы.

некоторых упомянутых выше групп источников: «Association of Religion Data Archives», «Atlas of Global Christianity», «The Global Terrorism Database», «The World Muslim Population» и др.

Проведенное исследование, безусловно, не претендует на исчерпывающую полноту анализа миграционных взаимодействий между двумя регионами и их последствий. Тем не менее, значимость данной книги, по нашему мнению, определяется тем, что в ней предлагается структурная модель миграционной системы, которая может позволить более детально понимать и анализировать миграционные процессы, в частности закономерности динамики миграционных потоков и особенности размещения мигрантов в пределах различных территориальных полигонов. Данная структурно-функциональная модель, на наш взгляд, может быть успешно использована для выработки практико-ориентированных рекомендаций для общественных и государственных организаций России, занимающихся вопросами формирования основ политики в области национальных отношений и миграционных процессов.

***

Автор выражает глубокую признательность своим друзьям и коллегам, без поддержки и помощи которых эта книга, вне всяких сомнений, не могла быть издана: Ирине Олеговне Абрамовой, Татьяне Анатольевне Балиной, Руслану Васильевичу Дмитриеву, Дмитрию Викторовичу Житину, Ивану Андреевичу Захарову, Александру Ивановичу Зырянову, Александру Александровичу Лобжанидзе, Василию Львовичу Мартынову, Леониду Леонидовичу Фитуни, Ларисе Юрьевне Чекменевой. Особую благодарность хочу выразить Станиславу Анатольевичу Горохову, который внес огромный вклад в мое становление и развитие как ученого. Благодарю своих родителей Людмилу Вячеславну и Михаила Алексеевича за их любовь и веру в меня.

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

1.1. Нормативно-статистические аспекты определения численности международных мигрантов: мировой и европейский уровни

Со второй половины XX в. процессы глобализации в совокупности с ростом политических, экономических и социальных противоречий в современном мире привели к резкой интенсификации международной миграции населения. Повышение пространственной мобильности населения приводит к интенсификации социальных, демографических, культурных и экономических изменений как в принимающих, так и в направляющих мигрантов странах. За период с 1960 г. численность международных мигрантов выросла более чем в 3,5 раза: так, если в начале этого периода в мире насчитывалось 75,5 млн международных мигрантов, то в 2020 г. – уже 281 млн человек, а доля мигрантов в населении мира возросла за это же время с 2,6% до 3,6% [International Migration Report; International Migration 2020].

Эффективность государственной политики в области регулирования миграционных процессов напрямую зависит от точности количественной оценки масштабов миграции. Национальные статистические агентства, как правило, разрабатывают и уста-

навливают собственные критерии понятия «международный мигрант», что создает известные трудности. В этой связи сотрудничество в области миграции, унификация сбора соответствующих данных, разработка коллективных мер реагирования становятся актуальными на уровне групп стран и мира в целом. Координационная деятельность по вопросам международной миграции на мировом уровне осуществляется рядом региональных комиссий, а также специализированными учреждениями Организации Объединенных Наций (ООН): Международной организацией по миграции (МОМ), Департаментом по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ), Международной организацией труда (МОТ), Управлением Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ), Управлением Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ), Организацией по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Всемирным банком, Конференцией по торговле и развитию (ЮНКТАД), Программой развития (ПРООН), Детским фондом (ЮНИСЕФ), Фондом в области народонаселения (ЮНФПА). Работа широкого круга учреждений ООН объединена «Глобальной группой по миграции», деятельность которой направлена на всестороннее развитие сотрудничества в области миграции населения, в том числе по вопросам сбора статистических данных о международной миграции, выработке рекомендаций по их унификации [Международная миграция ...].

Отсутствие в современном международном праве общепринятой дефиниции термина «международный мигрант» побудило ООН в 1998 г. предложить рекомендации в отношении него, а также установить критерии, по которым совершивший переезд человек считается мигрантом, и определить вид миграции, которую данный мигрант совершил (Рисунок 1).

Согласно рекомендациям ДЭСВ ООН, под международным мигрантом подразумевается любое лицо, меняющее страну своего обычного проживания – с выделением «краткосрочных мигрантов» (со сменой обычного проживания на срок от трех ме-

сяцев до одного года) и «долгосрочных мигрантов» (на срок не менее одного года), вне зависимости от причин миграции (добровольные или недобровольные) и методов осуществления (легальные или нелегальные) [Recommendations ...]. Однако на практике данное определение имеет лишь рекомендательный характер, многие страны придерживаются иных критериев для определения международных мигрантов – например, руководствуются другими минимальными сроками проживания, что затрудняет сопоставимость национальных статистических данных.

Таким образом, понятие «*международный мигрант*» используется в качестве обобщающего термина, который охватывает различные категории лиц, пересекающих государственные границы: 1) иностранцы, допущенные к получению образования; 2) иностранные стажеры; 3) трудовые мигранты; 4) воссоединяющиеся члены семьи; 5) удовлетворяющие особым критериям, устанавливаемым отдельными странами (этнические миграции, приглашение высококвалифицированных кадров, сотрудники международных организаций, инвестиционные мигранты); 6) беженцы и искатели убежища (иногда объединяемые общим термином «гуманитарные мигранты», или «искатели убежища»); 7) нелегальные мигранты [Ibid.].

Оценка численности международных мигрантов и публикация данных в рамках ООН осуществляется Отделом народонаселения ДЭСВ ООН. В результате совместной со Статистическим отделом ООН и Всемирным банком работы была разработана база данных о накопленной численности международных мигрантов за период 1990–2020 гг. для 232 стран и территорий [International Migrant Stock]. В ней для оценки численности международных мигрантов использованы данные переписей населения стран, регистры населения и иные репрезентативные на национальном уровне источники. В базе представлено распределение международных мигрантов по возрасту, полу и происхождению. Стоит отметить, что при оценке численности международных мигран-

тов Отдел народонаселения рассматривает данную категорию как лиц, родившихся в стране, отличной от той, в которой они проживают, то есть международные мигранты приравняются к родившимся за границей [Ibid].

Статистические данные о численности международных мигрантов имеют важное значение, однако в настоящем исследовании большую роль играет другой абсолютный показатель – *миграционный поток*, отражающий число мигрантов, совершивших переезд из одной страны в другую в течение определенного временного интервала. Фиксация данных о миграционных потоках является чрезвычайно сложной задачей по нескольким причинам: показатели, агрегируемые на основе страновых статистических данных, могут значительно отличаться в связи с разницей в критериях учета. Потоки иммиграции учитываются и регистрируются значительно лучше, чем эмиграции; миграционные перемещения часто трудно отделить от немиграционных поездок, таких как туризм или кратковременные командировки; может учитываться не количество людей, а число событий миграции, имевших место между двумя странами за определенный период времени и др. [World Migration Report].

Статистические источники, характеризующие миграционные потоки в глобальном измерении, гораздо более ограничены, чем данные о накопленной численности мигрантов. Так, имеющиеся оценки ДЭСВ ООН по глобальным миграционным потокам охватывает только 45 стран за период 1980–2015 гг. (для значительного количества стран данные представлены не за весь период) [International Migration Flows ...]. Эта база позволяет оценить только общую мощность эмиграционного или иммиграционного потока в определенной стране, данные касательно миграционных потоков между государствами в ней отсутствуют.

Другим важным источником данных о международных миграционных потоках является База данных о международной миграции Организации экономического сотрудничества и развития

(ОЭСР) [International Migration Database]. Данные ОЭСР публикуются с 2000 г. по 35 государствам и основываются на материалах национальных регистров населения и количестве предоставленных разрешений на проживание и/или работу. В целом, база охватывает всех лиц в возрасте 15 лет и старше, позволяя ограниченно оценить мощность эмиграционных и иммиграционных потоков-связей 35 государств с более чем 200 странами и территориями. Однако анализ статистических материалов позволил нам выявить почти полное отсутствие данных по значительному числу стран полигона исследования (Греция, Польша, Латвия, Португалия и др.).

Большую ценность при анализе исторических данных по миграционным потокам представляет база данных «Determinants of International Migration» (DEMIG C2C), составленная специалистами Международного института миграции и содержащая данные о двусторонних миграционных потоках-связях 34 стран с более чем 230 странами и территориями за период 1946–2011 гг. [DEMIG C2C]. В этой базе представлен обзор миграционных потоков по целому ряду критериев: страна проживания мигранта, гражданство, страна рождения, является ли мигрант иностранцем или гражданином данной страны, пол мигранта и др. Несмотря на неизбежные недостатки, несоответствия и частичную неполноту представленных материалов, данная база обеспечивает максимально возможный охват и детализацию данных о миграционных потоках с окончания Второй мировой войны.

Анализируемые базы данных по международной миграции, как правило, используют понятие «*международный мигрант*» в качестве обобщающего термина, включающего различные категории мигрантов. Однако практика смешения различных категорий переселенцев в рамках одного понятия зачастую приводит к терминологической путанице и может иметь серьезные последствия для жизни и безопасности наиболее уязвимых категорий вынужденных мигрантов, которые остро нуждаются в междуна-

родной защите – особенно в связи с эскалацией военных и политических конфликтов во многих арабских странах. Крайне важным также является отдельный статистический учет беженцев в условиях резкого роста их численности (более 26 млн человек в 2020 г.) [Figures ...].

Важно отметить, что статус беженцев – в отличие от статуса международных мигрантов – урегулирован международными документами [Бочарова, Алешковский]: так, согласно Конвенции о статусе беженцев 1951 г. [Конвенция о статусе беженцев ...] и Протоколу к ней от 1967 г. [Protocol relating ...], беженцем является лицо, которое «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений». В Конвенции Организации африканского единства 1969 г. к этой категории причисляются также лица, которые покидают свою страну «вследствие внешней агрессии, оккупации, иностранного господства или событий, серьезно нарушающих общественный порядок» [OAU Convention ...]. Особый статус имеют *искатели убежища* – категория лиц, желающих быть допущенными в страну в качестве беженцев и ожидающих решения по своим заявлениям на статус беженца в соответствии с имеющимися международными и национальными законодательными нормами.

Публикация глобальных данных о вынужденных мигрантах – беженцах и искателях убежища – осуществляется УВКБ ООН [Figures ...]. Учет их численности основывается на материалах национальной статистики, собираемой на основе количества заявлений и решений по ним – в зависимости от соответствия критериям ООН, а также юридическим нормам, принятым в каждой конкретной стране. Данные заявления имеют стандартную фор-

му, что позволяет собирать однородную информацию по всем обратившимся. Материалы о вынужденных мигрантах публикуются как в виде абсолютного числа беженцев, так и могут отражать потоки, основываясь на количестве обращений и принятых решений за определенный период. В статистике вынужденной миграции должны отражаться все этапы пребывания беженца на территории принимающей страны с момента подачи соответствующего ходатайства властям: данные о количестве заявлений, вынесенных по ним решений (в том числе и отказов).

Помимо вынужденных мигрантов, пересекающих государственные границы, происходит рост численности *внутренне перемещенных лиц*, впоследствии зачастую становящихся беженцами. К данной категории относятся люди, вынужденные покинуть места своего привычного проживания и совершить перемещение внутри страны в результате вооруженного конфликта, ситуации всеобщего насилия, нарушений прав человека, стихийных природных и антропогенных бедствий [Руководящие принципы ...]. Мониторинг перемещений лиц данной категории крайне сложен, особенно в условиях военных конфликтов или природных катаклизмов; систематический сбор информации, ее обработка и публикация производится в рамках различных программ учреждений ООН: The Displacement Tracking Matrix (DTM), осуществляемой Международной организацией по миграции [Displacement ...], и Humanitarian Response под эгидой Управления по координации гуманитарных вопросов ООН [Humanitarian Response].

На региональном и страновом уровне существуют различия в определении термина «беженец». Естественно, страны, подписавшие конвенцию о статусе беженцев, соблюдают положения об их статусе, но как правило, ничто не мешает тому или иному государству принимать более широкое определение данной дефиниции, чем то, которое требуется в соответствии с его международными обязательствами. Ряд стран предоставляют защиту лицам,

которые не отвечают критериям конвенции 1951 г., но нуждаются в международной защите. Например, странами ЕС утверждена директива о предоставлении временной защиты [Директива совета 2001/55/ЕС]. При этом временная защита не является статусом, а всего лишь временной административной мерой, которая может применяться в случаях массового притока лиц, ищущих убежище. Предоставление временной защиты не ограничивает признание статуса беженца в соответствии с Женевской конвенцией.

На региональном уровне миграционные процессы в Европейском союзе характеризуются многоуровневым управлением, регулируемым сложными механизмами на местном, национальном, наднациональном и международном уровнях [Алешковский, 2016]. Наднациональная миграционная политика ЕС представляет собой совокупность законодательных актов и директив, базирующихся на принципах партнерства стран-членов и институтов Евросоюза, и учитывает экономическую и миграционную ситуацию в каждой из стран ЕС. В ее основе лежат существующие международные принципы и нормы в сфере миграции, такие как право на свободное передвижение, выбор места жительства, содействие воссоединению семей, недопущение дискриминации и др.

Регулирование миграционных потоков является одним из наиболее важных направлений политики ЕС. Одним из первых шагов на этом пути стало подписание в 1985 г. Шенгенского соглашения, которое привело к отмене контроля на внутренних границах государств-членов ЕС и внедрению комплексной системы осуществления контроля на внешних границах, регулирующей доступ в Шенгенскую зону [The Schengen acquis ...]. Результатом Амстердамского договора 1999 г. стало включение Шенгенского соглашения в законодательство ЕС (не распространяющегося в полной мере на Великобританию, Ирландию, Кипр

и вошедшие позже в состав ЕС Болгарию, Румынию, Хорватию) [Treaty of Amsterdam ...].

Европейской комиссией разработан ряд законодательных и политических инициатив, устанавливающих общие рамки миграционной политики в сфере охраны границ, противодействия нелегальной миграции и поощрения легального въезда граждан «третьих стран» и защиты их прав. В указанных рамках было основано агентство Frontex [Council Regulation (EC) No. 2007/2004]. Лиссабонский договор существенно усилил наднациональную составляющую миграционной политики Евросоюза, общая миграционная политика ЕС вошла в сферу совместных компетенций институтов ЕС и государств-членов, разделив общеевропейские и национальные полномочия в этой области: меры, принимаемые на уровне ЕС в отношении мигрантов, не должны затрагивать право стран-членов определять число принимаемых ими трудовых мигрантов [Treaty of Lisbon ...].

В основе политики предоставления убежища все государства ЕС руководствуются принципами, изложенными в Конвенции о беженцах. На наднациональном уровне внутри ЕС, согласно Дублинскому регламенту, предусматривается распределение ответственности между странами за рассмотрение ходатайств о предоставлении международной защиты³ [REGULATION (EU) No. 604/2013]. Критерии Дублинского регламента определяют, какое государство-член ЕС несет ответственность за рассмотрение ходатайства просителей убежища. В большинстве случаев им становится государство, через которое проситель убежища впервые въехал в ЕС. В связи с этим другим странам внутри ЕС может быть разрешено осуществлять возврат просителей убежища в то государство, которое проситель посетил первым, либо даже в безопасную страну вне ЕС, откуда мигрант попал на территорию Союза. События миграционного кризиса выявили значительное количество проблем, связанных с реализацией этого регламента.

---

³ Распространяется на все государства-члены, кроме Дании.

Сбор и публикация статистических данных по миграции населения в странах ЕС осуществляется за счет деятельности статистической службы Евростат. Деятельность Евростата нацелена и на унификацию статистических методов, используемых странами. Важным в этом отношении фактором стало принятие Регламента (ЕС) № 223/2009 о создании новой правовой основы разработки, производства и распространения европейской статистики. В данном Регламенте указывается, что европейская статистика должна разрабатываться в соответствии со статистическими принципами, отраженными в статье 338 Договора о функционировании ЕС и более подробно изложенными в Европейском статистическом кодексе: «Подтверждаются статистические принципы независимости, беспристрастности, объективности, надежности, статистической конфиденциальности и экономической эффективности для разработки, производства и распространения статистических данных Евростатом» [Regulation (EC) No. 223/2009]. В Регламенте (ЕС) № 862/2007 о статистике Сообщества по миграции и международной защите были выделены различные категории и подкатегории граждан «третьих стран» согласно законодательству ЕС: иммигранты, получившие разрешение на кратко- или долгосрочное проживание; лица, нуждающиеся в международной защите; мигранты, пребывающие на территории страны с нарушением законодательства [REGULATION (EC) No. 862/2007]. Данный Регламент установил общие критерии сбора и обработки статистических данных о международной миграции, предоставлении статуса беженца, предотвращении незаконного въезда и пребывания, выдачи вида на жительство в стране и др. Еще одним важным фактором обобщения данных становится деятельность Евростата, который проводит активную программу сотрудничества с «третьими странами» по их поддержке в подготовке качественной официальной статистики. Взаимодействия осуществляются в рамках отноше-

ний ЕС с этими странами, а также Европейской службой внешних действий.

Однако серьезным недостатком статистических материалов Евростата является то, что не все статистические институты стран ЕС предоставляют полную информацию по миграционным потокам за каждый год из «третьих стран», к которым относятся арабские государства Азии [Immigration by ...]. Так, например, данные по численности иммиграционных потоков отсутствуют для Германии, Франции, Великобритании, Испании, Греции и ряда других стран. Косвенно оценить объем миграционного потока позволяют данные о выдаче первичного вида на жительство, однако они не всегда эквивалентны данным о долгосрочной международной иммиграции [Comparability ..., First permits ...]. Наибольшей полнотой отличаются статистические материалы Евростата о потоках вынужденных мигрантов, имеющие полный охват для стран ЕС. Сведения о количестве поданных заявлений о предоставлении статуса беженца публикуются с периода 1985 г. [Asylum and first ..., Asylum by ...], также публикуются данные по числу решений о предоставлении статуса беженца гражданам «третьих стран» по государствам-членам ЕС с 2008 г. [First instance ...], и статистика данных Дублинского регламента [“Dublin” statistics].

Помимо данных Евростата на региональном уровне, особенно в условиях резкого увеличения потока мигрантов, в том числе и нелегально попадающих на территорию ЕС, важную значимость приобретают отчеты, публикуемые службой Frontex [Risk analysis]. Ежегодные и ежеквартальные отчеты содержат информацию о выявленных незаконных пересечениях границ и трансграничной преступности. На основе материалов Frontex и данных о выявлении фактов незаконного пересечения внешних границ, ежемесячно предоставляемых государствами-членами Шенгенского соглашения, возможно оценить мощность потоков мигрантов из арабских стран Азии по основным миграционным

маршрутам в ЕС [Illegal border-crossing ...]. Международной организацией по миграции также проводится региональный анализ численности и размещения международных мигрантов и искателей убежища в центрах временного размещения на территории ряда стран транзитного для мигрантов региона: Италии, Греции, Болгарии, Северной Македонии, Албании, Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении, Венгрии [Flow monitoring ...]. Для анализа данных о накопленных мигрантах в странах назначения в зависимости от стран выбытия, помимо описанных выше источников, в работе были использованы данные Отдела народонаселения ДЭСВ ООН и доклады по мировой миграции Международной организации по миграции [Trends in International ...; World Migration Report].

Международные и региональные базы данных о миграции характеризуются неполнотой материалов, их фрагментарность и зачастую противоречивость частично восполняются нами на основе сведений национальной статистики, прежде всего это касается статистики по мигрантам в странах ЕС. В текущем исследовании использованы статистические данные национальных баз Германии [Bundesamt für ...; Statistisches Bundesamt], Великобритании [Office for National ...], Нидерландов [Statistics Netherlands], Дании [Statistics Denmark], Австрии [Statistik Austria], Бельгии [Statbel] и др. Важное место в монографии занимает анализ национальных статистических источников, содержащих сведения о структуре миграции в Швецию и размещении мигрантов по территории страны [Statistiska centralbyrå]. В силу большей полноты учета иммиграционных потоков над эмиграционными и особенностями сбора статистики в арабских странах Азии, национальная статистика этого региона могла быть использована нами только в качестве дополнительного источника данных.

Современная миграция населения характеризуется усложнением своего характера. В структуре мигрантов выделяется большое количество различных категорий, трактовка которых

зачастую сильно различается в зависимости от государств и международных организаций, что усложняет анализ статистического материала. Несмотря на проводимую унификацию понятийного аппарата со стороны международных и региональных организаций, его применение, как правило, носит рекомендательный характер. В условиях нарастающих масштабов международной миграции (особенно в период миграционного кризиса, когда в структуре миграционного потока крайне сложно выделить те или иные категории мигрантов), если не указано иное, в данной монографии термины «международный мигрант» и «мигрант» мы используем в качестве обобщающих, понимая под ними всех индивидуумов, осуществляющих перемещения в рамках миграционных маршрутов из АСА в ЕС.

Таким образом, несмотря на то, что в последние десятилетия был достигнут значительный прогресс в области сбора и унификации миграционных данных, до сих пор существуют определенные ограничения в их использовании. Поэтому анализ международной миграции требует привлечения всей палитры разнообразных статистических источников. Информационная база нашего исследования получена в результате критического анализа самого широкого спектра источников и статистических материалов по миграционным потокам из арабских стран Азии в ЕС как международных, так и региональных организаций, которые дополнялись нами материалами национальных статистических агентств, переписей, регистров населения и др. стран-членов ЕС.

1.2. Основные теории и концепции международной миграции населения

Миграция населения является сложным процессом, затрагивающим все стороны жизни общества и оказывающим влияние на воспроизводство населения, его расселение, социальную, эт-

ническую и конфессиональную структуру, оказывает влияние на формирование государственной политики в сфере национальных отношений и безопасности и т.д. [Алешковский, 2017]. Поэтому изучение процесса миграции населения носит междисциплинарный характер, им занимаются представители различных общественных и гуманитарных наук: социогеографы, демографы, этнографы, социологи, политологи, экономисты и др.

Представители различных научных дисциплин изучают миграцию населения с точки зрения своего научного профиля, используя специфические методы и разнообразные концепции. Стоит отметить, что, зачастую, даже внутри одной науки исследователи раскрывают природу и механизм миграции населения различными способами, акцентируя внимание на разных положениях. Из-за этого теории не всегда сочетаются друг с другом, что приводит к необходимости систематизации полученных результатов исследований и формирования понятийного аппарата миграционных исследований. В этой связи Д. Мэсси отмечает, что изучение миграции происходит не с позиции общей парадигмы, а при помощи различных, зачастую противоречащих друг другу теоретических идей, в результате чего многие исследования становятся неэффективными [Massey et al., 1994]. Тем не менее изучение миграции представителями разных научных направлений позволяет получать новые данные об этом явлении, приводит к формированию комплексных теоретических концепций.

В отечественной науке изучение миграции населения имеет длительную историю. Первые работы появились во второй половине XIX в. в связи с нарастающим аграрным перенаселением дореволюционной России, характерным, прежде всего, для ее Европейской части. Одна из первых работ, направленных на установление причин и выявление последствий миграции – «Переселения и колонизация» [Кауфман], посвящена миграции крестьян Европейской части России за Урал. В данном исследовании также сопоставляются миграции в России с переселением из Европы в

малозаселенные районы США, Канады, Австралии и т.д. Можно сказать, что большинство научных работ по миграциям в дореволюционной России были связаны с изучением приживаемости и обустройства новоселов [Ядринцев, 1879; 1891].

Становление современной отечественной традиции изучения миграции населения связано с именем выдающегося географа В.В. Покшишевского, его докторская диссертация [Покшишевский, 1947] и иные публикации [Покшишевский, 1971] были посвящены историко-географическому анализу миграций. Он также провел анализ зарубежных теоретических идей в области изучения миграции населения и заложил основы методики географических исследований миграции в СССР [Агирречу и др.]. Необходимо отметить, что именно В.В. Покшишевский первым среди отечественных исследователей выявил закономерность, согласно которой на принятие решения о миграции влияет степень информированности мигранта о потенциальном месте переселения и наличие социальных и родственных связей в местах вселения.

В дальнейшем эстафету по изучению миграций населения приняли отечественные демографы, географы, социологи, экономисты и политологи, которыми были разработаны многочисленные методики и теории в области миграциологии. Большинство этих исследований касались преимущественно внутренней миграции. Среди отечественных исследователей, уделявших внимание вопросам миграции, необходимо отметить В.И. Переведенцева [Переведенцев], А.У. Хомру [Хомра], Б.С. Хорева и В.Н. Чапека [Хорев, Чапек], разработавших методы исследования миграции на статистической базе СССР. Отечественные ученые проводили также исследования, посвященные миграции населения из села в город, особую роль в которых сыграли работы Т.И. Заславской, С.А. Ковалева, Э.А. Лямина и др. [Заславская; Ковалев и др.], и маятниковой миграции [Валентей; Раковский; Таборисская; Хорев, Лиходед]. Несмотря на явное доминирование в отечествен-

ной науке работ по внутренней миграции, многие теоретические воззрения, высказанные в них, впоследствии были с успехом использованы при изучении миграции населения за рубежом [Слука].

Особая роль в миграционных исследованиях принадлежит отечественному демографу Л.Л. Рыбаковскому [Рыбаковский, 1973], разработавшему *концепцию трех стадий миграционного процесса*. Она сочетает анализ миграции на макро- и микроуровне. Согласно Л.Л. Рыбаковскому, первая стадия миграционного процесса представляет собой формирование миграционной подвижности, психологической подготовки индивида к акту миграции. Вторая стадия – непосредственно акт переселения; важнейшее значение при ее изучении имеет анализ миграционного потока между двумя территориями. Третьей стадией выступает приживаемость мигранта на новом месте, включающая две формы адаптации – социальную и биологическую.

Изучение вопросов миграции в России в различные исторические периоды диктовалось наиболее актуальными для страны ее направлениями. Политические изменения, произошедшие в России в 1990-е годы, привели к расширению тематики миграционных исследований. Стало возможным исследовать вопросы вынужденной и принудительной миграции [Витковская; Витковская, Кочарян; Полян, 1999; 2001]. С увеличением миграционного оттока внимание исследователей начали привлекать вопросы внешней миграции, чему посвящены работы Ж.А. Зайончковской [Зайончковская], Л.Л. Рыбаковского [Рыбаковский, 2003], В.Д. Войновой [Войнова, Ушкалов], а также публикации М.С. Савоскул, анализирующие различные аспекты эмиграции этнических немцев из России и их адаптации за рубежом [Савоскул, 2006]. Одновременно с нарастанием масштабов эмиграции из страны, Россия – преимущественно за счет потоков мигрантов из стран ближнего зарубежья – стала одним из крупнейших иммиграционных центров мира, что повлекло за собой появление ряда

работ, посвященных проблематике внешней иммиграции, среди которых необходимо упомянуть публикации С.Н. Абашина [Абашин, 2012], В.С Белозерова, В.С Тикуннова [Белозеров и др.], М.Б. Денисенко [Денисенко, Чернина], Л.Б. Карачуриной [Карачурина, 1999], С.В. Рязанцева [Рязанцев, Хорие] и др. Вопросы миграционной политики России и зарубежных стран рассматривались в работах М.Б. Денисенко [Денисенко и др.], И.В. Ивахнюк [Ивахнюк, 2008а], И.Н. Молодиковой [Молодикова, 2018], В.И. Мукомеля [Мукомель, 2016], И.П. Цапенко [Цапенко, 2009]. В последние годы появляется значительное количество работ, анализирующих Европейский миграционный кризис [Рязанцев; Глуценко, Осьмова; Медушевский, Шишкина]. Тем не менее в данный период в центре исследовательского поля отечественных миграциологов по-прежнему находятся процессы внутренней миграции [Мкртчян; Моисеенко], а также вопросы пространственной мобильности городского и сельского населения России [Нефедова, Мкртчян; Между домом ...].

Миграционные теории принято подразделять в соответствии с тем, через какую исследовательскую призму в них рассматривается влияние миграции на демографические, экономические, социальные, политические процессы; каков перечень факторов и закономерностей миграционного движения населения, которыми они оперируют. Помимо изучения влияния миграции на различные общественно-экономические процессы, концепции миграции разрабатываются на двух частично перекрывающихся макро- и микроуровнях, рассматривающих миграцию населения в целом и международную миграцию в частности на основании различных парадигм. На макроуровне причины миграции изучаются на основе анализа характеристик районов выхода и входа мигрантов, которые обосновывают миграцию как результат территориальной дифференциации в мировом хозяйстве, различий в заработной плате, спроса и предложения рабочей силы, климатических и экологических условий, демографического развития

территорий, политических и социальных отношений. Изучение миграционных процессов на макроуровне позволяет ответить на ряд важных вопросов, связанных с географией миграционных потоков, расселением мигрантов в принимающих их странах и др.

Использование концепций на макроуровне дают возможность изучить широкий спектр причин миграции населения, но оставляют в стороне анализ состава и дифференциации миграционных потоков, которые рассматриваются как некая однородная общность, на которую социально-экономические условия действуют абсолютно идентично. Таким образом, данные концепции не объясняют, почему одни и те же условия вынуждают одних людей мигрировать, а других оставаться на месте.

Как отмечает И.В. Ивахнюк, «решение о миграции всегда (если только речь не идет о насильственных переселениях) принимается на микроуровне – на уровне индивида, семьи, домохозяйства, однако на принятие этого решения оказывают воздействие многочисленные обстоятельства, в рамках которых действуют индивиды, семьи и домохозяйства» [Ивахнюк, 2015, с. 37]. Таким образом, именно на микроуровне исследователи имеют возможность изучить реакцию мигрантов на обстоятельства и различные особенности места своего нынешнего и возможного проживания, мотивирующие переселение. Помимо непосредственно экономических факторов, побуждающих население к движению, на микроуровне рассматриваются также аспекты влияния социальных взаимодействий на формирование трансграничных связей мигрантов. Анализ на микроуровне позволяет выявить влияние миграции на локальные сообщества, а также определить изменения в социально-экономическом развитии региона в результате воздействия миграционных процессов [Савоскул, 2016].

Началом полноценных исследований миграции в зарубежной литературе стали работы английского картографа, географа, статистика немецкого происхождения Эрнеста Георга Равенштайна

– «Законы миграции» («The Laws of Migration»), опубликованные в 1885 и 1889 гг. [Ravenstein, 1885; 1889]. Они опирались на анализ данных о месте рождения в переписях населения Великобритании 1871 и 1881 гг., в результате автор сформулировал 11 законов миграции, наиболее значимыми из которых являются:

- взаимосвязь между масштабом миграционного потока и расстоянием: большинство мигрантов переселяется на короткое расстояние и преимущественно в города;
- рост городского населения обусловлен миграцией из ближайших сельских поселений, а не процессами естественного движения населения;
- каждый основной поток создает компенсирующий обратный поток;
- миграционные потоки увеличиваются в результате развития торговых отношений, промышленности и транспорта;
- женщины более склонны к миграции внутри страны, в то время как мужчины преобладают в структуре внешней миграции;
- доминирование экономических факторов, влияющих на решение мигрировать.

Данные закономерности, объясняющие различные характеристики миграции – причины, половую и возрастную селективность, мощность потоков – указывают на макроуровень теории. Многие положения законов справедливы до настоящего времени, благодаря чему работы Э.Г. Равенштайна служат базой для дальнейших миграционных исследований и примером обобщения статистических данных.

Масштабные миграционные потоки из Европы в Северную Америку начала XX в. оказали значительное влияние на развитие городов и изменение городского пространства, тем самым значительно повысили интерес зарубежных ученых к вопросам миграции. Основными областями исследований в данный период стали социальные исследования последствий миграции для самих мигрантов, аспекты их вхождения в новую городскую социаль-

ную среду (большинство в прошлом были сельскими жителями), образа жизни, интеграции и ассимиляции, а также последствия для принимающих сообществ, фрагментация городского пространства.

Значительную роль сыграла разработанная Э.С. Ли «Теория факторов миграции» [Lee], повлиявшая на дальнейшие исследования и ставшая фактически доминирующей миграционной теорией в силу своей относительной простоты. В данной теории Э.С. Ли объясняет, почему люди склонны мигрировать между определенными странами, и выделяет влияние личных факторов на ускорение или замедление миграции. Теория Э.С. Ли стала обобщением исследования Э. Равенштайна и уделяет особое внимание *притягивающим и выталкивающим факторам миграции*.

Несомненным плюсом данной теории является то, что она учитывает широкий спектр действующих на мигранта факторов, соотношение которых может быть различно в зависимости от характеристик акторов миграции: уровня образования, уровня доходов, этнокультурной идентичности, характера, возраста и т.д. К выталкивающим факторам автор относит экономические кризисы, высокую конфликтогенность, политические и религиозные преследования, экологические катастрофы и др. Притягивающими же становятся экономические факторы, включающие в себя общий уровень развития экономики, высокие зарплаты, стандарты условий работы, высокий уровень политических свобод, свободы вероисповедования и др. Одновременно с этими факторами на мигрантов действуют вмешивающиеся обстоятельства, являющиеся определенными преградами, сдерживающими миграцию; к их числу следует отнести привязанность к семье, расстояние и стоимость переезда, недостаточную осведомленность о возможном районе вселения, барьерность границ и др., которые могут являться несущественными для одних и непреодолимой преградой для других мигрантов. Помимо этого автор указывает, что миграционные потоки между определенными территориями

происходят не только по причине дифференциации притягивающих и выталкивающих факторов, но и вследствие наличия потока информации, которая «возвращается» из стран назначения через уже уехавших мигрантов и воздействует на принятие решения о миграции.

Разработанные *социологические концепции миграции* того периода принято относить к классическим теориям международной миграции, среди которых важно выделить труды Г. Зиммеля [Зиммель], представителей Чикагской школы социологии Р. Парка, Э. Берджеса, Л. Вирта [Чикагская социология], Х.Г. Дункана [Duncan] и др. При этом социологами затрагивались в том числе и пространственные закономерности миграции населения.

Во второй половине XX в. процессы глобализации и стремительные перемены в экономических, социальных и политических системах способствовали резкой интенсификации межрегиональных и межгосударственных миграционных потоков [Алешковский, Ионцев]. Масштабность миграционных процессов в мире и значимость их для стран, принимающих и отдающих население, потребовали усиленного внимания и всестороннего исследования, что способствовало разработке новых теорий и концепций, объясняющих эти процессы. Данный период характеризуется возрастанием внимания экономистов к миграции: важную роль приобрели неоклассические экономические концепции. Одной из первых разработанных теорий, объясняющих сельско-городскую миграцию, стала модель роста и занятости, разработанная В. Льюисом [Lewis] и позднее развитая Дж. Раннисом и Дж. Феем [Fei, Ranis]. Миграция населения рассматривается в ней как механизм перераспределения рабочей силы из секторов с ее избытком в сектора с ее недостатком. Данная модель также применима и для выявления причин международных миграций. Согласно этой теории, международная миграция возникает из-за различий в оплате труда между странами.

Дальнейшее изучение процессов сельско-городской миграции на примере стран Тропической Африки привело к модификации неоклассической теории М. Тодаро и Дж. Харрисом [Harris, Todaro; Todaro], поскольку исследователями было выявлено, что миграция имеет тенденцию сохраняться или даже ускоряться при высокой безработице в городах. Миграция избытка рабочей силы объясняется тем, что решение мигрировать в город зависит больше от ожидаемых, чем от реальных различий в уровне заработной платы между городом и селом. Увеличение потоков трудовых мигрантов оказывает воздействие на рынок труда принимающих территорий, вызывая социальную стратификацию, при которой низкоквалифицированные мигранты занимают более низкие социальные позиции, что приводит к возникновению социальной сегрегации в обществе. Данное воздействие трудовой миграции подробно раскрыто в рамках теории сегментации рынка труда [Bulow et al.; Doeringe et al; Piore]. Продолжением неоклассической экономической теории стали работы Дж. Борхаса [Borjas, 1990; 1999], в которых он исследует вопросы трудовой миграции в США и указывает на выгоды для государства в привлечении высококвалифицированных мигрантов и влияние такой миграционной политики государства на экономику. Отдельное место в исследовании занимает анализ влияния различных типов миграционной политики на количественный и качественный состав мигрантов.

Ограниченность прикладного использования экономических теорий миграции объясняется тем, что мигранты в них почти не рассматриваются как действующие акторы, а лишь как пассивное население, реагирующее на территориальные различия во внешних условиях. В целях устранения пробелов экономической теории на микроуровне Л.А. Сжаастад предложил обосновывать причины миграции в связи с теорией человеческого капитала [Sjaastad]. По мнению автора, в соответствии с теорией человеческого капитала каждый человек рассматривает миграцию как

решение об инвестициях с учетом ожидаемых затрат и выгод в течение некоторого времени. Мигранты выбирают новую страну или регион, исходя из собственной квалификации с учетом результативности процесса миграции.

Основные выводы различных неоклассических теорий можно резюмировать следующими тезисами [Моисеенко]: 1) внутренняя и международная миграция определяется дифференциацией уровня занятости и заработной платы между различными административно-территориальными единицами и государствами; 2) устранение экономических различий между территориями должно приводить к прекращению миграции; 3) потоки высококвалифицированных мигрантов создают особый тип миграции; 4) меры регулирования миграции государством связаны с влиянием на рынок труда как в регионах исхода мигрантов, так и в регионах, принимающих мигрантов; 5) индивидуальные характеристики, социальные условия, понижающие затраты на миграцию, способствуют росту возможной выгоды от ее совершения, тем самым повышая ее вероятность.

Данные теории подвергались и подвергаются критике со стороны исследователей миграции населения за то, что они не в полной мере объясняют направленность современных миграционных потоков между развитыми странами, не имеющими существенных различий в уровне экономического развития; а также за то, что не учитывают социальных, политических, демографических и иных факторов. Серьезную критику вызывает и сам аргумент, что разница в заработной плате является определяющим фактором миграции, ведь в этом случае миграционные потоки должны быть направлены исключительно из наиболее бедных стран Глобального Юга в экономически развитые страны Глобального Севера, чего не происходит – вследствие этого оказывается ограниченным и объяснение миграции в развивающихся странах.

«Новая экономическая теория» О. Старка позволила детально объяснить причины миграции из развивающихся стран [Stark]. Автор делает упор на то, что решение о миграции принимается не отдельным человеком, а группой людей, объединенных семейными или хозяйственными связями, в целях не только получения определенных выгод от миграции, но и минимизации рисков. Решение о миграции на уровне семьи или домохозяйства связано с тем, что они обладают большей возможностью контролировать риски, связанные с материальным благополучием, путем диверсификации распределения семейных ресурсов. На первый план в данной теории выходят денежные переводы мигрантов, которые не рассматривались в других концепциях [Özden, Schiff; Taylor].

Экономические теории позволяют объяснить направленность потоков трудовых мигрантов как внутри стран, так и между ними, однако они не объясняют причины международной миграции других категорий: беженцев, воссоединяющихся членов семей, студентов и др. На основе экономических теорий также не представляется возможным объяснить, почему миграция между определенными странами отсутствует, несмотря на стабильную дифференциацию экономических показателей, или, наоборот, высокую интенсивность миграционных потоков между странами, обладающими идентичным уровнем экономического развития. Для детального и всестороннего изучения современных миграций следует использовать такую миграционную теорию, которая объединяла бы микро- и макроподходы и учитывала экономические, социальные, демографические, политические, пространственные факторы, а также объясняла противоречивость последствий международных миграций.

Попытка обобщения существующих миграционных теорий была предпринята представителями различных дисциплин в главе с Д. Мэсси [Massey et al., 1998]; результатом ее стала синтетическая теория международной миграции. Она, несмотря на

свою многогранность, не была лишена определенных недостатков, к которым в первую очередь следует отнести:

- отсутствие объяснения влияния демографических и культурных факторов, определяющая роль отведена влиянию экономических особенностей;
- теория не рассматривает взаимосвязь регионов входа и выхода мигрантов, делая акцент только на странах приема мигрантов;
- отсутствие анализа влияния мигрантов на различные структуры принимающего общества.

В качестве основы данного исследования, посвященного территориальной дифференциации миграционных потоков из арабских стран Азии в страны ЕС, предполагается использовать *концепцию миграционных систем*. Первые подходы в рамках этого направления были разработаны нигерийским географом А. Мабогунье [Mabogunje], обратившим внимание на пространственную детерминированность миграционных потоков. В своей работе А. Мабогунье отмечает, что географическая структура миграционных потоков не случайна, поскольку совокупность разнообразных факторов задает направленность этим потокам. Данная концепция получила множество положительных откликов в научном сообществе, ее усовершенствование было проведено как зарубежными [Fawcett, Arnold; Massey et al., 1998; Portes, Vogosz], так и отечественными исследователями [Ивахнюк, 2008а; Савоскул, 2016]. Она базируется на использовании системного подхода, что позволяет трансформировать в ее рамках другие теории и концепции: теорию мобильного перехода [Zelinsky], социологические теории, неоклассические экономические теории международной миграции населения, теорию сегментированного рынка труда, концепцию трехстадийности миграции населения, концепцию третьего демографического перехода [Coleman] и др.

Под *миграционной системой* (МС) в данной концепции понимается *группа стран, между которыми существуют отно-*

сительно масштабные и устойчивые миграционные связи, обусловленные взаимодействием на территориях входа и выхода мигрантов широкого ряда факторов: экономических, социальных, исторических, культурных, политических, демографических и др., приводящих к структурным трансформациям на территориях въезда и выезда мигрантов (по [Ивахнюк, 2008b]). Крайне важной – особенно в рамках данного исследования, в условиях изменения основных закономерностей и направленности развития миграционной системы «Арабские страны Азии – Европейский Союз» – становится возможность анализа миграционных потоков не только из одной внешней по отношению к ЕС страны в одну входящую в его состав, а именно в группировку стран всего ЕС. На территории миграционной системы «Арабские страны Азии – Европейский Союз» большую значимость имеют процессы региональной интеграции в условиях миграционного кризиса, страны Европейского Союза имеют значительные возможности совместной выработки решений в области управления миграционными процессами.

Концепция миграционных систем выгодно выделяется и тем, что на ее основе возможно не только объяснение причин и направленности миграционных потоков, но и выявление механизмов и перспектив влияния миграционных процессов на трансформацию демографических, социальных и культурных аспектов территориальных сообществ [Castles; Skeldon] – что очень важно, учитывая культурный сдвиг, который в том числе затронул географические и миграционные исследования [Fielding; Phillip; Solibakke].

Таким образом, анализ основных теорий и концепций международной миграции свидетельствует о широкой традиции изучения миграции в рамках различных научных направлений. Рассмотренные теории характеризуются определенной ограниченностью в связи с узкопрофильностью, что затрудняет их полноценное использование в географическом исследовании для

объяснения направленности современных миграционных потоков. Возрастающее влияние процесса международной миграции на социально-экономическую, политическую, культурную трансформацию стран необходимо изучать, используя системный подход, который позволяет совмещать различные исследовательские подходы.

В нашем исследовании, посвященном территориальной дифференциации миграционных потоков из арабских стран Азии в ЕС, мы исходим из концепции миграционных систем. Она позволяет провести анализ миграционных потоков не только между отдельными странами, но и в рамках регионов, вовлеченных в миграционный обмен. Данная концепция выгодно выделяется и тем, что с ее помощью возможно не только провести анализ причин и выявить направленность миграционных потоков, но и установить механизмы влияния миграционных процессов на демографические, социальные и культурные аспекты развития территориальных сообществ. Возможности концепции миграционных систем представляются нам очень ценными, так как они учитывают также глобальный тренд культурного сдвига, который в том числе затронул современные исследования по географии миграций.

1.3. Трансформация структуры миграционной системы «Арабские страны Азии – ЕС» в период кризиса и методы ее изучения

Формирование миграционной системы «**Арабские страны Азии – ЕС**» началось достаточно давно. Страны ЕС, некогда бывшие центрами нетто-эмиграции, к настоящему моменту превратились в один из крупнейших иммиграционных регионов мира. Масштабные изменения произошли здесь после Второй мировой войны, когда потребность в рабочих руках для восстановления

разрушенного войной национального хозяйства стала важным фактором привлечения трудовых мигрантов в Европу.

Интенсивность миграций из арабских стран Азии в ЕС до окончания Второй мировой войны была относительно невысокой, их причиной были социальные и политические катаклизмы в странах выхода мигрантов (см. параграф 2.1). Однако численность мигрантов в этот период возможно оценить только для некоторых европейских стран – например, Франции и Германии, которые проводили соответствующий статистический учет. Так, на рубеже XIX–XX вв. с целью получения образования в Германию прибывали обеспеченные жители Ирака, и Палестины, а также беженцы из Ливана и Сирии, численность которых к 1941 г. составляла 15–20 тыс. человек [Крюкова].

В дальнейшем, во второй половине XX в. миграционная система «Арабские страны Азии – ЕС» характеризовалась увеличением мощности потоков: так, если в период 1960–1964 гг. из АСА в ЕС прибыли 20,7 тыс. мигрантов, то к 1975–1979 гг. их численность выросла до 58,3 тыс. [DEMIG C2C]. Важно отметить, что после Второй мировой войны и до 1980 г. в структуре миграционного потока была высока доля трудовых мигрантов, а также студентов [Sarabiev]. Миграционные потоки становились все более устойчивыми, однако абсолютные показатели миграции из АСА оставались относительно незначительными, а доля в общем иммиграционном потоке в ЕС составляла менее 0,4%. Серьезным импульсом для увеличения потоков мигрантов стали события, связанные с Шестидневной войной (1967 г.), Ирано-иракским конфликтом (1980–1988 гг.), Гражданской войной в Ливане (1975–1990 гг.), а также социально-политической дестабилизацией в Ираке (с 1990 г.), итогом которых стало увеличение потока вынужденных мигрантов в страны ЕС.

Таким образом, в течение 1980–1990 гг. сформировались основные направления миграционных потоков из АСА в ЕС. Социально-экономические факторы притяжения мигрантов объясня-

ют то, что большинство как вынужденных, так и экономических переселенцев из АСА выбирало местом своей окончательной локализации такие страны как Германия, Дания, Нидерланды, Швеция. Например, за период 1980–1990 гг. Германия стала убежищем для более чем 50 тыс. выходцев из АСА, Швеция – 19 тыс., Дания – 14 тыс. В дальнейшем, со значительным увеличением численности беженцев из Ирака, расширился и список европейских стран, в которые были направлены миграционные потоки из АСА. Помимо Германии, Швеции и Дании, на территории которых в 1990–2000 гг. разместились соответственно 92 тыс., 30 тыс. и 15 тыс. беженцев, значительно увеличился их поток в Нидерланды (39 тыс.), Грецию (14 тыс.), Австрию (11 тыс.), Великобританию (10 тыс.).

В силу напряженной военно-политической обстановки в АСА, на протяжении последних десятилетий XX в. в структуре миграционного потока в страны ЕС преобладают мигранты, стремящиеся попасть в регион по гуманитарным причинам. Так, в 1990–1994 гг. странами ЕС было принято 128,0 тыс. вынужденных мигрантов, в 1995–1999 гг. их число выросло до 154,9 тыс., а в 2000–2004 гг. – до 165,0 тыс. Вынужденные мигранты составляли три четверти переселенцев из АСА. С 1990 г. наметилась трансформация направленности потоков из арабских стран Азии, в которых все большую долю стали составлять граждане Сирии и Ирака [Asylum Applications ...; DEMIG C2C].

Именно увеличение мощности потоков вынужденных мигрантов, зачастую проникающих на территорию стран ЕС незаконно, создавало наибольшие трудности для принимающих стран. Слабая регулируемость этих потоков (в отличие от таковой для потоков трудовых мигрантов), особенно в периоды интенсификации, приводит к политическим кризисам и росту антимигрантских настроений в принимающих обществах.

Трудности, связанные с приемом вынужденных мигрантов странами ЕС, существенно возросли с 2010 г. Так, за пери-

од 2010–2014 гг. в пределах ЕС было зарегистрировано более 1,68 млн беженцев, *аномальное увеличение потока* произошло в 2015–2019 гг., когда на территорию ЕС попало 4,4 млн беженцев (Рисунок 2).

Последний период 2015–2019 гг. характеризуется повышением доли в общем миграционном потоке в ЕС именно беженцев, чья доля достигла 19,7%. Примерно такая же доля беженцев в общем миграционном потоке в страны ЕС наблюдалась в 1990–1994 гг., однако в этот период сам масштаб перемещений был значительно ниже. Примечательным является и направленность потока беженцев: так, в 1990–1994 гг. значительную его часть составляли выходцы из стран бывшей Югославии – региона, географически и культурно близкого странам ЕС: в результате адаптация мигрантов происходила относительно безболезненно.

Традиционно доминирующую роль в структуре миграционных потоков в ЕС играли передвижения внутри региона, а также иммиграция из культурно близких регионов [Житин и др., 2016а]. Однако в последнее десятилетие и, особенно, в период 2015–2019 гг. наметилась трансформация направленности миграционных потоков. Для современного этапа характерно резкое увеличение числа мигрантов, имеющих культурные и религиозные отличия от большинства населения ЕС – в первую очередь, из стран Азии и Африки. Так, если в 2005–2009 гг. численность последних составила 1,31 млн человек (8,7% всех иммигрантов в страны ЕС), то *в период 2015–2019 гг. она возросла до 4,97 млн (22,3%)* – беспрецедентный случай в послевоенной европейской истории! *Важно также отметить, что более 3 млн переселенцев из Азии и Африки в этот период являлись беженцами.* В целом, в структуре потока беженцев доля инокультурных и иноконфессиональных переселенцев (преимущественно мусульман) в 2015–2019 гг. достигла 69%.

Данные изменения произошли в первую очередь за счет интенсификации миграционных потоков из АСА – прежде всего, из ох-

ваченных гражданскими войнами и деятельностью исламистских группировок Сирии и Ирака. Так, с 2015 по 2019 гг. в страны ЕС попало 1,39 млн беженцев из АСА. Наибольшая миграционная нагрузка на страны ЕС пришлось на 2015 и 2016 гг., когда всего за 2 года Европа приняла 2,5 млн беженцев, 82,9% которых – выходцы из стран Азии и Африки. *Ключевую роль в росте миграционной нагрузки на страны ЕС сыграла резкая интенсификация потоков беженцев из Сирии и Ирака*, доля которых в них возросла до 50,6%, а общая численность достигла 1,25 млн человек. Именно стремительное увеличение мощности слабо контролируемых потоков мигрантов из Сирии и Ирака с 2015 г. *положило начало Европейскому миграционному кризису*, результатом которого стало не только увеличение миграционной нагрузки на регион, но и обострение проблем социальной адаптации мигрантов–мусульман и обеспечение безопасности принимающего их общества.

В данной работе под *миграционным кризисом* нами понимается *неравновесное состояние миграционной системы, возникающее вследствие масштабного в территориальном и краткого во временном отношении выбытия большого количества жителей из стран формирования миграционных потоков, перемещения и размещения в странах транзитного региона и прибытия в страны аккумуляции миграционных потоков*. Возвращение миграционной системы в состояние равновесия возможно через достаточно продолжительное время и только при условии относительного нивелирования влияния вызвавших кризис факторов выталкивания в странах формирования миграционных потоков, а также интеграции мигрантов в общество стран, аккумулирующих миграционные потоки. В настоящее время сохраняется опасность того, что кризис в миграционной системе «Арабские страны Азии – ЕС» может снова перейти в активную фазу за счет мигрантов, находящихся в центрах временного размещения: активизация переселения в ЕС может произойти вследствие ухудшения условий нахождения здесь мигрантов или усиления политической

конфронтации стран ЕС с Турцией, на территории которой сосредоточено значительное количество мигрантов из АСА.

Таким образом, стремительный рост числа беженцев (лидером по «производанию» которых стал регион АСА – за счет, прежде всего, Сирии и Ирака) меняет основные закономерности и направления развития миграционной системы. Изменения миграционной системы рассматриваются нами с опорой на концепцию трехстадийности миграционного процесса Л.Л. Рыбаковского (Таблица 1). Так, согласно ее классическому варианту, 2й этап (собственно переселение) происходит достаточно *быстро* в рамках смены места жительства индивидуумом – в отличие от 1го (связанного с подготовкой к переселению) и 3го (адаптация мигрантов на новой территории) этапов, которые длятся в общем случае значительно дольше.

Таблица 1

Стадии миграционного процесса: социально-демографическая и географическая схемы

№ стадии	по Л.Л. Рыбаковскому	географическая адаптация для случая миграционной системы
1	Формирование подвижности	Перемещение внутри региона формирования миграционных потоков
2	Собственно переселение	Перемещение между регионами формирования и аккумуляции миграционных потоков в пределах транзитного(-ых) региона(-ов)
3	Приживаемость новоселов	Расселение внутри региона аккумуляции миграционных потоков

Составлено автором на основе собственных разработок и [Рыбаковский, 1973].

Согласно предложенной схеме, в структуре миграционного процесса в период кризиса системы выделяются 3 основные стадии: 1) *перемещение внутри региона (страны) формирования миграционных потоков*, которое осуществляется мигрантом с целью выезда из данного региона; 2) *перемещение в пределах транзитных регионов*, происходящее между регионами формирования и аккумуляции миграционных потоков⁴; в период кризиса, в отличие от времени нормального функционирования миграционной системы, перемещения мигрантов в транзитных регионах имеют большую длительность и пространственный охват; 3) *перемещение внутри региона аккумуляции миграционных потоков*⁵.

В докризисный период, когда, как правило, преобладают добровольные (трудовые, семейные) миграции, основная часть перемещений между регионами формирования и аккумуляции миграционных потоков происходит вполне осознанно, подготовка к переселению в другую страну длится достаточно долго. Потоки вынужденных мигрантов не характеризуются аномальной мощностью; а события, происходящие в стране эмиграции, не являются критическими, что позволяет беженцам осознанно принимать решение о переселении. Собственно перемещение обычно осуществляется посредством прежде всего воздушного транспорта из немногочисленных международных аэропортов региона-донора в достаточно определенные центры региона-реципиента, выбранные мигрантами заранее еще на родине. Сравнительно менее многочисленные передвижения по суше имеют направленность к пограничным с транзитным регионом территориям. При этом *транзитный регион практически не участвует в формировании пространства миграционной системы*, переселенцы стре-

---

⁴ В контексте нашей работы эта стадия подразумевает перемещения мигрантов по территории стран, через которые пролегают основные миграционные маршруты из АСА в ЕС.

⁵ Под странами региона аккумуляции потоков мы понимаем ряд стран Западной и Северной Европы, являющихся конечной целью перемещения мигрантов.

мятся как можно быстрее преодолеть его и достичь территорию региона аккумуляции потоков. Таким образом, взаимодействие осуществляется фактически лишь между двумя частями системы посредством воздушного транспорта при незначительной роли перемещений по суше (Рисунок 3, верхняя часть). Переселенцы, достигшие региона аккумуляции, распределяются здесь достаточно равномерно относительно сформированной структуры размещения мигрантов.

В кризисный период кардинально меняется структура миграционной системы, происходит ее трансформация в пространственном и временном отношении. К аномальному увеличению мощности миграционного потока из стран, его формирующих, приводит скоротечное ухудшение обстановки в них, которое связано с обострением военно-политической обстановки или природными катаклизмами. В результате решение о переселении принимается мигрантами в короткие сроки и зачастую является непродуманным. События, происходящие в регионе формирования потоков, приводят либо к снижению интенсивности авиасообщения с входящими в его состав странами, либо к его полной остановке: таким образом, на 1й стадии формируются преимущественно сухопутные миграционные маршруты, которые направлены в сторону транзитного региона, на пограничных территориях с которым появлялись центры временного размещения мигрантов (Рисунок 3, нижняя часть).

В результате в кризисный период происходит усложнение 2й стадии миграционного процесса за счет активного вовлечения в перемещение и расселение мигрантов по территории транзитного региона.

Происходит усложнение структуры и самого транзитного региона, в котором – применительно к миграционной системе «Арабские страны Азии – ЕС» – мы выделяем два элемента: 1) *первичный транзитный регион* – в пределах, прежде всего, стран Азии, через которые пролегают основные миграционные

маршруты из АСА до первичных на их пути стран ЕС; 2) *вторичный транзитный регион*, включающий территории европейских стран (в первую очередь, Балканского полуострова), через которые мигранты из АСА следуют в ЕС.

В пределах первичного транзитного региона происходит интенсификация перемещений мигрантов в рамках одного наиболее крупного по своему масштабу потока. Также происходит формирование крупных центров временного размещения мигрантов. Достигая территории стран ЕС (Греции, Болгарии), потоки мигрантов в страны аккумуляции разветвляются; далее они вновь сливаются в несколько крупных ветвей. Передвижения мигрантов за пределы вторичного транзитного региона осуществляются преимущественно сухопутным транспортом. В рамках вторичного транзитного региона происходит формирование разветвленной системы центров временного размещения мигрантов. Необходимо подчеркнуть, что небольшая часть переселенцев все же рассматривает страны вторичного транзитного региона (в пределах ЕС) как конечные пункты своего перемещения. В результате активного вовлечения в перемещения мигрантов транзитных регионов происходит расширение пространства самой миграционной системы. В кризис происходит и увеличение продолжительности процесса переселения за счет того, что само перемещение осуществляется сухопутными и морскими маршрутами, а сами мигранты могут длительное время находиться в центрах временного размещения.

На 3й стадии миграционного процесса в регионе аккумуляции происходит вовлечение всех стран ЕС в размещение мигрантов из АСА, однако диверсификация потоков сочетается с увеличением территориальной концентрации мигрантов в результате их размещения в небольшом числе стран (Германии, Швеции, Нидерландах, Дании, Австрии). В странах, аккумулирующих максимальное количество мигрантов из АСА в кризисный период, происходит снижение их концентрации. Оно наиболее харак-

терно для выделяемой нами *повышательной фазы миграционного кризиса*, характеризующейся ростом численности мигрантов относительно таковой в предыдущем году, в то время как на *понижательной фазе*, когда в каждый следующий год мигрантов приезжает меньше, чем в предыдущий, наблюдается обратный процесс.

С целью выявления трансформации направленности миграционных потоков в рамках миграционной системы «Арабские страны Азии – ЕС», произошедшие в результате аномального увеличения их мощности, нами были использованы разнообразные количественные и качественные методы.

Миграционная система «Арабские страны Азии – ЕС» состоит из более чем 40 государств, с целью выявления основных факторов выталкивания (для *стран формирования миграционных потоков*) и притяжения (*государств вторичного транзитного региона и региона их аккумуляции*) мигрантов между ними и определения их роли предложено использования коэффициента ранговой корреляции Спирмена:

$$r = 1 - 6 \frac{\sum_{i=1}^n (r_i - s_i)^2}{n^3 - n}, \quad (1)$$

где r_i – ранг наблюдения показателя мощности миграционного потока из отдельных арабских стран Азии в различные страны ЕС; s_i – ранг наблюдения количественных показателей факторов выталкивания и притяжения, формирующих миграционные потоки;

n – количество признаков, участвовавших в ранжировании (количество рассматриваемых стран).

Данный коэффициент позволяет оценить качественную характеристику силы связи между различными факторами миграции и мощностью потоков эмигрантов и иммигрантов в зависимости от количественных показателей значения корреляция по

шкале Чеддока: $0,1 < p < 0,3$ – *слабая*; $0,3 < p < 0,5$ – *умеренная*; $0,5 < p < 0,7$ – *заметная*; $0,7 < p < 0,9$ – *высокая*; $0,9 < p < 1$ – *весьма высокая*.

Опираясь на сложившиеся миграционные маршруты в пределах *первичного транзитного региона*, нами проведен анализ изменения перемещений сирийских и иракских мигрантов за период с начала 2009 г. до конца 2019 г. В рамках данного периода возможно проанализировать трансформацию миграционных потоков в докризисный период и в период наиболее активной фазы миграционного кризиса. В качестве основного показателя, характеризующего изменение направленности миграционных потоков, нами использовался модифицированный индекс мозаичности (МИМ) [Горохов, 2014].

$$\text{МИМ} = \frac{1 - \sum_{i=1}^m \pi_i^2}{1 - 1/m}, \quad (2)$$

где m – количество используемых миграционных маршрутов между странами исследуемых регионов;

π – доля i -ого миграционного маршрута в общей численности передвижений между регионами.

Значительным преимуществом МИМ является разработанная шкала оценки полученных значений, которая позволяет интерпретировать уровень колебания показателей *территориальной дифференциации потоков* в интервале от 0 до 1:

1. 0,000-0,280 – *крайне низкая*;
2. 0,281-0,556 – *низкая*;
3. 0,557-0,820 – *высокая*;
4. 0,821-1,000 – *крайне высокая*.

С целью выявления изменений территориальной структуры ислама в странах ЕС, происходящих преимущественно за счет миграционных процессов, был использован центрографический метод, позволивший установить не только изолированное рас-

положение гравитационного центра мусульманского населения стран ЕС, но и направление его движения за период 1950–2015 гг [Полян, Трейвиш]. Значительная сложность расчета координат гравитационных центров заключается в ограниченной доступности статистических данных для разных территориальных уровней, в результате чего приходится сводить разнородные данные конфессиональной статистики различных стран ЕС к общему «знаменателю». При проведении исследования в качестве исходных пунктов нами были выбраны координаты крупнейших поселений на уровне территориальных единиц ЕС – NUTS2 на 2015 г., принятые постоянными для всего рассматриваемого периода. В дальнейшем были вычислены координаты гравитационных центров ислама для каждой страны ЕС, в зависимости от численности адептов ислама во всех NUTS2. Для определения гравитационного центра ислама на определенный временной период в целом для стран ЕС были произведены расчеты координат гравитационных центров стран региона в зависимости от общей численности, проживающих на их территории мусульман.

Используя специализированную программу Geographic Midpoint Calculator [Geographic ...], нами были рассчитаны гравитационные центры ислама для каждой из 28 стран ЕС и в целом для ЕС по состоянию на 1950, 1960, 1970, 1980, 1990, 2000, 2010 и 2015 гг.

Характер трансформации размещения мигрантов в определенном регионе обусловлен интенсивностью процессов их территориальной концентрации-деконцентрации. Для выявления характера трансформации размещения мигрантов во вторичном транзитном регионе и регионе аккумуляции потоков (в т.ч. и в кейсе Швеции) нами используется индекса Херфиндаля-Хиршмана:

$$HHI = \sum_{i=1}^N S_i^2, \quad (3)$$

где S_i – доля страны (административно-территориальной единицы) в общей численности мигрантов на территории региона (страны), %;

N – количество стран (административно-территориальных единиц), где доля мигрантов больше 0.

На основе этого индекса, принимающего значения от 10000/ N до 10000, возможно оценить степень концентрации мигрантов. В случае увеличения его значения наблюдается усиление территориальной концентрации мигрантов, и наоборот.

Сложившиеся особенности передвижения мигрантов из арабских стран Азии в период миграционного кризиса как в рамках вторичного транзитного региона, так и стран аккумуляции миграционных потоков привели к изменению структуры размещения мигрантов по территории стран ЕС). Для выявления уровня этих изменений нами использовался индекс структурных сдвигов Рябцева (I_r):

$$I_r = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (k_{t_2} - k_{t_1})^2}{\sum_{i=1}^n (k_{t_2} + k_{t_1})^2}}, \quad (4)$$

где n – количество стран-членов ЕС (на 01.01.2020);

k – доля каждого из n государств в численности мигрантов из АСА в различные смежные моменты времени t_2 и t_1 .

Уровень структурных сдвигов Рябцева применялся нами и для анализа особенностей размещения в Швеции между мигрантами из Сирии и Ирака с коренным населением страны.

$$I_r = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (k_m - k_{us})^2}{\sum_{i=1}^n (k_m + k_{us})^2}}, \quad (5)$$

где n – количество административно-территориальных единиц второго уровня (коммун);

k_m – доля каждой из n коммун в численности мигрантского населения из Сирии и/или Ирака;

$k_{ш}$ – доля каждой из n коммун в численности граждан Швеции.

Достоинством индекса Рябцева в сравнении с другими показателями абсолютных или относительных структурных сдвигов состоит, помимо прочего, в наличии шкалы значений в интервале $[0; 1]$, позволяющей качественно интерпретировать полученные результаты (Приложение А). Чем выше его значение, тем ниже уровень инерционности территориальной структуры, т.е. тем более масштабными были ее изменения.

Для выявления особенностей размещения мигрантов из Сирии и Ирака по отношению к коренному населению Швеции, наиболее ярко проявившихся в период миграционного кризиса, все 290 коммун страны были объединены нами в 10 групп – децилей, примерно одинаковых по общей численности населения. При анализе различий расселения из рассмотрения был удален первый дециль, представленный одной коммуной (Стокгольм). Это решение было принято по причине аномальности переднего «хвоста» распределения – по аналогии с таковым в рамках правила Ципфа. Его образование – следствие распределения коммун по группам снизу, когда вклад каждой последующей группы все более отличается от идеальной 10%-ной доли (особенно заметной в первой децили).

Анализ качественных методов использованных для выявления факторов выталкивания и притяжения мигрантов между двумя регионами, выделение типов центров временного размещения мигрантов в границах вторичного региона, выделение различных регионов внутри миграционной системы более подробно разобраны далее по тексту работы.

***

Таким образом, дестабилизация военно-политической и социально-экономической обстановки в арабских странах Азии привела к интенсификации миграционного потока из этого региона в ЕС. Начавшееся с 2015 г. аномальное и скоротечное увеличение потока мигрантов привело к развитию Европейского миграционного кризиса. Культурные различия между мигрантами и населением принимающих стран усугубляли миграционный кризис, осложняли адаптацию мигрантов к жизни в новых для них условиях.

Миграция населения представляет собой сложный, многоаспектный процесс затрагивающий все стороны жизни общества – вследствие этого он изучается в рамках различных научных дисциплин. В данном исследовании, посвященном территориальной дифференциации миграционных потоков из арабских стран Азии в ЕС, мы предлагаем использовать концепцию миграционных систем, которая позволяет совместить различные научные подходы к изучению миграций. Для определения дифференциации миграционных потоков на различных территориальных уровнях в рамках миграционной системы считаем возможным использовать адаптированную нами концепцию трехстадийности миграционного процесса. Нами разработана структурная модель функционирования миграционной системы «Арабские страны Азии – ЕС» для кризисного и докризисного периода, а также предложена система методов анализа трансформации миграционных потоков в рамках ее различных элементов.

Выявлено, что Европейский миграционный кризис, в первую очередь, связан с аномальным и краткосрочным увеличением мощности миграционного потока из арабских стран Азии в ЕС. В результате этого кардинально меняется структура миграционной системы «арабские страны Азии – ЕС», происходит ее трансформация в территориальном и временном отношении. Для выявления этих изменений был проведен критический анализ широкого

спектра источников и статистических материалов по миграции из арабских стран Азии в ЕС – как международных, так и региональных организаций, которые дополнялись нами материалами национальных статистических агентств, переписей, регистров населения и др. стран-членов ЕС.

Глава 2

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ПРЕДЕЛАХ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «АРАБСКИЕ СТРАНЫ АЗИИ – ЕС» В ПЕРИОД КРИЗИСА

2.1. Факторы выталкивания мигрантов из арабских стран Азии в ЕС⁶

Международная миграция населения существует в контексте взаимозависимости пространственных, демографических, экономических, политических и др. явлений, одновременно являясь их результатом и фактором воздействия на социально-демографическую и этническую структуру населения стран-доноров международных мигрантов и стран их принимающих.

Миграционные потоки в системе «Арабские страны Азии – ЕС» характеризуются устойчивостью во времени и формируются между определенными территориальными общностями. Направленность потоков во многом объясняется неравномерностью

---

⁶ Материалы данного параграфа в значительной степени основываются на публикациях автора [Агафошин, 2017; Агафошин, Горохов, 2017].

действия факторов, оказывающих выталкивающее воздействие на различные социально-территориальные группы населения.

Взаимодействие в рамках данной миграционной системы имеет продолжительную историю развития. Первые группы иммигрантов из АСА на территории Европы появились в 60-е годы XIX в. Сначала ежегодные показатели эмиграции были невысоки – до нескольких сотен человек в год; эта миграция была вызвана целым рядом факторов.

В период начала формирования миграционного взаимодействия между регионами направленность миграционных потоков во многом обуславливалась *религиозным фактором*, который исторически использовался различными мировыми державами для легитимации их политики в регионе АСА. Для ряда территорий АСА – в первую очередь, современных Сирии и Ливана – одним из факторов миграции стала высокая конфессиональная неоднородность населения. Мозаичность этноконфессиональной структуры (чаще всего с доминированием в различных районах определенной религиозной общины) была характерна для всех областей исторической Сирии, входившей в состав Османской империи [Сарабьев]. Помимо непосредственно арабского населения, которое составляли мусульманские (сунниты, шииты, алавиты, друзы, исмаилиты) и христианские (православные, греко-католики, марониты) деноминации, в регионе проживали такие этноконфессиональные сообщества как езиды, армяне (миафизиты, католики, протестанты), мандеи, курды и гебры-зороастрийцы [Васильев; Пучков, Казьмина; Шпажников]. Крупные европейские державы были связаны с различными этническими и конфессиональными группами в арабских странах, защищая их интересы. Например, исторически защитником интересов католиков-униатов (прежде всего маронитов) в Ливане и Сирии выступала Франция; Великобритания поддерживала тесные связи с друзами, а Россия была традиционным защитником православного населения и др. [Горохов, Дмитриев, 2017].

Повышению миграционной активности – в первую очередь, христианского населения региона – способствовало проведение социально-экономических реформ Танзимата, в рамках которых власти Османской империи предложили новый принцип равенства между мусульманским и немусульманским населением империи [Зеленев]. Важным фактором усиления влияния христианских общин Сирии и Ливана в политической и экономической жизни этих территорий стала поддержка, оказанная им западными державами. Укрепление позиций христианской общины в регионе, вытеснение мусульман из сферы торговли и резкое повышение правового статуса религиозных меньшинств вызвало недовольство мусульманского большинства, что вылилось в большое количество межрелигиозных столкновений, среди которых стоит выделить друзско-маронитские конфликты в 1840 г. и 1860 г.

Эти события привели к военному и дипломатическому вмешательству со стороны европейских стран – в первую очередь, Франции и Великобритании, которые оказывали помощь различным сторонам конфликта. Поддержка со стороны французов христианского населения региона оказала непосредственное влияние на дальнейшую направленность миграционных потоков. В результате обсуждения ситуации в регионе между лидерами европейских держав (в том числе и Российской империи) и турецким султаном был подписан Органический статут об образовании Ливанской мутасаррифии – особой административной единицы в составе Османской империей. Ее основное население в 1861 г. составляли христиане – около 75%, 2/3 которых были маронитами [Kuderna]. Определенная степень административной самостоятельности мутасаррифии от османских властей позволила европейцам осуществлять более активное культурное влияние в Ливане. Энергичная работа европейских христианских организаций увеличивала прозападные настроения в ливанском сообществе, а также оказала влияние на рост внутренней, а затем

и внешней миграций в сирийских провинциях Османской империи.

Серьезное внимание европейские державы уделяли распространению среди арабов-христиан образования, а также финансированию разного рода гуманитарных учреждений через религиозные организации, светские общества и фонды. Одной из таких программ стала поддержка образовательной миграции населения региона во Францию. Помимо этого, деятельность миссионеров была направлена на повышение уровня образования местного населения, происходило строительство учебных учреждений – тем самым углублялись культурные и экономические связи региона с Францией.

Деятельность европейских христианских организаций и фондов в области строительства медицинских учреждений, способствовавших снижению смертности населения, отчасти привела к демографическому буму в Горном Ливане, аграрное перенаселение которого усугублялось фактом постоянного притока населения из соседних сирийских территорий. Так, в преимущественно маронитском каймаке Горного Ливана Джебель Любнан численность населения достигла к концу XIX в. более 400 тыс. человек при плотности в 60 человек/км², что в четыре раза превосходило плотность самых густонаселенных местностей остальной Сирии и Ливана [Сарабьев]. Перенаселение территорий Горного Ливана привела к активизации внутренней миграции – главным образом в Бейрут и Триполи. В связи с этим в период 1865–1885 гг. численность населения Бейрута утроилась – с 60 тыс. до 180 тыс. человек [Yehya]. Несоизмеримость количества людей с числом имеющихся рабочих мест, а также частые межобщинные столкновения, приводившие к жертвам среди христианского населения, способствовали росту масштабов миграции христиан за пределы Ливана. Только за период с 1900 г. до начала Первой мировой войны Ливан и Сирию покинуло более 100 тыс. человек: более 90% их числа составляли христиане, большинство из которых отправи-

лись в страны Латинской Америки и Европы [Сарабьев]. Таким образом, миграция приводила к изменению конфессиональной структуры населения арабских стран Азии, в которых росла доля мусульман.

Первая мировая война слегка затормозила интенсивность миграционных потоков из арабских стран Азии, но с ее окончанием и провозглашением мандата на управление части территории бывшей Османской империей Францией (Сирия и Ливан) и Великобританией (Ирак и Иордания) миграция стала усиливаться. Несмотря на Великую депрессию, охватившую страны Европы и США, наблюдалось увеличение миграции: так, например, за период 1926–1933 гг. на территорию Франции мигрировало 3759 выходцев из Ливана и Сирии (Таблица 2).

В свою очередь, до начала Второй мировой войны осуществлялась активная миграция и из подмандатных британских территорий в метрополию: так, в Лондоне проживали группы ассирийских христиан из Ирака, которые находились на службе в специально созданных войсках [Al-Rasheed].

Таблица 2

Миграция населения из подмандатных территорий Сирии и Ливана во Францию, 1926–1933 гг.

Год	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933
Число мигрантов, человек	2178	338	335	432	434	15	8	19

Составлено автором по: [République Française ...].

Частично по причине активной эмиграции христиан из региона, стало трансформироваться конфессиональное пространство арабских стран Азии, так на протяжении второй половины XX – начала XXI вв. оно характеризуется нарастанием количественного дисбаланса существующих здесь религий в пользу увеличе-

ния доли адептов ислама, первенство которого за все прошедшее столетие не подвергалось существенной конкуренции со стороны прочих религий [Агафшин, Горохов, 2017; Горохов, 2009а; б] (Таблица 3).

Таблица 3

Конфессиональная структура населения арабских стран Азии, %

Религии	Доля адептов религий в конфессиональной структуре населения арабских стран Азии, %					
	1910	1950	1970	1990	2010	2015
Ислам	75,5	90,76	91,68	92,30	91,61	91,67
Христианство	22,9	7,54	7,09	4,96	4,74	4,53
Индуизм	0,0	0,02	0,04	0,60	1,23	1,33
Буддизм	0,0	0,00	0,07	0,16	0,30	0,34
Иудаизм	0,4	0,38	0,03	0,28	0,35	0,34
Другие	1,2	1,14	0,51	1,14	0,56	0,66
Нерелигиозные	0,0	0,16	0,58	0,94	1,21	1,15

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James].

В результате к середине XX в. на всей территории региона, кроме Ливана, ислам был религией подавляющего большинства, и его приверженцы составляли более 90% населения арабских стран Азии (Приложение Б). Однако доля мусульманского населения была различной: в странах Аравийского полуострова – более 95%; в Ираке – 94%; в Сирии, на Палестинских территориях, в Иордании **она колебалась в интервале 80–90%**, и только в Ливане мусульмане составляли **меньшинство населения – 40%** [Шпажников; Brown, James; Kettani].

Во второй половине прошлого века в регионе происходит увеличение доли мусульманского населения, и к 2015 г. по доле мусульман в населении (около 91,7%) регион занимал одну из лидирующих позиций в мире, уступая лишь Северной Африке; а в Иордании, Ираке, Йемене доля мусульман превышает 95%

(Рисунок 4). На увеличение численности и доли адептов ислама в регионе непосредственно повлиял хоть и незначительный, но более высокий показатель фертильности среди мусульманских женщин по сравнению с таковым у представительниц других религий [The Changing Global ...]. Значительное сокращение относительных показателей в данный период характерно для христианской общины Сирии, Ирака, Иордании и Палестинских территорий: несмотря на небольшой рост своей численности, ее доля стремительно сокращается: так, в 1950–2015 гг. доля христиан в население Сирии сократилась с 14% до 5%, Палестины – с 8% до 1,5%, Ирака – с 3% до 1%, что во многом обусловлено оттоком из них немусульманского населения (Приложение В).

Наиболее значительное преобразование конфессиональной структуры населения произошло в Ливане: в 1950–1970 гг. здесь доминировали христиане (около 60%), которые к 2015 г. стали меньшинством (32,5%). В результате военных конфликтов, сотрясающих Ливан и оказывающих негативное влияние на экономическое развитие государства, началась массовая эмиграция населения. Политическая и военная ситуации в стране серьезно повлияла на конфессиональную структуру мигрантов: так, в период 1975–1984 гг. Ливан покидали преимущественно христиане, доля которых среди эмигрантов составила 78%.

Израильское вторжение на территорию Ливана в 1982 г. закончилось изгнанием палестинских боевиков и оккупацией Израилем южных районов Ливана, что привело к трансформации религиозного состава эмиграции: так, в 1985–1990 гг. уже мусульмане составляли большую часть потока – 83%, в то время как на христиан приходилось 17% [The Lebanese Demographic]. В дальнейшем, после окончания гражданской войны, с 1990 по 2011 гг. религиозная структура эмиграции во многом соответствовала общей конфессиональной структуре страны. За этот период среди эмигрантов большую часть составляли мусульмане – 53,4%, на долю христиан приходилось – 46,6% (Рисунок 5). Помимо эми-

грации, значительное сокращение адептов христианства в Ливане было обусловлено наличием масштабных потоков беженцев на территорию государства – преимущественно мусульман из Палестины и Сирии [Palestine refugee; Syria Regional ...].

Несмотря на то, что на протяжении рассматриваемого периода в конфессиональной структуре населения происходит увеличение абсолютных и относительных показателей численности мусульман, здесь сохраняются отличные от ислама религиозные общины. Нельзя утверждать, что эмиграционный поток из стран региона являлся исключительно гомогенным и состоящим из мусульман [Camarota]. Так, в 1970–80-е годы среди эмигрантов доминировали адепты христианства, которые направлялись в страны Европы и Северной Америки. Увеличение доли мусульман в арабских странах Азии (за исключением государств Персидского Залива, о которых речь пойдет далее) и уменьшение их христианского населения, безусловно, оказывает влияние и на современную религиозную структуру миграционных потоков в страны ЕС, в которой резко доминируют мусульмане.

Еще одним фактором, повлиявшим на формирование направленности миграционных потоков из арабских стран являлись *особенности экономического развития* данных территорий [Абрамова, Фитуни]. Некоторые АСА, объединенные в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), благодаря гигантским запасам углеводородов и развитию нефтегазового сектора стали одними из наиболее богатых в мире. Они являются одними из мировых лидеров по значению ВВП на душу населения (по ППС). Так, в период миграционного кризиса (2015 г.) Катар занимал первое место в мире по этому показателю – \$140,6 тыс.; значения для остальных стран превышают среднемировые показатели (\$16,9 тыс.): Кувейт – \$73,6 тыс.; ОАЭ – \$67,6 тыс.; Саудовская Аравия – \$51,9 тыс.; Оман – \$38,6 тыс. [International Comparison ...]. Благодаря высокому уровню экономического благополучия и потребности

в рабочей силе – страны ССАГПЗ стали одним из глобальных центров международной миграции, для которых характерен положительный миграционный баланс и высокая доля мигрантов в населении (32–88%). Также их отличительная черта – высокая зависимость от мигрантов: доля последних в структуре трудовых ресурсов составляет 70,4% [Агафошин, 2016] (Рисунок 6).

Будучи одним из крупнейших миграционных центров, регион стран ССАГПЗ характеризуется определенными особенностями направленности иммиграционных потоков. Большая часть иммигрантов прибывает не из соседних Ирака, Сирии или Иордании, а в основном из неарабских азиатских стран, что объясняется особенностями миграционной политики данных государств (см. параграф 2.2.). Так, к началу миграционного кризиса на территории стран ССАГПЗ из 25,4 млн иммигрантов более 16,5 млн – представители неарабских азиатских государств [Trends in International ...]. Среди них преобладают граждане Индии – 6,8 млн человек, (2,8 млн из них проживают в ОАЭ), Бангладеш – 2,8 млн, Пакистана – 2,7 млн, Индонезии – 1,7 млн, Филиппин – 1,5 млн, Шри-Ланки – 0,6 млн, и др. Эти особенности направленности потоков во многом объясняют увеличение пестроты конфессионального состава населения стран ССАГПЗ (Приложение В).

В свою очередь, эмиграционные потоки из стран ССАГПЗ в ЕС носят продолжительный и устойчивый характер, хотя не отличаются высокой интенсивностью. Основную роль в этом играет исторический фактор, поскольку территории современного Бахрейна, ОАЭ (Договорный Оман), Омана, Кувейта, Катара продолжительное время были британскими колониями. Основной разновидностью миграции из стран ССАГПЗ в ЕС является бизнес и образовательная миграция [Агафошин, 2017].

С другой стороны, к началу миграционного кризиса некоторые АСА характеризовались низким уровнем экономического благосостояния (ВВП на душу населения по ППС): Ирак – \$17,2 тыс.,

Ливан – \$14,7 тыс., Иордания – \$9,1 тыс., Сирия – \$2,5 тыс., Йемен – \$1,6 тыс. [International Comparison ...]. Особо важную роль для этих стран играет высокий уровень безработицы – в первую очередь, среди молодежи Палестины, Сирии, Йемена, Иордании (Таблица 4).

Таблица 4

**Уровень общей и молодежной безработицы в АСА в 2015 г.,
% безработных к трудоспособному населению**

Страна	Общая безработица	Мужская безработица	Женская безработица	Молодежная безработица
Бахрейн	1,2	0,5	4,0	5,8
Иордания	14,9	12,8	25,0	39,8
Ирак	8,2	7,2	11,9	17,9
Йемен	14,0	12,8	28,3	25,5
Катар	0,1	0,1	0,5	0,5
КСА	5,5	2,5	21,1	34,7
Кувейт	2,1	1,3	4,3	15,5
Ливан	6,6	5,4	10,4	16,5
ОАЭ	1,7	1,3	4,6	5,1
Оман	3,3	1,8	12,8	48,2
Палестина	27,4	22,2	47,1	44,5
Сирия	14,9	11,0	38,2	34,9

Составлено автором по: [Key Indicators ...].

Таким образом, эмиграция населения из данных стран в ЕС обусловлена стремлением повысить уровень экономического благосостояния и условий работы. Эмиграция вызывает обратный поток денежных переводов, который является важным ресурсом для помощи членам домохозяйств, сокращения бедности и обеспечения экономического роста в странах происхождения мигрантов, являясь важным источником получения твердой ва-

люты для национальной экономики, а в некоторых случаях данные средства идут на финансирование террористических организаций [Абрамова, 2005; 2009b]. Так, денежные переводы мигрантов в странах, характеризующихся длительной историей эмиграции и многочисленной диаспорой, формируют значительную долю ВВП (Таблица 5) (Приложение Г) [Кривов, Сидорова]. Денежные переводы, получаемые каждый год от мигрантов, зачастую превосходят доходы от экспорта товаров и услуг, делая трудовую эмиграцию наиболее доходной статьёй экономики многих арабских стран [Ratha, Sirkeci].

Таблица 5

**Вклад денежных переводов мигрантов в ВВП арабских стран
Азии* в 2010–2017 гг., %**

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Иордания	13,71	12,77	12,44	15,90	17,78	14,26	11,32	11,06
Ирак	0,13	0,12	0,12	0,31	0,31	0,56	0,58	0,52
Йемен	4,94	4,29	9,47	8,27	7,75	9,68	18,40	-
Катар	-	0,34	0,43	0,29	0,24	0,27	0,25	0,40
КСА	0,04	0,04	0,03	0,04	0,04	0,05	0,05	0,04
Кувейт	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,03	0,00	0,02
Ливан	18,00	17,16	15,21	16,44	15,03	15,13	15,33	15,34
Оман	0,07	0,06	0,05	0,05	0,05	0,06	0,06	0,06
Палестина	10,40	10,91	15,40	12,01	14,19	14,41	15,61	14,78
Сирия	2,40	-	-	-	-	-	-	-

* – кроме Бахрейна и ОАЭ, для которых нет данных.

Составлено автором по: [World Development Indicators].

Другим крайне важным выталкивающим фактором эмиграции из АСА в ЕС являются особенности демографического развития регионов [Абрамова и др.]. С середины XX в. в АСА произошли кардинальные изменения структуры населения. Численность на-

селения региона выросла с 20,2 млн человек в 1950 г. до 160 млн человек в 2017 г. [Profiles of Ageing; World Population Prospects]. В первую очередь, причиной столь резкого роста численности населения стал процесс демографического перехода [Вишневский]: добившись независимости в середине XX в., государства Западной Азии получили возможность более широкого использования мировых достижений в области медицины, в результате чего существенно уменьшился уровень смертности, в том числе и детской. Так, за период 1950–2015 гг. общий коэффициент смертности снизился более чем в 4 раза – с 22,3‰ до 5,3‰, показатель детской смертности – с 250‰ до 20,6‰ [World Population Prospects]. В то же время показатели рождаемости долгое время оставались на высоком уровне: в 1950–1970-х годах суммарный коэффициент рождаемости почти во всех АСА составлял более 7 детей на женщину, а в последующие годы начал резко снижаться (Рисунок 7).

На сегодняшний день в большинстве стран региона рождаемость составляет лишь 3 ребенка на женщину, что означает падение в большинстве из них рождаемости в 2–3 раза. Данные изменения говорят о существенной трансформации репродуктивного поведения населения данного региона. Пик снижения смертности населения, в том числе детской, в большинстве АСА при еще сохраняющейся высокой фертильностью пришелся на 1970–1980 гг., что привело в начале нового тысячелетия к стремительному росту численности молодежи. Первоначально произошел значительный рост абсолютной и относительной численности детей (0–14 лет), а затем, с переходом этих поколений в следующую возрастную категорию – молодежи 15–24 лет (Рисунок 8). Снижение доли молодежи 15–24 лет только началось, но абсолютная численность этой группы населения, по прогнозам, продолжит расти почти во всех АСА, что характерно для большинства мусульманских стран мира [Горохов, 2009а]. В результате к настоящему моменту возник так называемый «молодежный

бутор» – резкое увеличение численности населения в возрастной когорте от 15 до 29 лет.

Региональные особенности воспроизводства и занятости населения стран оказывают непосредственное влияние на экономическое развитие региона. Для выявления демографического дисбаланса в АСА наиболее важным является установление доли молодых возрастов в структуре населения, которая является показателем социальных расходов государства (строительство образовательных учреждений, медицинское обеспечение и т.д.) и социальной напряженности в обществе, связанной с будущим трудоустройством молодежи и ее взаимоотношением с государством [Абрамова, Фитуни]. Для проведения анализа влияния молодежи на экономическое развитие используем коэффициент потенциального замещения, рассчитываемый как отношение численности населения ниже трудоспособного возраста к численности трудоспособного населения (Таблица 6).

Анализ полученных данных свидетельствует о существенных различиях в демографической структуре населения стран ССА-ГПЗ и других АСА. Еще один признак, который отличает эти две группы стран – показатель медианного возраста. Так, для населения Бахрейна, Катара, Кувейта, ОАЭ, Омана, Саудовской Аравии он колеблется в пределах 29–33 лет, в то время как для Ирака, Йемена, Сирии и Палестинских территорий составляет 19–21 год.

По мнению немецкого исследователя Г. Гейнзона, молодость населения является одним из ключевых факторов возникновения войн, восстаний, гражданских войн и роста терроризма [Heinsohn]. Они, как правило, приурочены к тем странам, в структуре населения которых наблюдается избыточная численность когорты в возрасте 15–24 лет, доля которой превышает 20% общей численности населения. Рассматривая структуру населения арабских стран Азии, можно отметить, что страны охваченные конфликтами, имеют долю молодежи в населении выше 20% (Йемен, Палестина), а Сирия, Ирак и Ливан очень близки к данному показателю (Рисунок 9).

Таблица 6

**Экономико-демографические показатели арабских странах Азии,
2017 г.**

Страна	Численность населения, тыс. человек	Доля молодежи до 15 лет, %	Коэффициент демографической нагрузки	Коэффициент потенциального замещения	Коэффициент пенсионной нагрузки
Бахрейн	1493	19,7	286,6	253,0	34,0
Иордания	9702	35,5	657,3	585,1	102,8
Ирак	38275	40,4	780,9	716,1	64,9
Йемен	28250	39,9	755,6	698,4	57,2
Кагар	2639	13,9	180,4	163,5	17,0
КСА	32938	25,2	404,6	351,8	52,9
Кувейт	4137	21,1	308,5	275,3	33,2
Ливан	6082	23,1	487,3	337,5	149,8
ОАЭ	9400	13,9	178,4	163,5	14,9
Оман	4636	21,8	323,5	287,6	35,8
Палестина	4921	39,6	749,2	689,7	59,5
Сирия	18270	36,6	705,8	619,0	86,7

Расчитано и составлено автором по: [Profiles of Ageing].

В целом, фактор *политической нестабильности и наличия вооруженных конфликтов* традиционно является одним из выталкивающих факторов миграции из АСА. Дестабилизация политической обстановки в регионе, вылившаяся в гражданскую войну в Ливане 1975–1990 гг., ухудшение экономической ситуации – девальвация ливанской лиры, резкое повышение уровня безработицы, которая в 1987 г. достигла 35% [Nasr] – вынудили направиться в страны Европы более 70 тыс. ливанцев [Fersan]. Экономические и политические потрясения сказались и на группе незащищенных палестинских беженцев, которые подвергались

трудовой, политической, религиозной дискриминации; лагеря их проживания в арабских странах Азии подвергались нападениям. Данные события вынуждали палестинских беженцев как легально мигрировать в развитые страны по экономическим причинам, так и искать политическое убежище в странах Европы. В течение этого периода наиболее активно происходила миграция в Швецию, Данию и Германию [Абрамова, Штольц; Dorai]. Немалую роль в увеличении потоков миграции как внутри региона, так и в страны ЕС сыграли Война в Персидском заливе 1991 г., вторжение коалиционных сил в Ирак 2003 г. и последующая за ней Иракская война, которые вынудили покинуть свои дома более 1,5 млн человек, спасающихся от военных действий, религиозных преследований и отсутствия экономических возможностей. Так, только в 2003 г. насчитывалось более 1,1 млн иракских беженцев, 150 тыс. из которых находились на территории стран ЕС [Global Refugee ...].

Решающую роль в увеличении мощности миграционных потоков и их трансформации сыграло возникновение и активное распространение с начала 2014 г. запрещенной в РФ террористической группировки «Исламское государство» (ИГ) преимущественно на территории Сирии и Ирака [Ткаченко, Ткаченко; Фитуни]. Под контролем исламистских организаций оказались как территории компактного проживания религиозных меньшинств на северо-востоке Сирии и северо-западе Ирака, так и территории проживания суннитского населения, подвергавшегося гонениям и геноциду (Рисунок 10).

Для определения территорий, характеризующихся повышенной конфликтогенностью за период 2000–2017 гг., нами был проведен анализ количества и масштабов конфликтов, которая характеризуется показателем среднего числа жертв в различных конфликтах (см. подробнее [Супрунчук и др.]). В результате проведенного анализа было выявлено, что на Ирак и Сирию, которые являются основными продуцентами мигрантов (в первую

очередь, беженцев) в страны ЕС, приходится подавляющее число конфликтов в регионе арабских стран Азии – 23,7 тыс. (82% конфликтов всего региона); 16,2 тыс. конфликтов, приведших к жертвам (86,5%); 83 тыс. убитых людей в этих конфликтах (89%) (Рисунок 11).

С целью выявления роли и значимости выталкивающих факторов населения из АСА нами были рассчитаны значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена (1) по ряду экономических, демографических, политических и религиозных факторов миграционного выталкивания из арабских стран Азии: ВВП по ППС, ВВП по ППС на душу населения, траты на здравоохранение, коэффициент демографической нагрузки, коэффициент потенциального замещения, показатель безработицы, показатель молодежной безработицы, количество жертв террористических действий, значения религиозной мозаичности (Приложение Д).

Полученные значения корреляции для современных миграционных потоков свидетельствуют о первостепенном влиянии фактора политической нестабильности: так, наиболее высокое значение коэффициента корреляции характерно для показателя количества жертв конфликтов – 0,61. Прослеживается умеренная корреляция показателей экономических факторов: низкие затраты государств на здравоохранение – 0,46; ВВП по ППС – 0,38; значение общей и молодежной безработицы – 0,31 и 0,27. Снижение показателей религиозной мозаичности населения стран региона – 0,45. Значительна роль демографических факторов: умеренная корреляция для коэффициента демографической нагрузки – 0,43; высокая доля возрастных групп 15–24 года в структуре населения – 0,31. Корреляция других выталкивающих факторов является незначительной.

Таким образом, за длительный период развития миграционной системы «Арабские страны Азии – ЕС» на нее воздействовали разнообразные факторы, выталкивающие население из АСА. Влияние данных факторов, среди которых важно выделить ре-

лигиозный, экономический, демографический и политический, оказывается совместным, однако в различные исторические периоды превалирует тот или иной из них. Так, например, в период формирования миграционной системы главным выталкивающим фактором являлась неоднородность конфессионального состава, в результате которой структура миграционных потоков из региона характеризовалась доминированием в ней христиан. В дальнейшем, по мере изменения конфессиональной структуры населения ряда стран региона в сторону увеличения численности и доли мусульман, на первый план стали выходить экономический и демографический факторы, результатом действия которых стало формирование потоков трудовой миграции. В современный период, характеризующийся небывалой интенсификацией миграционных потоков, наиболее важную роль оказывает фактор политической нестабильности, тесно переплетенный с ростом религиозной нетерпимости, что выражается в существенном росте военных конфликтов, террористических угроз, в том числе со стороны исламистских группировок. Данные особенности влияния факторов политической нестабильности провоцирует рост численности вынужденных мигрантов – в первую очередь, с территории охваченных конфликтами Сирии и Ирака.

2.2. Территориальная дифференциация миграционных потоков в пределах региона их формирования

Сложившиеся социально-экономические и демографические диспропорции в арабских странах Азии на фоне ухудшения политической обстановки, вызванной событиями Арабской весны, оказали решающее влияние на миграцию из региона. Однако не все арабские страны Азии внесли равнозначный вклад в развитие миграционного кризиса. В рамках рассматриваемого нами временного интервала с 2010 г. явными лидерами были Сирия и

Ирак, оставившие далеко позади всех соседей по региону: так, на долю этих двух стран пришлось более 87% всего миграционного потока в ЕС. Основной причиной этого стали не только и не столько гражданские войны, сколько активное распространение с 2014 г. в Сирии и Ираке исламистских организаций – прежде всего, запрещенной в РФ экстремистской суннитской террористической группировки ИГ («Исламское государство»).

Активная деятельность группировки ИГ началась с полномасштабного наступления на северные и западные районы Ирака, а также в северной Сирии. Расширение территории ИГ происходило крайне быстрыми темпами, от продвижения боевиков страдало все население региона, однако наибольший урон оно принесло этническим и конфессиональным меньшинствам – шиитам, христианам, езидам, курдам и др (Рисунок 10).

Территориальная экспансия группировки осуществлялась не через изолированные пункты сети, а фактически сплошным фронтом. Началась она 1 января 2014 г. с нападения на Мосул на севере Ирака и продолжилась в южном (иракская провинция Анбар) и западном (Сирия) направлении. При этом к середине июня в Ираке боевики контролировали, в том числе и близлежащие к Мосулу города и селения Ниневийской равнины – территорию, отличающуюся этническим, культурным и религиозным многообразием. Это привело к исходу почти 200 тыс. христиан, кроме них равнину покинули около 70 тыс. шиитов и более 40 тыс. езидов [Агафшин, Горохов, 2017]. Всего за полгода активной деятельности под контроль ИГ перешли значительные территории иракских мухафаз (провинций) Анбар, Найнава, Эрбиль, Киркук, Сулеймания, Салах-эд-Дин, Дияла и Бабиль, в результате чего боевики подошли вплотную к Багдаду. В Сирии исламисты закрепились на территории мухафаз Дейр-эз-Зор, Ракка, Халеб и Хомс, разместив столицу ИГ в городе Эр-Ракка. Площадь, контролируемая «Исламским государством» к середине 2014 г., составляла не менее 160 тыс. км², на которой проживало 9 млн человек.

Успехи исламистов на территории Ирака и Сирии способствовали привлечению на территорию, находящуюся под управлением ИГ, сочувствующих ему иностранцев [Фитуни, Абрамова, 2016]. Так, в 2014–2015 гг. по меньшей мере 30 тыс. боевиков из более чем 85 стран мира присоединились к ИГ. Важно отметить, что миграционные потоки боевиков в Сирию и Ирак были направлены не только из мусульманских развивающихся государств, но и из развитых стран Европы и Северной Америки: по различным оценкам, из стран ЕС к группировке примкнули от 4,5 до 6 тыс. человек (Таблица 7).

Таблица 7

Численность боевиков на территории Сирии и Ирака из стран ЕС, человек

Страна	Численность боевиков	Страна	Численность боевиков
Франция	1700–2500	Нидерланды	200–300
Германия	760–1000	Испания	130–250
Великобритания	760–850	Дания	125–250
Бельгия	470–550	Италия	85–110
Швеция	300	Финляндия	75–100
Австрия	250–300	Ирландия	30

Составлено автором по: [Barrett; Benmelech, Klor; Foreign fighters ...].

Во многом именно благодаря притоку джихадистов из-за границы ИГ удалось максимально расширить свою подконтрольную территорию в первую очередь в Сирии, где к концу 2015 г. частично или полностью под управлением боевиков находились 11 из 14 мухафаз (за исключением Латакии, Тартуса, Эль-Кунейтры). В свою очередь, в Ираке к середине 2015 г. правительственной армии удалось остановить продвижение исламистов, сдвинув фронт к западу. Тем не менее под контролем ИГ к концу 2015 г.

почти полностью находились мухафазы Анбар, Найнава, Салах-эд-Дин, частично – Киркук, Кербелла, Эрбиль. Таким образом, площадь территории под властью ИГ и других исламистских группировок в Ираке и Сирии составляла около 280 тыс. км², в ее пределах проживали 10,8 млн человек. В дальнейшем, в результате действий правительственных войск, курдских и ассирийских христианских вооруженных формирований (Пешмерга – в Ираке, Отряды национальной самообороны (YPG) и «Сооторо» – в Сирии), а также при поддержке международной западной коалиции и деятельности российских войск к лету 2016 г. удалось значительно сократить территориальную экспансию исламистских группировок, под контролем которых оставалась территория площадью около 130 тыс. км².

Таким образом, в наибольшей степени от деятельности исламистских группировок пострадали северо-западные районы Ирака и восток Сирии. Население данных районов оказалось вынужденно покинуть территории своего проживания в поисках спасения как внутри своих стран, так и за рубежом. Экспансия исламистских группировок обусловила направленность миграционных потоков населения внутри Сирии и Ирака. Традиционно потоки мигрантов внутри этих стран, желавших выехать за рубеж, направлялись в наиболее крупные населенные пункты, в которых располагались немногочисленные международные аэропорты, через которые происходило их дальнейшее перемещение (Багдад, Басра, Эрбиль, Эн-Наджаф, Эн-Насирия, Сулеймания – в Ираке; Дамаск, Алеппо, Джабла, Эль-Камышлы – в Сирии), в том числе в страны ЕС. Однако деятельность международных аэропортов в ходе гражданских войн и наступления исламистов была зачастую приостановлена, а в ряде случаев даже прекращена вследствие их захвата.

Практическая невозможность покинуть территорию Сирии и Ирака воздушным транспортом в условиях быстрой экспансии вооруженных отрядов ИГ вынуждала население бежать, не имея

достаточно времени для подготовки и принятия обдуманного решения о переселении. В таких условиях основной поток эмигрантов из страны образуют беженцы, а внутри нарастает численность внутренне перемещенных лиц, которые в дальнейшем также стремятся покинуть территорию страны. Для характеристики изменений направленности миграционных потоков внутри Сирии и Ирака нами проведен анализ перемещений вынужденных мигрантов между административно-территориальными единицами первого порядка этих стран и их концентрации в лагерях временного пребывания за 2014–2015 гг. – период наиболее активной деятельности исламистов в регионе.

В целом, за данный период внутренне перемещенными лицами в Ираке стали около 1,3 млн человек, более 61% которых (804 тыс.) размещались в лагерях за пределами провинций их постоянного проживания. На территории Ирака внутренне перемещенными лицами становились преимущественно жители 3 мухафаз, на долю которых приходилось 96,5% их общего числа в стране на середину 2015 г.: Найнава – 50,5%, Салах-эд-Дин – 26,4% и Анбар – 19,6%. Направленность перемещений из данных районов обусловлена стремлением мигрантов попасть в более безопасную, по их мнению, часть страны либо в приграничные районы с целью пересечения границы для дальнейшего переселения в другое государство. Поэтому прослеживается концентрация лагерей беженцев в тылу фронта противостояния правительственной армии и курдских военизированных отрядов с силами ИГ, особенно в мухафазах, на территории которых располагались пограничные переходы. Так, максимальная численность внутренне перемещенных лиц наблюдалась на территориях Курдского автономного района в мухафазах Дахук (27,9%), Эрбиль (17,2%), Киркук (12,2%), Сулеймания (11,0%), а также на территориях, подконтрольных центральным властям: Багдад (9,5%), Наджаф (7,2%) и Кербелла (6,8%) (Рисунок 12 нижняя часть).

В результате перераспределения населения из северо-западных районов страны, занятых исламистами, произошло формирование двух полосовидных структур концентрации беженцев в тылу фронта борьбы с ИГ, на территории которых находились более 740 тыс. временно-перемещенных лиц (92,4%). *Первая полосовидная структура* протянулась от границы с Ираном в мухафазе Сулеймания, далее – на северо-запад по территории мухафаз Киркук и Эрбиль, до границы с Турцией в Дахуке, в пределах которой *расположились 68,3% временно-перемещенных лиц* Ирака. В пределах данного пояса многочисленные лагеря сосредоточены в округах мухафазы Сулеймания: Сулеймания – 53 тыс. человек, Чамчамал и Камал – по 10 тыс. человек, в которых преимущественно проживают вынужденные мигранты из Салах-эд-Дина, Анбара и Диялы. В различных округах мухафазы Киркук размещалось более 103 тыс. человек – преимущественно из Салах-эд-Дина и Анбара, в т.ч. 79 тыс. – в округе Киркук и 26,5 тыс. – в округе Эль-Хавига. Далее, по мере приближения к границе с Турцией в рамках данной полосовидной структуры численность вынужденных мигрантов продолжала повышаться, составляя в мухафазе Эрбиль 138 тыс. человек – преимущественно мигрантов из Салах-эд-Дина, которые по большей части размещались в округах Эрбиль (68 тыс. человек) и Шаклава (62,5 тыс.). Наибольшее же количество переселенцев (224 тыс.) были сосредоточены в пределах округов мухафазы Дахук, что объясняется закрытием со стороны Турции почти всех пограничных переходов в Эрбиле и Дахуке, за исключением единственного открытого пункта пропуска «Ибрагим Халил» в округе Захо (мухафаза Дахук).

Таким образом, в результате перемещения мигрантов на относительно безопасные территории Курдской автономии и их стремления продолжить свое передвижение далее за границу в направлении стран ЕС, в пределах данной полосовидной структуры размещения мигрантов вследствие слабой проницаемости

границы между Ираком и Турцией происходит формирование «бутылочного горлышка».

Второй пояс размещения мигрантов протягивается от Багдада в южном направлении и включает мухафазы Кербелла и Наджаф. В данном поясе размещались около 190 тыс. человек (23,5% их общего числа) – в основном, из мухафаз Анбар и Найнава. Повышенная концентрация переселенцев, в первую очередь, характерна для мухафаз, расположенных в тылу фронта и защищенных правительственной армией от наступления боевиков. Так, в пределах районов в пригородах Багдада размещались более 76 тыс. человек: в Абу-Грейб – 32 тыс., Кархе – 21 тыс., Русафе – 10 тыс., Адхамие – 5 тыс., и т.д. Южнее, в мухафазе Кербелла переселенцы размещались преимущественно по территории округа с одноименным названием, в котором находились около 50 тыс. человек. В мухафазе Наджаф находилось 57 тыс. переселенцев, большинство из них – на севере провинции.

Особенности размещения мигрантов в данном поясе указывают на отсутствие их скопления на приграничных территориях. Переселенцы в этих районах фактически не имели возможности дальнейшего передвижения за пределы Ирака в Саудовскую Аравию, Кувейт и другие страны ССАГПЗ. Данная особенность миграционной политики стран ССАГПЗ была характерна для них не всегда: так, в начальный период активного привлечения мигрантов последние «рекрутировались» преимущественно из соседних арабских стран – прежде всего, из Палестины, Ирака, Египта и др. [Arab migrant ...]. До нефтяного бума 1970-х годов более 80% мигрантов в странах ССАГПЗ были представлены арабами, рабочие из неарабских азиатских стран составляли менее 20% и были заняты преимущественно в европейских компаниях и правительственных учреждениях [Балмасов; Suter]. По мере роста численности мигрантов из соседних арабских стран происходил рост их влияния на политическую ситуацию в принимающих государствах. Немаловажную роль в формировании миграционной

политики сыграли и особенности политического развития стран Залива и их арабских соседей: так, если страны ССАГПЗ развивались по паттерну патриархальных монархий, то в соседних государствах развитие получили левые идеи арабского социализма [Сапронова]. Угроза возникновения оппозиционных движений, причем весьма радикальных – которые были способны дестабилизировать внутреннюю обстановку в странах ССАГПЗ, заставила их пересмотреть направленность иммиграционных потоков [Мазеин]. Иракская аннексия 1991 г. в Кувейте и последующие действия режима С. Хусейна, которые были поддержаны выходцами из стран «арабского социализма», проживавшими в странах Залива, привели к фактическому выдворению из стран ССАГПЗ около 1,5 млн «неблагонадежных» арабов [Балмасов].

Стоит также отметить, что, несмотря на массовую трудовую миграцию, арабские монархии практически не принимают беженцев и очень редко предоставляют политическое убежище. Так, например, в период 2011–2015 гг. статус беженца в странах ССАГПЗ получили лишь 33 сирийских гражданина [Медушевский]. Это во многом объясняется особенностями государственной политики данных режимов, которыми не ратифицирована Конвенция о статусе беженцев 1951 г. Нежелание принимать беженцев из соседних арабских стран обусловлено и обеспокоенностью возможности роста террористических угроз в самих монархиях со стороны проникнувших под видом беженцев радикалов. Препятствием на пути пересечения государственной границы Ирака с соседними монархиями служат возведенные высокотехнологические системы ограждения и слежения со стороны Саудовской Аравии [Саудовская Аравия ...] и Кувейта [Алкенеев].

Более острая, чем в Ираке, ситуация с перемещением населения внутри страны сложилась в Сирии. Под влиянием активной экспансии исламистских группировок в условиях протекания гражданской войны к концу 2014 г. территории своего проживания были вынуждены покинуть более 4,7 млн сирийцев, большая

часть которых переселялась в пределах провинции своего постоянного проживания. В данном исследовании большее внимание уделяется особенностям направленности потоков внутренних мигрантов между административно-территориальными единицами страны, что обусловлено тем, что именно эти миграционные потоки в значительной степени генерирует эмиграцию из Сирии в страны ЕС (Рисунок 12, верхняя часть).

Численность внутренне перемещенного населения между различными мухафазами Сирии составляла более 1,65 млн человек. Наибольшая мощность «продуцирования» потоков вынужденных мигрантов характерна для мухафаз Халеб (1,1 млн человек), Дэйр-эз-Зор (236 тыс.), Хомс (188 тыс.) и Хама (62 тыс.). Характерной особенностью перемещений, как и в случае Ирака, являлось стремление попасть на территории, не занятые исламистами, либо в приграничные районы – с целью дальнейшего пересечения границы и получения убежища в другом государстве. В результате этого в 2014–2015 гг. в Сирии сформировались четыре основных вектора перемещений: северо-западный, северо-восточный, северный и южный.

Наиболее значимым вектором миграции стал северо-западный: *вдоль границы с Турцией образовалась полосовидная зона концентрации бежавших от ИГ сирийцев.* На территории данной зоны к середине 2015 г. размещались более 1 млн человек (63,6% общего количества в стране), в том числе в мухафазе Латтакия – 765 тыс. (преимущественно представленных выходцами из Алеппо), приграничном с Турцией округе Харим (мухафаза Идлиб) – 200 тыс., округе Атариб (мухафаза Халеб) – 85 тыс. В данном поясе сформировались два «бутылочных горлышка»: первое – на территориях граничащих между собой округов Харим и Атариб в результате закрытия со стороны Турции почти всех пограничных пунктов в этой части за исключением КПП Баб-эль-Хава\Джилвегезю; второе – в районе города Латакия, через которое мигранты могли покинуть страну лишь морским путем вследствие закрытия турецкой границы.

Северо-восточный пояс концентрации мигрантов в мухафазе Эль-Хасака образовался вследствие того, что данная территория находилась под контролем курдской администрации де-факто самоуправляемой Рожавы и была защищена от террористов из ИГ. На территории данного пояса размещались 325 тыс. мигрантов (19,9% их числа) – преимущественно переселенцев из занятых исламистами округов мухафаз Дэйр-эз-Зор и Халеб. Концентрация внутренне перемещенных лиц и формирование «бутылочного горлышка» также объясняется наличием на данной территории единственного работающего пропускного пункта с Турцией – Камышлы\Нусайбин.

Стоит отдельно выделить северный вектор миграции, направленный на территорию, в значительной степени, контролируемой исламистами мухафазы Эр-Ракка. В силу повышенного риска данное направление не было столь популярным, и образование здесь пояса концентрации мигрантов объясняется частичным функционированием в 2014–2015 гг. пропускного пункта в районе сирийского Эт-Тель-эль-Абьяда и турецкого Акчакале. В *северном поясе концентрации мигрантов* находились 130 тыс. переселенцев – преимущественно из мухафаз Халеб и Идлиб. Наличие миграционных потоков на территории, преимущественно подконтрольные боевикам ИГ, может свидетельствовать о переселении сюда из других частей Сирии сторонников или сочувствующих этой организации.

Последней значимой зоной концентрации мигрантов является мухафаза Дар'я, территория которой практически не находилась под контролем исламистов. На территории данной провинции убежище нашли 75 тыс. человек (4,6% их общего числа). В силу удаленности от основного театра военных действий правительственной армии и исламистов, на территорию Дар'я происходила миграции преимущественно выходцев из соседней мухафазы Хомс. В пределах Дар'я основная концентрация лагерей размещения мигрантов была приурочена к приграничным с Иордани-

ей территориям, а «бутылочное горлышко» проявляется в районе г. Эль-Музайриба, где действует важный пограничный переход. *В пределах четырех зон концентрации мигрантов в Сирии было размещено 1,57 млн переселенцев – 96,2% их числа в стране.*

Необходимо отметить, что полосовидные зоны концентрации бежавших от ИГ сирийцев не образовались лишь в приграничных с Ливаном мухафазах Сирии, причем формирование «бутылочного горлышка» здесь не произошло несмотря на официальное закрытие со стороны Ливана большинства пограничных переходов. По нашему мнению, данный парадокс объясним слабым контролем со стороны ливанской армии над государственной границей страны, особенно ее северо-восточным участком, который курируется военными подразделениями шиитской политической организации Хезболла – важной союзницей сирийского правительства в его противостоянии с ИГ. К тому же Сирия и Ливан в культурном, историческом, этно-конфессиональном плане представляют собой единое пространство, разделенное европейскими колонизаторами в середине прошлого века: между населением этих двух государств существуют многообразные тесные связи, которые беженцы из Сирии с успехом могут использовать для организации своей миграции в Ливан. Поэтому сирийцам в обустройстве в Ливане оказывают помощь их родственники и единоверцы, а также различные благотворительные организации. В результате чего Ливан занимает первое место в мире по численности на душу населения принятых сирийцев, а их общее количество на середину 2015 г. оценивалось примерно в 1 млн человек [Syrian Regional ...].

Таким образом, в результате активной экспансии исламистских группировок в Сирии и Ираке два этих государства стали основными продуцентами мигрантов в направлении ЕС. В первую очередь именно деятельность исламистов спровоцировала рост количества вынужденных переселенцев, что, в свою очередь, определило направленность миграционных потоков вну-

три стран региона их формирования. Произошло перераспределение населения, спасающегося от террора исламистов из ИГ, в приграничные с соседними государствами (прежде всего с Турцией) территории и районы в тылу фронта борьбы с ИГ. Данные перемещения привели к формированию полосовидных структур концентрации мигрантов, скоплению перемещенных лиц у небольшого количества функционирующих пограничных переходов, проявившихся в виде «бутылочного горлышка».

2.3. Территориальная дифференциация миграционных потоков в пределах первичного транзитного региона

Арабские страны Азии не имеют общих границ с Европейским Союзом, что усложняет реализацию перемещения их граждан на территорию ЕС. Особенно острой эта проблема становится в период миграционного кризиса, характеризующегося стремительным ростом числа беженцев, перемещение которых как правило осуществляется сухопутным или морским путем. Мигрантам из АСА приходится совершать передвижения по территории нескольких транзитных государств, миновать охраняемые государственные границы, пересекать водные преграды и т.д., прежде чем достичь территории стран ЕС. Таким образом, в процессе миграции граждан АСА в ЕС происходит их ограниченное по времени передвижение по территории стран транзитного региона, целью которого является въезд на территорию государств, аккумулирующих основной миграционный поток. Поэтому в период миграционного кризиса происходит активное вовлечения в миграционную систему «Арабские страны Азии – ЕС» *транзитных регионов*. Под *первичным транзитным регионом* мы подразумеваем территории стран Азии (прежде всего Турцию, а также Иорданию) и Северной Африки (Египет, Ливия, Тунис и др.),

через которые пролегают основные миграционные маршруты из АСА в ЕС.

В целом, на протяжении длительного развития иммиграции в страны ЕС сложились достаточно устойчивые маршруты мигрантов, стремящихся нелегально, в силу тех или иных условий, проникнуть в страны региона. Эти маршруты имеют определенную направленность и активизируются потоками мигрантов из разных регионов мира. Одним из наиболее устоявшихся является *Центрально-средиземноморский маршрут*, аккумулирующий потоки мигрантов из стран Северной и Западной Африки, Африканского Рога, а также из Сирии и Ирака в Ливию. До свержения М. Каддафи Ливия являлась своего рода буферной зоной между странами Африки и ЕС [Абрамова, 2015; Кулькова], значительно сдерживая потоки мигрантов в Италию (на Лампедузу и Сицилию) и Мальту. Однако после начала гражданской войны и смены режима в Ливии эта страна стала значимой транзитной территорией для мигрантов [Абрамова, Бессонов; Африка ...]. На выбор Ливии в качестве транзитной страны оказало влияние несколько факторов, одним из которых стала территориальная близость к Европе. Интересно отметить, что важную роль в условиях царящего в этой стране правового вакуума и расцвета криминала стали играть различные преступные синдикаты, активно занимающиеся организацией нелегальных перевозок мигрантов в европейские страны [Медушевский, Шишкина]. Мигранты из АСА, как правило, добирались до территории Ливии сухопутным транспортом: таким образом, в их перемещения по данному маршруту оказывались вовлечены Иордания и Египет.

Другие пути мигрантов в ЕС пролегают преимущественно по территории стран Азии. Традиционно одним из важнейших маршрутов является *Восточно-средиземноморский*: он аккумулирует потоки мигрантов как из азиатских (Афганистан, Иран, Ирак, Сирия и др.), так и из африканских стран (Сомали, Эритрея и др.), следующих в Европу через территорию Турции. Непосред-

ственно, Восточно-средиземноморский маршрут подразделяется на 2 типа: сухопутный – по которому мигранты направляются в европейскую часть Турции, где пересекают границы Болгарии и Греции; морской – направленный на греческие острова в Эгейском море (Родос, Кос, Самос, Хиос, Лесбос, Лемнос и др.), а также на Кипр. В пределах двух этих субмаршрутов происходило определенное перераспределение миграционных потоков в последние годы. Именно лавинообразный рост численности мигрантов, следовавших Восточно-средиземноморским маршрутом, привел к возникновению Европейского миграционного кризиса. Так, только за 2015–2016 гг. этим маршрутом воспользовались более 1 млн человек, большая часть которых перемещалась в Грецию морским и сухопутным путями [Risk analysis].

Отдельно выделяется ответвление Восточно-средиземноморского маршрута – *Черноморский маршрут*, формирующийся на западе черноморского побережья Турции, откуда мигранты морем направляются в Болгарию и Румынию. Использование данного маршрута сопряжено со сложностью пересечения сухопутной границы с Болгарией и Грецией. Так, например, с болгарской стороны граница патрулируется не только пограничными службами, но и отрядами националистов, стремящихся не допустить проникновение арабских мигрантов на территорию страны [Охота на беженцев]; поэтому часть мигрантов считает более безопасным добраться до портовых городов Болгарии (Бургас, Варна) и Румынии (Мангалия, Констанца) морским путем. Однако стоит отметить, что выявление незаконных пересечений границы на Черном море является крайне редким событием: так, с 2015 г. был зафиксирован всего 541 случай незаконной миграции, совершаемой, по большей части, сирийцами и иракцами.

Страны юго-востока ЕС (Греция, Болгария, Румыния), куда первично попадают мигранты, как правило не являются для них конечной дестинацией, в которой они желают поселиться. Дальнейшее перемещение мигрантов, в большей степени из Греции,

осуществлялось по *Западно-балканскому маршруту*, который во многом можно считать продолжением Восточно-средиземноморского. Данный маршрут складывается из двух основных миграционных потоков: 1) мигрантов из стран Азии и Африки, которые пересекли наземные или морские границы с Грецией, Болгарией и Румынией и через территорию Северной Македонии, Албании, Сербии и Боснии и Герцеговины стремятся проникнуть на территорию Венгрии и Хорватии с целью дальнейшего перемещения в страны Западной и Северной Европы; 2) непосредственно мигрантов из достаточно конфликтогенного Западно-балканского региона, следующих в том же направлении. В период наибольшей интенсивности миграционного движения в 2015–2016 гг. этим маршрутом воспользовались около 900 тыс. человек. Однако, как говорилось ранее, в рамках рассмотрения территориальной дифференциации миграционных потоков в пределах первичного транзитного региона данный маршрут не будет анализироваться в данном параграфе.

В пределах Западно-балканского региона выделяется *круговой миграционный маршрут между Албанией и Грецией*, который, как правило, не является основным путем для мигрантов из других регионов мира в ЕС. Данный маршрут имеет преимущественно региональное значение и связан с миграцией албанцев, сербов и боснийцев в Грецию. Однако в определенные периоды этим маршрутом пользовались выходцы из Ирака и Сирии, но мощность данного потока оставалась крайне незначительной. Сущность использования данного маршрута мигрантами из АСА (преимущественно Ирака) заключалась в достижении воздушным транспортом одного из международных аэропортов региона и дальнейшем – как правило, незаконном – пересечении границы с Грецией на албанском или северомакедонском участках.

По мере роста мощности потоков на Восточно-средиземноморском и Западно-балканском маршрутах, за которым последовало усиление пограничного контроля со стороны некоторых

стран ЕС (Австрия, Чехия, Германия и др.) [Австрия ввела ...; На границе Австрии ...; Чехия укрепила ...] и заключение соглашения между ЕС и Турцией по беженцам [EU-TURKEY ...], мигранты стали искать новые возможности достичь территории стран ЕС. Таким путем стал *маршрут через восточные границы ЕС*, используя который мигранты из Сирии, Ирака, а также Украины проникали на территорию региона через сухопутную границу РФ, Белоруссии, Украины, Молдавии с восточными государствами-членами ЕС, а также с Норвегией. Часть данного маршрута на участке пограничья между РФ с Финляндией и Норвегией получила название *арктического маршрута* [Пииппонен, Вирккунен]. Характерно, что масштабы нелегальной миграции на данных маршрутах незначительны: так, за период с начала миграционного кризиса маршрутом через восточные границы ЕС воспользовались чуть более 6 тыс. человек [Risk Analysis]; в свою очередь, арктический маршрут выбрали более 7 тыс. человек [Mikhailova].

Таким образом, в рамках миграционной системы «Арабские страны Азии – ЕС» передвижение мигрантов уже вне сирийской и иракской территорий осуществлялось по описанным выше определенным маршрутам. В рамках рассматриваемого временного периода с начала 2009 г. до конца 2019 г. наблюдалось значительное по масштабам перераспределение мигрантов между маршрутами. Традиционно основным маршрутом для сирийцев и иракцев является наименее протяженный – Восточно-Средиземноморский, проходящий по территории Турции, имеющей общую границу с Грецией и Болгарией, входящими в ЕС. Данный маршрут, в свою очередь, разветвляется на 2 направления (*морской и сухопутный маршруты*). Так, в целом за весь изучаемый период 91,4% сирийцев попадало на территорию ЕС именно по нему (85,8% – морским маршрутом, 5,6% – сухопутным); для иракцев это значение было даже выше – 94,4%, причем сухопутный маршрут использовали 10,4% мигрантов, а морской – 84%.

На долю других маршрутов приходилось чуть более 8% общего потока мигрантов из Сирии и Ирака [Illegal border-crossing ...; Risk analysis].

Стоит выделить ощутимые различия в использовании тех или иных маршрутов мигрантами из Сирии и Ирака в различные периоды: докризисный и период наиболее активной фазы миграционного кризиса. Под *кризисным периодом* понимается аномальное по масштабам и при этом достаточно скоротечное увеличение численности иммигрантов на границах ЕС, которое наблюдалось с 03.2015 по 03.2016 г. Данные различия наиболее ярко проявляются в потоке сирийцев. В докризисный период для сирийцев практически равнозначными являлись два маршрута – *Восточно-средиземноморский* и *Центрально-средиземноморский*. По *Восточно-средиземноморскому маршруту* на территорию ЕС проникло 51,4% мигрантов из Сирии (57 тыс. человек), причем различия между морским и сухопутным были не столь значительными – 36,2 и 20,7 тыс. человек соответственно. *Центрально-средиземноморский маршрут* использовало около 48,1% мигрантов (53,3 тыс. человек). Для докризисного периода относительно высокая значимость *Центрально-средиземноморского маршрута* объясняется в первую очередь событиями гражданской войны в Ливии и свержением режима М. Каддафи, в результате которых Ливия утратила статус буферного государства, сдерживающего миграционные потоки из Африки и стран Азии в ЕС [Абрамова, 2008; 2009а; 2012]. Об этом свидетельствует и структура миграционного потока сирийцев с 2009 по конец 2011 г. – до кризисных событий в Ливии: на *Центрально-средиземноморский маршрут* приходилось всего 18% потока.

Ситуация для выходцев из Ирака складывалась несколько иначе: так, на протяжении всего рассматриваемого периода в структуре миграционных потоков превалировал *Восточно-средиземноморский маршрут*. В докризисный период на его долю приходилось 77,5% (10,2 тыс. человек) их потока, причем сухо-

путный Восточно-средиземноморский маршрут доминировал в структуре – 64,6% всего потока, что отличает потоки иракцев и сирийцев. На *Центрально-средиземноморский маршрут* приходилось около 12,3% потока; примечательно что ливийские события хотя и оказали влияние на направленность перемещений иракцев, но не так существенно, как для сирийцев. В период до гражданской войны в Ливии данным маршрутом воспользовалось 7% граждан Ирака.

Дальнейшее развитие миграционной ситуации между Сирией и Ираком – с одной стороны и странами ЕС – с другой характеризуется интенсивным нарастанием объема потока. Это происходит в силу особенностей перемещения мигрантов внутри стран–«продуцентов» в результате активной экспансии исламистских группировок на их территории: произошла резкая трансформация миграционного потока в пределах первичного транзитного региона (Таблица 8).

Доминирующий северный и северо-западный вектор миграции внутренне перемещенных лиц по направлению к государственной границе Сирии и Ирака с Турцией (см. параграф 2.2) и дальнейшее попадание на ее территорию во многом предопределило их концентрацию на *Восточно-средиземноморском маршруте*. Действительно, после пересечения границы с Турцией сотни тысяч граждан Сирии и Ирака продолжали движение в сторону государств ЕС несмотря на то, что в турецких центрах временного размещения мигрантов оставалась значимая их часть (на конец 2015 г. численность беженцев на территории Турции превышала 2,7 млн человек) [Operation: Turkey ...].

Период кризисного увеличения численности мигрантов на границах ЕС характеризуется максимальной диспропорцией распределения мигрантов по маршрутам. Так, большая часть мигрантов стремилась достичь западного побережья Турции, чтобы в дальнейшем отправиться морским путем на территорию греческих островов (560 тыс. сирийцев и 114 тыс. иракцев). Отдельно

стоит отметить, что с территории сирийской мухафазы Латакия, характеризующейся наибольшей численностью внутренне перемещенных лиц в стране, мигранты в довольно незначительном количестве покидали страну по морю. Однако часть их также достигала побережья Турции и Кипра – они учитывались нами в статистике морского Восточно-средиземноморского маршрута. Частично поток мигрантов на Кипр дополнялся сирийскими беженцами из соседнего Ливана [Syria Regional ...].

Таблица 8

Распределение маршрутов в пределах первичного транзитного региона по объему передвижения мигрантов из Сирии и Ирака в ЕС за период 04.2015–04.2016 гг.

Маршрут	Пересекаемые границы	Доля в общем потоке сирийцев, %	Доля в общем потоке иракцев, %
<i>морской Восточно-Средиземноморский</i>	Греции и Кипра	97,43	96,47
<i>сухопутный Восточно-Средиземноморский</i>	Греции и Болгарии	1,40	2,58
<i>морской Центрально-Средиземноморский</i>	Италии и Мальты	1,14	0,85
<i>Восточные границы ЕС</i>	Швеции, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Словакии, Румынии	0,02	0,10
<i>другие</i>	...	0,002	0,002

Составлено автором по: [Illegal border-crossing ...; Risk analysis].

Существенно меньшая часть мигрантов из Сирии и Ирака использовала сухопутный Восточно-средиземноморский маршрут, проникая в европейскую часть Турции и в дальнейшем пересекая границу с Грецией и Болгарией (8,1 тыс. сирийцев и 3,1 тыс. иракцев). Несмотря на значительную численность сирийских беженцев на территории Иордании (630 тыс. чел) и Египта (117 тыс. чел) [Ibid.], которые располагаются в пределах стран по маршруту перемещений мигрантов в Ливию, *Центрально-средиземноморский маршрут* испытал снижение активности его использования даже по сравнению с докризисным периодом. Всего по нему на территорию Италии и Мальты попало 6,5 тыс. сирийцев и 1 тыс. иракцев. Численность мигрантов, попадающих на территорию ЕС со стороны *восточных границ*, составила 254 человека. Перемещения сирийцев и иракцев иными маршрутами в ЕС были крайне немногочисленными.

После наиболее активной фазы кризиса, в условиях частичного спада миграционного напряжения на границах ЕС в период 05.2016–12.2019 гг. на территорию ЕС попало 62,5 тыс. сирийцев и 28,5 тыс. иракцев. В данный период наблюдалось лишь незначительное перераспределение мигрантов по маршрутам. Так, *Восточно-средиземноморский маршрут* использовали 93,7% сирийцев (73,1% – морской, 20,6% – сухопутный), на долю *Центрально-средиземноморского* пришлось 6%. Направленность потока иракцев претерпела большие изменения: *Восточно-средиземноморским маршрутом* воспользовались 83%, значительно выросло количество пересечений границы Италии и Мальты – 4,1 тыс. человек (14,5% общего потока). Произошел рост перемещений иракцев *Черноморским маршрутом* – 500 человек (1,7%) и *маршрутом через восточные границы* – 170 человек (0,6%)

Опираясь на сложившиеся миграционные маршруты в пределах первичного транзитного региона, нами проведен анализ изменения перемещений сирийских и иракских мигрантов за период с начала 2009 г. до конца 2019 г. В качестве основного показателя

теля, характеризующего изменение территориальной направленности потоков, нами использовался модифицированный индекс мозаичности (МИМ) (2).

Показатели МИМ, рассчитанные по общей совокупности потоков для сирийцев и иракцев на каждый месяц рассматриваемого периода, демонстрируют существенное снижение территориальной дифференциации миграционных потоков в период аномального по масштабам и при этом достаточно скоротечного увеличения численности иммигрантов на границах ЕС (04.2015–04.2016 г.) (Рисунок 13).

Рассчитанные данные свидетельствуют о том, что на протяжении рассматриваемого периода наблюдались значительные колебания показателей территориальной дифференциации потоков. В целом, средние ежемесячные значения МИМ находятся в интервале 0,557–0,820, что характеризует их показатель как *высокий* – в результате относительно равномерного распределения мигрантов из Сирии и Ирака между *многими маршрутами* (см. подробнее [Горохов, 2017]): значение МИМ для потока сирийцев составлял 0,574, а иракцев – 0,585. Наиболее значительные снижения мозаичности – до *крайне низких* показателей – наблюдались в период с 04.2015 по 04.2016 г., что свидетельствует о доминировании *одного маршрута миграции сирийцев и иракцев в ЕС*. В ноябре 2015 г. значение МИМ для миграционных потоков приобрело минимальное значение за весь рассматриваемый период: для сирийцев оно составило 0,023, а для иракцев – 0,019. Столь сильное снижение показателя МИМ свидетельствует о перераспределении миграционных потоков в сторону абсолютного преобладания одного из них – *морского Восточно-Средиземноморского*. Однако подобные, но не столь критичные снижения показателей МИМ могут наблюдаться и без резкого увеличения числа мигрантов (как в период лета 2012 г. и осени 2019 г. для потока сирийцев), *но, и это следует особо подчеркнуть, при последнем имеет место обязательно.*

Таким образом, выявлено что в период 2009–2020 гг. происходило изменение направленности миграционных потоков в пределах первичного транзитного региона. Несмотря на то, что основным маршрутом для сирийцев и иракцев на протяжении всего анализируемого периода является *Восточно-Средиземноморский*, важную роль в перемещении сирийцев и иракцев в страны ЕС в докризисные годы играл и *Центрально-средиземноморский маршрут*, на долю которого приходилось около 48% потока сирийцев и 12,3% – иракцев. Также необходимо отметить, что вклад сухопутного *Восточно-Средиземноморского маршрута* в перемещение мигрантов в ЕС значительно варьировался: к примеру, для иракцев в докризисные годы данный маршрут превалировал над морским. При этом установлено, что усиление миграционного кризиса имеет своим следствием резкое снижение территориальной диверсификации маршрутов передвижения в пределах первичных транзитных регионов, характеризующейся крайней гомогенностью за счет преобладания одного из них – *морского Восточно-Средиземноморского*.

***

Миграционная система «Арабские страны Азии – ЕС» имеет длительную историю формирования и развития под влиянием разнообразных факторов, выталкивающих население из АСА. Важнейшие среди них – религиозный, экономический, демографический и политический. В различные исторические периоды значимость того или иного фактора была первостепенной в формировании миграционных потоков. На современном этапе, характеризующемся аномальным ростом мощности миграционного потока из АСА, важнейшую роль играет фактор политической нестабильности, тесно переплетенный с ростом религиозной нетерпимости, что выражается в росте количества конфликтов, террористических актов, в том числе со стороны исламистских группировок. Наиболее сильным действие данных факторов

было на территории Сирии и Ирака, которые стали основными продуцентами вынужденных мигрантов.

В первую очередь именно экспансия исламистских группировок на территории Сирии и Ирака определила направленность миграционных потоков внутри этих стран. Результатом перераспределения населения стала его концентрация по периферии борьбы правительственных сил с ИГ и в приграничных с соседними государствами (прежде всего с Турцией) районах. Данные перемещения привели к формированию в 2014–2015 гг. полосовидных структур размещения мигрантов, повышению концентрации мигрантов у небольшого количества функционирующих пограничных переходов с соседними странами, проявившихся в виде эффекта «бутылочного горлышка».

Результатом роста числа внутренне перемещенных лиц в Сирии и Ираке и их концентрации преимущественно вдоль границы с Турцией стала их дальнейшая миграция в Турцию. Это привело к территориальной дифференциации миграционных потоков в пределах первичного транзитного региона по пути следования мигрантов в страны ЕС. В рамках первичного транзитного региона в докризисный период распределение мигрантов по основным миграционным маршрутам характеризовалось *высокой дифференциацией*. На фоне аномального роста численности мигрантов из АСА в ЕС на пике кризиса (04.2015–04.2016 гг.) она сменилась *крайне низкой дифференциацией*, являющейся следствием доминирования одного маршрута – *морского Восточно-средиземноморского*.

Глава 3.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ПРЕДЕЛАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ «АРАБСКИЕ СТРАНЫ АЗИИ – ЕС» В ПЕРИОД КРИЗИСА

3.1. Факторы притяжения мигрантов из арабских стран Азии в ЕС и его социально-географические следствия⁷

Страны Европейского Союза имеют длительную историю участия в формировании миграционных потоков. До середины XX в. европейские страны характеризовались преимущественно эмиграцией населения, прежде всего в Северную Америку. После окончания Второй мировой войны миграционные процессы в регионе претерпели серьезные изменения. Во время послевоенного экономического роста, испытывая потребность в рабочих руках для восстановления разрушенного войной хозяйства, страны Западной Европы стали привлекать трудовых мигрантов. Немалое влияние на интенсивность и направленность миграци-

---

⁷ Материалы данного параграфа в значительной степени основываются на публикациях автора [Агафшин, 2020; Агафшин, Горохов, 2019].

онных потоков оказал процесс деколонизации: бывшие европейские метрополии стали площадками как для миграции коренного населения арабских стран Азии, так и для возвратной этнической миграции. Так, например, принятый в 1948 г. в Великобритании Акт о британском гражданстве предусматривал свободный въезд на территорию Соединенного Королевства всех граждан ее бывших колоний [British Nationality ...].

С 50-х годов XX в. привлечение иностранной рабочей силы в Европейские страны осуществлялось двумя способами: 1) временный прием трудовых мигрантов на принципах ротации (1–3 года); 2) прием на постоянное место жительства мигрантов из бывших колоний. Активная политика привлечения иностранной рабочей силы продолжалась на протяжении 20 лет – до начала нефтяного и экономического кризиса 1973–1974 гг., когда большинство европейских государств закрыли свои границы перед экономическими иммигрантами, начав проводить меры по возвращению мигрантов на родину. Однако большая часть иммигрантов отказалась от возвращения, поскольку опасалась, что у них не будет другой возможности вернуться обратно в Европу. Таким образом, данная политика стран Европы не привела к желаемому результату, поскольку сформированные мигрантами многочисленные социальные связи со своими соотечественниками, наоборот, привели к росту миграционных потоков в регион. Эти потоки, в первую очередь, были представлены родственниками мигрантов, а также нелегальными мигрантами и лицами, ищущими убежище. В результате ограничительная иммиграционная политика привела к противоположному результату, и перемещения в страны ЕС приняли массовый и преимущественно невозвратный характер. За 25 лет – с 1974 по 1998 гг. – в Европу прибыли около 11 млн иммигрантов, что превышает значения периода массового набора рабочей силы (1950–1973 гг.) – 9,5 млн иммигрантов [Крюкова].

Несмотря на ужесточение миграционной политики, западноевропейские страны периодически соглашались на частичное ослабление ограничительных мер по набору иностранных работников, что объясняется изменением демографической ситуации в них. Изменение нравственных ориентиров постиндустриального общества в совокупности с процессами секуляризации кардинально изменило отношение к традиционным семейным ценностям. Серьезный масштаб стало приобретать внебрачное сожитие, внебрачные рождения, поздние браки и рождение детей, стерилизация и добровольная бездетность. Изменения демографического поведения европейского населения привели к повсеместному значительному сокращению рождаемости (Рисунок 14). Так, в 1950–1955 гг. суммарный коэффициент рождаемости в странах ЕС составлял 2,8 ребенка на одну женщину, к 1975–1980 гг. его значение опустилось до 2,09 – ниже уровня простого воспроизводства, а в настоящее время составляет 1,56. Низкие показатели рождаемости стали основным фактором сокращения естественного прироста населения, а также изменения возрастной структуры населения. Снижение рождаемости привело к росту доли старших возрастных групп в совокупном населении, которая стала выше доли молодежи в населении стран ЕС.

Старение населения и увеличение пенсионной нагрузки становятся все более актуальной проблемой, оказывая негативное воздействие на социально-экономическое развитие стран региона. Наиболее актуальна эта проблема для Италии, Греции, Германии и Португалии, в которых когорта людей в возрасте 65 лет и старше уже составляет более 21% населения [Population structure ...]. Снижение показателей рождаемости привело к естественной убыли населения стран ЕС, которая в 2017 г. составила 226 тыс. человек. Данный показатель имеет заметные различия внутри региона, тем не менее естественная убыль характерна для 16 из 28 стран ЕС [Приложение Е]. В целом, при текущей демографической ситуации в странах ЕС рост численности населения в них

обуславливается исключительно миграционным приростом. Миграционные потоки в ЕС в некоторых странах дополняют естественный прирост, превышая его незначительно или в несколько раз, перекрывает естественную убыль или, как минимум, компенсируют ее [Боженко; Мартынов, Сазонова]. Диспропорции демографического развития двух регионов во многом обуславливают направленность потоков из ряда АСА в ЕС.

Помимо непосредственного сокращения численности трудоспособного населения, на высвобождение рабочих мест оказывают влияние высокие стандарты уровня жизни и образования европейского населения, которые приводят к дифференцированному отношению к выбору профессий. Так, даже в условиях безработицы европейское население слабо привлекает работа на низкооплачиваемых и непрестижных должностях, в «грязных» и трудоемких отраслях: строительстве, сельском хозяйстве, промышленности, коммунально-бытовом секторе и др., которые поэтому преимущественно занимают мигранты.

Непосредственно одной из ключевых причин иммиграции в страны ЕС является высокий уровень экономического развития и качества жизни принимающих государств [Цапенко, 2004]. Между АСА, продуцирующими основной миграционный поток, и странами ЕС существует значительная диспропорция в экономическом развитии (см. параграф 2.1). В целом, максимальное количество мигрантов направлено в наиболее экономически развитые страны Западной и Северной Европы (Приложение Ж). Так, в Люксембурге, являющемся лидером среди стран ЕС по показателю ВВП по ППС на душу населения, наблюдается наивысшая доля иностранцев в структуре населения – 45,7%. Высокими показателями характеризуются и страны, традиционно принимающие основной поток иммигрантов из АСА (Германия, Швеция, Великобритания, Нидерланды, Дания, Австрия и др.).

Немаловажным фактором, обуславливающим выбор ЕС в качестве региона иммиграции для выходцев из АСА, является по-

литика европейских стран, предусматривающая равноправие мигрантов с национальными гражданами в отношении получения различного рода пособий и стипендий, социального обеспечения и социальной защиты в соответствии с национальным законодательством принимающей стороны [Council Directive 2003/109/EC ...]. Страны ЕС в своем большинстве тратят значительные средства на осуществление социальной поддержки населения в виде пособий по безработице, недееспособности, велики затраты на здравоохранение и др. (Приложение 3). Размер пособий в странах ЕС различен, поскольку не существует единого общеевропейского механизма регуляции социального обеспечения; в результате каждая страна ЕС имеет свои собственные законы, определяющие условия, сроки и количество получаемых пособий [Social security ...].

В условиях миграционного кризиса еще более значимым фактором, способствующим увеличению масштабов миграционных потоков, оказывается поддержка, осуществляемая странами ЕС таким категориям мигрантов как беженцы и искатели убежища. Как правило, принимающее государство берет на себя расходы, связанные с их питанием, расселением в социальных центрах или предоставлением жилья, оказанием медицинской помощи и образованием. Но и в данном случае принимающие государства имеют возможность устанавливать собственные условия помощи беженцам и искателям убежища [Benefits offered ...]. Таким образом, данные категории переселенцев стремятся попасть именно в государства, обеспечивающие им наиболее высокий уровень финансовой и социальной помощи: Германию, Швецию, Францию, Австрию и др.

Отдельно, в связи с характерными особенностями миграционного потока из АСА в ЕС, необходимо выделить определенную гуманизацию миграционной политики европейских стран по отношению к приему вынужденных мигрантов. Во второй половине XX в. в странах ЕС сложилась устойчивая традиция приема

беженцев, чему способствовал уже имеющийся опыт по приему мигрантов, накопившийся вследствие частых изменений границ внутри самого региона, который они приобрели после Второй мировой войны и раздела Югославии [Боженко]. Благосклонность европейских государств к приему беженцев, выразившаяся в ратификации международных договоров об их статусе, в совокупности с привлекательностью европейского региона для мигрантов по социально-экономическим причинам способствовали формированию основных направлений миграционных потоков между арабскими стран Азии и ЕС [Приложение И]. Также необходимо отметить, что страны ЕС, в отличие от большинства арабских стран, характеризуются политической стабильностью, что, безусловно, способствует привлечению в них мигрантов.

Увеличение доли мигрантского инокультурного населения в ЕС во второй половине XX в., в том числе и выходцами из АСА, побудило правительства европейских стран на разработку интеграционных механизмов вовлечения мигрантов в социальную жизнь общества [Каргалова, Егорова]. Странами ЕС была проведена существенная либерализация политики гражданства, связанная с вопросами предоставления гражданства по «праву почвы» (*Jus soli*), облегчения и минимизации сроков натурализации, а также наличия двойного гражданства [Bauböck et al.; Howard]. Необходимо обратить внимание на то, что политика по предоставлению гражданства в странах внутри ЕС различна, что объясняется влиянием культурно-исторических и политических факторов.

«Гуманизация» миграционного законодательства в ЕС оказывает существенное влияние на политику в области предоставления гражданства: так, бывшие метрополии, имеющие длительную историю приема мигрантов (Нидерланды, Великобритания, Бельгия), более либеральны в данном вопросе, чем страны Восточной Европы, не имевшие опыта колониализма [Малахов, 2015]. В целом, страны региона по типу проводимой политики в

отношении гражданства можно объединить в 3 типа: либеральные, умеренные и рестриктивные [Малахов, 2014]. Среди стран, аккумулирующих большое количество мигрантов из АСА, следует выделить государства с либеральной политикой, предусматривающей действие *Jus soli*, простую натурализацию (3–5 лет), возможность иметь двойное гражданство – Нидерланды, Бельгию, Великобританию. Умеренную политику проводят Германия, Швеция, Финляндия и др.; для данных стран характерно действие *Jus soli*, упрощенная натурализация (4–8 лет), *de facto* разрешенная возможность владения двойным гражданством. Среди стран с рестриктивной политикой выделяются государства Восточной Европы, а также Дания и Австрия, где не действует *Jus soli*, запрещено двойное гражданство и осложнена натурализация.

В целом, проводимая в большинстве стран ЕС политика в отношении мигрантов основана на принципах *мультикультурализма*, ее цель заключается в содействии интеграции мигрантов в принимающее общество [Ионцев; Следзевский]. Политика мультикультурализма направлена не на ассимиляцию мигрантов, а на создание культурно плюралистического общества, что безусловно является притягательным фактором для инокультурного населения из АСА. Европейский мультикультурализм стоит понимать как стратегию согласия и социальной стабильности в полиэтническом и поликультурном государстве, построенную на равноправии культурной жизни всех составляющих его групп его населения [Хабермас].

Направленность миграционных потоков из АСА в ЕС обусловлена взаимовлиянием вышеописанных факторов притяжения населения. Однако в начале XXI в. и, особенно, в последнее десятилетие миграционные потоки между данными регионами испытали резкую интенсификацию, что, безусловно, связано с трансформацией влияния выталкивающих и притягивающих факторов между рассматриваемыми регионами. Для определения роли факторов притяжения, оказывающих наибольшее

влияние на активизацию миграционных потоков, как и в случае определения выталкивающих факторов из АСА, использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена (1). Нами были рассчитаны значения коэффициента по ряду экономических, демографических, политических, социальных и религиозных факторов миграционного притяжения стран ЕС: ВВП по ППС, ВВП по ППС на душу населения, траты государства на здравоохранение, социальная поддержка населения, коэффициент демографической нагрузки, коэффициент пенсионной нагрузки, показатель безработицы, криминогенная обстановка в стране (количество убийств на 100 тыс. жителей), наличие активных социальных связей (численность диаспоры на 2010 г.), отношение общества к мигрантам, значение религиозной мозаичности.

Полученные значения коэффициента для современных миграционных потоков свидетельствуют о первостепенном влиянии фактора сформированных транснациональных связей между отдельными странами миграционной системы: так, весьма высокая степень корреляция (0,92) наблюдается между *численностью диаспоры* и мощностью миграционного потока из страны ее происхождения. Наличие крупных мигрантских инорелигиозных сообществ приводит к трансформации конфессионального состава населения стран. Таким образом, *повышение религиозной мозаичности населения принимающей страны за счет роста численности мусульман* – единоверцев основной массы мигрантов из АСА (Приложение К), является заметным фактором их притяжения (0,64). Прослеживается заметная и умеренная корреляция миграционного потока с *экономическими показателями*: ВВП по ППС (0,69), ВВП по ППС на душу населения (0,46), *уровнем безработицы в принимающей мигрантов стране* (0,44), *затратами государств ЕС на социальную поддержку населения* (0,53), *средними тратами на здравоохранение* (0,49), *выплатами пособий по безработице* (0,41). На современном этапе характерна умеренная корреляция масштабов потоков мигрантов с демографическими

показателями аккумулирующих их стран – прежде всего, с коэффициентом демографической нагрузки (0,46). Менее значимое влияние (слабая корреляция) на притяжение мигрантов играет *уровень безопасности* той или иной страны (*количество совершенных убийство на 100 тыс. человек*), что объясняется намного более благополучной ситуацией по сравнению со странами эмиграции (0,28). Стоит отметить, что прослеживается слабая корреляций (0,18) между отношением принимаемого общества к мигрантам и масштабом миграции, которая оценивалась по *численности граждан, голосующих за политические партии, выступающие с антимигрантскими лозунгами*.

Таким образом, в результате взаимодействия выталкивающих и притягивающих факторов численность мигрантов из АСА в ЕС возростала: так, если в 1990 г. их количество составляло 344 тыс. человек, то к 2019 г. оно выросло до 2,4 млн, то есть почти в 7 раз всего за три десятилетия (Приложение Л). Важнейшим следствием роста численности в ЕС мигрантов из АСА, а также других государств мира, в населении которых преобладает иной, отличный от европейской культурной традиции и менталитета тип мышления – прежде всего мусульман, стало изменение конфессионального пространства Европы.

Конфессиональная структура населения стран ЕС фактически до конца XX в. характеризовалась высокой степенью однородности при доминировании христианства, представленного различными направлениями: католицизмом, протестантизмом и православием (Приложение М). Однако, начиная с последнего десятилетия XX в., в результате интенсификации миграции в страны ЕС из преимущественно мусульманских стран произошло увеличение доли адептов ислама в их населении (Приложение Н). В целом, на миграционные процессы приходится около 60% общего прироста мусульман в ЕС [Europe's Growing ...]. Влияние на изменение конфессиональной структуры населения ЕС оказывали миграционные потоки не только из АСА (мусульмане

составляют более 90% от численности мигрантов из стран данного региона), но и из других стран Азии, а также из Африки [Абрамова, 2007; 2012], в структуре населения, которых высока доля адептов ислама. *Тем не менее миграция из АСА приобрела определяющее значение на рост численности мусульманского населения ЕС именно в период миграционного кризиса – начиная с 2015 г.*

Значительно меньшую роль в увеличении численности мусульман в Европе играют демографические факторы. Тем не менее в среднем суммарный коэффициент рождаемости у мусульман составляет 2,6 ребенка на одну женщину, в то время как у христиан – 1,6, а у нерелигиозного населения, отличающегося самым низким уровнем фертильности среди всех других групп – 1,4 [The Future of World ...]. Интересно отметить, что наибольшее различие в уровне фертильности между мусульманским и немусульманским населением наблюдается в странах, которые аккумулируют максимальное количество мигрантов на своей территории: в Великобритании оно составляет 1,1; в Швеции и Франции – 1,0; в Бельгии – 0,9; в Нидерландах, Дании и Австрии – 0,7 в пользу мусульман (Приложение О).

Результатом интенсификации миграции из мусульманских стран и направленности ее потоков со второй половины XX в., в том числе и из арабских стран Азии, стали значимые изменения географии ислама в странах ЕС (см. подробнее [Агафшин, Горохов, 2019]). К началу периода активизации миграционных потоков в страны ЕС, т.е. к 50-м годам XX в. основную часть мусульманского населения стран региона в современных границах составляло коренное население балканских стран. В 1950 г. 1,2 млн (70%) из 1,8 млн мусульман в пределах современной территории ЕС проживали на территории Болгарии, Греции, Кипра, Румынии и Хорватии.

С целью выявления изменений территориальной структуры ислама в странах ЕС нами был использован центрографический метод (см. Параграф 1.3.). Полученные данные показывают зна-

чительную пространственную трансформацию, которую претерпел ислам в ЕС (Рисунок 15). В 1950 г. гравитационный центр ислама располагался на Балканах, на территории современной Воеводины – автономного края Сербии, окруженного странами, в которых проживало большинство мусульманского населения ЕС. Увеличение масштабов миграционных потоков мусульман в страны Западной Европы (Германию, Великобританию, Францию, Нидерланды, Бельгию и др.), испытывающие потребность в дешевых трудовых ресурсах в послевоенное время, привело к смещению центра в северо-западном направлении. Период 1950–1980 гг. характеризуется наиболее активным движением гравитационного центра ислама, который перемещался со скоростью, превышавшей 20 км/год (Рисунок 16). Однако наиболее масштабную пространственную трансформацию ислам претерпел за период с 1960 по 1970 гг., характеризующийся наиболее активным наймом трудовых мигрантов. В данный период его гравитационный центр в ЕС перемещался с наибольшей скоростью – выше 39 км/год.

Тренд пространственного развития ислама в странах ЕС, ясно обозначившийся в 1960–1970 гг., сохранился и в последующие годы. Тем не менее скорость движения гравитационного центра ислама в последующие десятилетия постепенно замедляется, что свидетельствует о нарастании уровня инерционности в его пространственном развитии. Действительно, к 1970–1980 гг. сформировалась основная направленность миграционных потоков в крупнейшие и наиболее экономически развитые страны ЕС. Все большую значимость для прибывавших в ЕС граждан мусульманских стран стал играть фактор наличия сформированной диаспоры и возможности получения помощи со стороны соотечественников при адаптации в стране прибытия. Мусульманские диаспоры стали создавать в странах ЕС свои многочисленные культурные и религиозные организации [Малахов, 2014], а позднее (уже в 1990-е годы) – политические партии, отстаивавшие их

интересы, что облегчало их единоверцам приживаемость на новом месте.

В последующие десятилетия скорость движения гравитационного центра ислама замедлилась еще существеннее – до 4 и 6 км/год за периоды 1990–2000 и 2000–2010 гг. соответственно, а направление сменилось на западное, что свидетельствует о продолжении тренда концентрации мусульман в странах, аккумулирующих наибольшее количество мигрантов. В 2000 г. гравитационный центр ислама переместился на территорию Франции в район Страсбурга, а к 2010 г. сместился еще немного в западном направлении (департамент Мозель).

Наращение политической напряженности в ходе событий Арабской весны привело к резкому росту численности мусульман в ЕС: так, если в 2010 г. численность адептов ислама составляла 18,3 млн человек (3,6% общего населения региона), то к 2015 г она возросла до 25 млн (4,5%) (Приложение Н). Большинство беженцев устремились в наиболее богатые и социально благополучные страны Западного и Северного субрегионов ЕС, в которых уже была высока численность диаспор – прежде всего, в Германию и страны Скандинавии; значительное количество беженцев оказалось в странах ЕС, которые первыми «встали» на их пути в Европу (Греция, Италия, Испания, Венгрия) [Абрамова, 2016]. В результате за пятилетие, прошедшее с 2010 по 2015 гг., гравитационный центр ислама изменил направление своего движения, сдвинувшись на северо-восток, что обусловлено ростом численности мусульманского населения прежде всего в Германии и Швеции. Дальнейшее движение гравитационного центра ислама при усилении миграционного потока из мусульманских стран сохранит тренд северо-восточного направления. *Необходимо отметить определяющую роль в изменении положения гравитационного центра ислама в последнее десятилетие мигрантов из АСА, которые дали в этот период около 50% роста численности мусульман в ЕС.* Так, только из Сирии и Ирака в период

2011–2019 гг. было подано более 1,6 млн заявок на предоставление статуса беженца в одной из 28 стран ЕС [Asylum and first ...]. Помимо этого, государствами ЕС за данный период было предоставлено более 1 млн разрешений на пребывание в странах региона для граждан Сирии и 260 тыс. – иракцам по другим причинам миграции (образование, работа, воссоединение с семьей и т.д.) [Residence permits ...].

Именно миграция способствовала превращению мусульманской общины уже во «второе большинство» (после христианского) стран ЕС, выдвинув на первый план общественно-политической жизни региона вопрос адаптации ислама и его приверженцев к западному образу жизни и европейским ценностям. Проводимая политика мультикультурализма подвергается существенной критике в самых широких кругах европейского общества, поскольку не приводит к социальной интеграции мигрантов по причине отсутствия диалога различных культурных групп. В связи с этим еще до начала Европейского миграционного кризиса ряд европейских лидеров, среди которых – А. Меркель, Д. Кэмерон, Н. Саркози, признали провал проводимой политики мультикультурализма.

Другим важным следствием интенсификации миграции становится формирование параллельных мигрантских сообществ на территории государств ЕС. Так, мультикультурализм, особенно в периоды экономических кризисов или в условиях резкого роста численности инокультурных мигрантов, провоцирует этнические и религиозные меньшинства на проживание в *замкнутых анклавах*, которые зачастую не контролируются государственными властями. Данные территории, появившиеся в последнее время во многих городских кварталах европейских стран (Швеции, Дании, Германии, Франции, Бельгии и др.) получили название «*no-go-zone*». Как правило, проживающее в таких этнических анклавах пришлое население не желает интегрироваться в принимающее общество, отказывается учить язык и уважать

культуру принимающей страны, не демонстрирует желания работать, живя на социальное пособие или за счет криминальной деятельности, в результате чего происходит формирование параллельных сообществ [Bushkovky].

Для членов параллельных мигрантских сообществ, особенно мусульманских, характерен уход от внешней среды, отказ от интеграции в европейское гражданское общество, создание параллельных органов власти [Фитуни, Абрамова, 2017]. Наиболее остро проблема формирования параллельных мигрантских сообществ стоит в странах Европы, принявших наибольшее количество мигрантов из мусульманских стран – прежде всего, Сирии и Ирака.

Пришлое инокультурное население оказалось не всегда готово к принятию европейских демократических ценностей и продолжает ориентироваться на традиционные ценности своего сообщества [Горохов и др.]. Данная политическая ситуация показала неспособность властей ЕС быстро и адекватно реагировать на сложившуюся ситуацию, в то время как лозунги популистских антимигрантских партий в глазах электората стали значительно более привлекательными.

Таким образом лавинообразный рост потока инокультурных мигрантов в ЕС, в котором определяющую роль играли выходцы из Сирии и Ирака, привел к изменению политического ландшафта в европейских странах. Миграционный кризис в совокупности с экономико-финансовыми кризисами, кризисом демократической легитимности [Феномен правого ...] привел не только к росту популярности правых антимигрантских популистских партий, но и значительной трансформации риторики по отношению к ужесточению миграционной политики со стороны «классических» партий. Учитывая настроения определенной части европейского электората, правительства ряда стран формируют коалиции с участием антимигрантски ориентированных партий, а зачастую и сами в борьбе за политический рейтинг используют

скептические заявления по отношению к текущей миграционной политике.

Анализ результатов выборов в Европейский парламент до начала миграционного кризиса (2009 г.), и последующих выборов (2014 и 2019 гг.) указывают на резкий, почти двукратный рост популярности антимигрантских популистских партий (Таблица 9). Тенденция увеличения популярности партий с антимигрантской риторикой имеет пространственные особенности, которые прослеживаются в территориальной дифференциации миграционных потоков вынужденных мигрантов, оказавших наибольшую миграционную нагрузку на страны ЕС. Именно масштабные потоки вынужденных мигрантов окончательно пошатнули основы общеевропейской миграционной политики, ключевую роль в которых играют переселенцы из Сирии и Ирака, чья доля в общем миграционном потоке составляет более 25%, а среди мигрантов из мусульманских стран – около 50% (2010-2019 гг.). В суммарном же потоке мигрантов только из Сирии и Ирака вынужденные переселенцы составляют 85% [Агафшин, 2018]. Превалирующими направлениями стали экономически развитые страны Северной и Западной Европы, а также пограничные страны ЕС (Венгрия, Греция). Наибольшей интенсивностью характеризуются миграционные потоки в Германию, Швецию, Венгрию, Австрию, Нидерланды, Бельгию, Великобританию и Грецию, на которые приходится 90% мигрантов из Сирии и Ирака (Приложение П).

Прошедшие в 2014 г. выборы в Европарламент – еще до пика кризиса в 2015 г. – показали, что многие правые националистические и антимигрантские партии стали пользоваться более широкой поддержкой электората. Например, во Франции выборы выиграла консервативная националистическая партия «Национальный Фронт» с результатом 24,9%; в Великобритании победу одержала правая консервативная «Партия независимости Соединенного Королевства», набрав 27% голосов; в Австрии большой популярностью пользуется правая «Австрийская партия свобо-

ды», а правящая «Австрийская народная партия» набрала популярность во многом благодаря своей антимигрантской направленности. Помимо представленных стран, широкая поддержка правым политическим партиям оказывается в Венгрии (Фидес, Йоббик), Греции (Золотая заря), Италии (Движение пяти звезд, Лига Севера), Дании (Датская народная партия), Нидерландах (Партия свободы), Швеции (Шведские демократы). В целом, прослеживается закономерность роста поддержки правых и антимигрантских сил в странах, испытывающих на себе наибольшие последствия миграционного кризиса (Таблица 10).

На фоне продолжившегося миграционного кризиса, принятия решения о предоставлении национальных квот беженцам в Европе, выборы в Европарламент 2019 г. подтвердили сложившуюся тенденцию увеличения доли антимигрантских партий в Европейском парламенте и роста поддержки данных партий в странах, принявших большую часть мигрантов и беженцев из ближневосточных государств. Рост антимигрантских настроений охватил и страны, несогласные с принятым квотированием в отношении беженцев и нежелающие обременять себя интеграцией тысяч сирийцев и иракцев. Это характерно для восточноевропейских членов ЕС, таких как Польша, Хорватия, Словения, Словакия, Чехия и др. [Потемкина, 2016].

Таким образом, на развитие миграционной системы «Арабские страны Азии – ЕС» в послевоенный период и до конца 1970-х годов наибольшее влияние оказывал экономический фактор; в дальнейшем все большую значимость приобретали демографический и социальный факторы. К периоду наибольшей интенсификации миграционных потоков в начале XXI в. и, особенно, в период миграционного кризиса первостепенную значимость в притяжении мигрантов из АСА в ЕС приобрел фактор наличия в европейских странах диаспор, формирующих транснациональные связи между отдельными странами, входящими в данную миграционную систему. Влияние на принятие решений о мигра-

ции оказывают экономическая ситуация в странах, аккумулирующих мигрантов, социальная защита мигрантов со стороны государств, а также уровень религиозной мозаичности населения в принимающей стране.

Таблица 9

Изменение представительства партий антимигрантской ориентации по результатам выборов в Европейский парламент 2009–2019 гг.

Представительство антимигрантских партий/год	2009	2014	2019	2019 (пост-Брексит)
Количество депутатов, представляющих антимигрантские партии	101	156	192	176
Доля антимигрантских партий, %	13,7	20,8	25,6	25,0

Составлено и рассчитано автором по данным: [European election results].

Таблица 10

Доля голосов, поданных за антимигрантские партии в некоторых странах ЕС на выборах в Европарламент в 2009–2019 гг., %

Страна	2009	2014	2019
Венгрия	71,1	66,1	61,9
Италия	10,2	31,0	57,8
Австрия	42,7	46,7	51,8
Греция	39,9	34,8	42,2
Швеция	21,0	23,3	32,2
Великобритания	22,0	26,6	30,8
Бельгия	16,0	14,9	26,2
Франция	3,5	24,8	23,3
Нидерланды	17,0	13,3	14,5
Финляндия	9,8	12,8	13,8
Германия	0	7,1	11,0

Составлено автором по данным: [European election results].

Важнейшим следствием интенсификации миграции в ЕС является изменение конфессиональной структуры населения европейских стран за счет увеличения в них доли мусульман. Направленность миграционных потоков обусловила изменения географии ислама в ЕС. Гравитационный центр ислама переместился из стран с преимущественно автохтонным мусульманским населением в северо-западном направлении в страны, аккумулирующие максимальное количество мигрантов прежде всего из арабских стран Азии. Рост численности мигрантского населения со своими культурными и религиозными ценностями, сложности его адаптации в принимающем обществе, территориальная обособленность приводят к формированию параллельных мигрантских сообществ. Увеличение миграционной нагрузки со стороны инокультурных мигрантов из Сирии и Ирака в регионе в результате миграционного кризиса в совокупности с проводимой большинством стран ЕС политикой мультикультурализма становятся своего рода триггером политической и социальной напряженности в странах региона, которая приводит к изменению политического ландшафта ЕС за счет роста популярности правых антимигрантских партий.

3.2. Вторичный транзитный регион: структура расселения мигрантов и территориальная организация потоков их дальнейшего перемещения

Преодолевая первичный транзитный регион, мигранты достигают территории Европейского Союза. В результате снижения территориальной диверсификации маршрутов передвижения в пределах первичного транзитного региона в пользу *морского Восточно-Средиземноморского маршрута* в период миграционного кризиса, мигранты из арабских стран Азии преимущественно попадают в Грецию. Однако для большинства мигрантов Греция, как и другие первичные на пути их движения государства ЕС не

являются конечной и желаемой страной пребывания. Вследствие этого большая часть мигрантов стремится продолжить свой путь в наиболее притягательные с их точки зрения страны Западной и Северной Европы [Житин и др., 2016b]. Таким образом, европейские государства, через которые мигранты из АСА следуют в государства Северной и Западной Европы, являющиеся окончательной целью их маршрута, мы относим ко *вторичному транзитному региону*. В силу доминирования Восточно-средиземноморского маршрута перемещения мигрантов, во вторичный транзитный регион мы включаем как страны-члены ЕС – Грецию, Болгарию, Румынию, Венгрию, Хорватию и Словению; так и европейские страны вне ЕС – Северную Македонию, Сербию, Албанию, Черногорию, Боснию и Герцеговину.

Первоначально, попадая на территорию вторичного транзитного региона, мигранты преимущественно концентрировались на территории греческих островов (Родос, Кос, Самос, Хиос, Лесбос, Лемнос и др.) и частично на сухопутной границе Греции с Турцией (в районе КПП Ипсала/Кипи и Пазаркуле/Костанеэ). В период начала миграционного кризиса – на рубеже 2015 и 2016 гг. – на данных территориях наблюдались стихийное накопление мигрантов и возникновение центров их временного размещения, что объясняется слабым контролем соответствующих служб страны над потоками перемещающихся с территории Турции людей и, в целом, их неготовностью к приему такого количества мигрантов (Рисунок 17).

Дальнейшее самостоятельное перемещение мигрантов по территории Греции осуществлялось по направлению к границе с балканскими государствами – в первую очередь, с Северной Македонию в районе КПП Эвзони/Гевгелия. Так, например, к марту 2016 г. на пограничье Греции и Северной Македонии в центрах временного размещения Идомени-Эвзони, Херсо, Нео Кавала скопились более 20 тыс. человек, стремящихся пересечь границу и продолжить путь в страны Западной и Северной Европы.

Другим направлением перемещения мигрантов в начале кризиса стали крупнейшие городские агломерации Греции, на территории которых началось как стихийное, так и организованное властями страны формирование центров временного размещения мигрантов. Так, численность мигрантов в пределах Афинской агломерации, где сформировались 8 крупных центров временного размещения, достигала более 12,5 тыс. человек, а в агломерации Салоники – свыше 2,5 тыс.

По ходу развития миграционного кризиса и увеличения численности мигрантов преимущественно на греческих островах и в районах крупнейших городских агломераций, в целях снятия повышенной нагрузки с возникших здесь центров временного размещения власти Греции начали обустраивать временную инфраструктуру для приема мигрантов в континентальной части страны – районах, территориально удаленных от крупных городских агломераций и важнейших транспортных магистралей [Refugee/migrant crisis ...].

Таким образом, на основе анализа особенностей формирования центров временного размещения мигрантов и их географического положения в период 2015–2016 гг. нами выделены четыре основных типа: 1) *островные* – стихийно возникшие в Греции в начале миграционного кризиса. В силу положения в начале миграционного маршрута из АСА в ЕС они становятся основными центрами накопления вновь прибывающих мигрантов и их дальнейшего перераспределения по территории Греции и в другие страны ЕС; 2) *пограничные* – стихийно возникшие центры временного размещения, формирующиеся вблизи пограничных контрольно-пропускных пунктов на важнейших транспортных магистралях в результате ограничения передвижения или полного закрытия границ странами транзитного региона. Впоследствии данный тип центров используется для организации размещения мигрантов, задержанных в ходе незаконного пересечения границы ЕС; 3) *агломерационные* – центры временного размеще-

ния мигрантов, расположенные в крупнейших городских (в том числе столичных) агломерациях вторичного транзитного региона, возникшие в результате как стихийного, так и регулируемого перераспределения мигрантов из островных и пограничных центров. В центрах данного типа в некоторых случаях мигранты могут оставаться достаточно продолжительное время, необходимое для оформления документов и решения вопроса об их дальнейшем пребывании в ЕС. Эти центры также выполняют транзитные функции и используются для дальнейшего перераспределения мигрантов в страны конечного назначения; 4) *периферийные* – расположенные вдали от крупных городских центров и важнейших транспортных магистралей, созданные властями для снятия миграционной нагрузки на другие типы центров временного размещения и более равномерного размещения мигрантов по территории; в случае экстремальных пиков миграции они могут выполнять функции по идентификации мигрантов и их перераспределению, что может привести к долгосрочному пребыванию в них просителей убежища.

В целом, Греция в силу своего географического положения оказалась под особым «ударом» со стороны неконтролируемой миграции. Миграционная ситуация здесь осложнялась нормами Дублинского соглашения, регулирующего перемещение беженцев в странах ЕС: согласно нему, ответственность за предоставление убежища лежит на государстве, которое оказалось первым для беженца, вступившего на территорию ЕС [Regulation (EU) No. 604/2013]. Таким образом, опасаясь несправедливого распределения беженцев, Греция, как в дальнейшем и Венгрия, временно приостанавливала их регистрацию на своей территории с целью дать возможность продвигаться дальше в страны Западной и Северной Европы [Романова].

В дальнейшем, в ходе перемещения мигрантов из Греции по территории вторичного транзитного региона происходит расширение сети центров временного размещения мигрантов. Данный

процесс происходит за счет расселения мигрантов в созданных позднее центрах размещения в государствах, расположенных на основном пути их движения в страны Западной и Северной Европы в пределах *Западно-балканского миграционного маршрута* – прежде всего, в Северной Македонии, Сербии и Венгрии.

Вследствие ужесточения пограничного контроля со стороны Венгрии с июля 2015 г. и начала строительства системы заграждения на границе с Сербией и Хорватией трансформировалась направленность миграционного потока [Венгрия достроит ...]. Мигранты стали более активно использовать территорию Хорватии и Словении с целью проникновения в государства Западной и Северной Европы, вслед за изменением направленности потоков на территории данных стран начали формироваться центры временного размещения мигрантов. Расширение этих сетей происходило и за счет определенной активизации маршрутов передвижения мигрантов из Турции по территории Болгарии и Румынии, которые в дальнейшем вливались в поток мигрантов, следовавших Западно-балканским маршрутом. В свою очередь, потоки мигрантов из АСА на территории континентальной Греции начинали формировать маршруты через Болгарию, а также Албанию в направлении Черногории, Боснии и Герцеговины, Хорватии и Словении, в результате которых на территории данных стран формировалась сеть центров временного размещения мигрантов (Рисунок 17).

Таким образом, в результате увеличения количества направлений передвижения мигрантов и формирования на пути их движения центров временного размещения, в период 2016-2017 гг., все государства в рамках вторичного транзитного региона оказались вовлечены в процесс перемещения и размещения мигрантов. Произошло значительное увеличение доли мигрантов, размещенных в Сербии (до 16,7% от их общего числа), Болгарии (8%), Венгрии, Хорватии и Румынии, что *привело к значительной*

деконцентрации мигрантов по территории вторичного транзитного региона (Таблица 11).

Характер трансформации размещения мигрантов в определенном регионе обусловлен интенсивностью процессов их территориальной концентрации-деконцентрации. С целью выявления характера трансформации нами используется индекса Херфиндаля-Хиршмана (3).

Таблица 11

Изменение уровня концентрации мигрантов по территории вторичного транзитного региона

Период	Март 2016	Июль 2016	Ноябрь 2016	Март 2017
Значение индекса Херфиндаля-Хиршмана	10000,0	8944,7	6184,7	5544,7

Рассчитано и составлено автором по: [Flow monitoring DTM].

Вследствие деконцентрации мигрантов по территории вторичного транзитного региона трансформируется структура их размещения по типам центров размещения (Рисунок 18). Первоначально, по мере формирования центров временного размещения в пределах Западно-балканского маршрута (Северная Македония, Сербия, Венгрия, Хорватия и Словения) происходит увеличение количества *пограничных центров* одновременно со значительным снижением численности пребывающих в них мигрантов. Так, только с марта по июль 2016 г. численность мигрантов, размещенных в *пограничных* центрах, сократилась с 20,9 до 10,5 тыс. человек. Постепенно, в результате перераспределения мигрантов между *пограничными центрами*, наблюдается уменьшение их численности на границе Греции и Северной Македонии и увеличение – на границе Сербии и Венгрии (Суботица, Хоргош, Келебия – с сербской стороны; Сегед, Томпа, Кишкунхалаш – с

венгерской [Molodikova]), а также Сербии и Хорватии (Шид и Сомбор).

Сокращение численности мигрантов в *пограничных центрах* является результатом их перераспределения в *агломерационные центры* временного размещения, находящиеся в том числе в столичных городских агломерациях вторичного транзитного региона (Афины, Салоники, Белград, Будапешт), а также и в создаваемые *периферийные центры*. Частично сокращение численности мигрантов в пограничных центрах временного размещения объясняется их самостоятельным перемещением за пределы вторичного транзитного региона в условиях еще не ужесточившегося к лету 2016 г. пограничного контроля со стороны государств Западной и Северной Европы.

Несмотря на подписание в марте 2016 г. соглашения между ЕС и Турцией, предусматривавшего, что все новые нелегальные мигранты, пересекающие границу с Турцией и оказавшиеся на греческих островах, будут возвращены в Турцию [EU-TURKEY STATEMENT ...], численность мигрантов в *островных центрах* временного размещения продолжала увеличиваться. Так, с марта по октябрь 2016 г. на греческих островах численность мигрантов возросла с 5 до 16 тыс. человек, что привело к резкому росту средней людности *островных центров* временного размещения, которая в пиковые моменты превышала 2 тыс. человек. Рост численности мигрантов на территории островных центров временного размещения мигрантов в Греции (прежде всего, в Мории, Хиосе, Самосе, Леросе, Косе) привел к нарастанию недовольства со стороны местного населения по отношению к миграционной политике властей. Отдельно стоит выделить лагерь временного размещения на о. Лесбос – Морию, численность которого к октябрю 2016 г достигла 6 тыс. человек. Дальнейшее увеличение его численности до 13 тыс. человек в 2020 г. привело к росту недовольства самих мигрантов в силу ухудшения условий размеще-

ния. Результатом напряженности стал намеренный поджог лагеря самими мигрантами, что привело к человеческим жертвам.

Увеличение численности мигрантов в *островных центрах* временного размещения объясняется как увеличением потока мигрантов из Турции по морскому Восточно-Средиземноморскому маршруту, усилением контроля за их передвижением, так и политикой удержания мигрантов на островах – наиболее удобных для правительства Греции с точки зрения контроля за ситуацией. При диверсификации направлений перемещения мигрантов и формировании центров временного размещения во вторичном транзитном регионе сохраняется тренд на абсолютное и относительное увеличение численности мигрантов, концентрирующихся в *островных центрах* временного размещения Греции, а также на рост их людности. Также продолжается дальнейшее сокращение числа мигрантов в *приграничных центрах временного размещения* и незначительное их сокращение в *агломерационных* – за счет как самостоятельного перемещения мигрантов за пределы вторичного транзитного региона, так и в результате их организованного перераспределения между странами ЕС. На пиковой фазе миграционного кризиса вследствие организованного миграционными службами стран вторичного транзитного региона перераспределения мигрантов в *агломерационные и периферийные центры* наблюдалась незначительная пульсация их людности и количества центров временного размещения данных типов (Рисунок 19).

Несмотря на разветвление в границах вторичного транзитного региона, в конечном счете миграционные маршруты снова сливаются в два организованных потока, выходящих с территории Венгрии и Словении. Они направлены в страны *региона аккумуляции миграционных потоков* в рамках миграционной системы «АСА-ЕС». Под ними мы понимаем ряд стран Западной и Северной Европы, в которые направлен максимальный поток мигрантов и которые являются конечной целью их перемещения.

Так, основные потоки мигрантов имеют направленность: 1) на север – через Австрию, Германию и Данию до Швеции; 2) на запад – в направлении Франции, Великобритании и стран Бенелюкса; с юга к нему присоединяется незначительный поток мигрантов из АСА, прибывающих в Италию по Центрально-Средиземноморскому маршруту (Рисунок 20). Преобладание направления движения мигрантов в страны Западной и Северной Европы подтверждается данными о количестве поданных заявлений о предоставлении статуса беженца. В период наиболее активной фазы миграционного кризиса (2015–2017 гг.), характеризующийся максимальной численностью мигрантов в ЕС, гражданами Сирии и Ирака было подано около 1,1 млн заявлений: 621 тыс. – в Германии, 85 тыс. – в Швеции, 83 тыс. – в Венгрии, 59,5 тыс. – в Греции, 58 тыс. – в Австрии, 29,5 тыс. – в Нидерландах, и т.д. (Приложение Р). Однако дальнейшее перемещение с территории *вторичного транзитного региона* осуществлялось не только в результате самоорганизованного передвижения мигрантов, но и в рамках программы их перераспределения властями Европейского Союза. С целью снятия основной нагрузки миграционного потока из АСА, который пришелся на Грецию, были приняты меры по перераспределению беженцев между странами ЕС [Council Decision (EU) 2015/1523 ...; Council Decision (EU) 2015/1601 ...]. Согласно данным решениям, страны ЕС должны были перераспределить между собой около 66,5 тыс. мигрантов из Греции.

Квотирование перераспределения мигрантов по территории ЕС основывалось на четырех критериях: 1) объем ВВП страны (40%); 2) численность населения (40%); 3) уровень безработицы (10%) и 4) количество уже принятых просителей убежища (10%). Данные меры предполагали определенное ограниченное и временное отступление от положений Дублинского регламента в отношении критериев определения государства, ответственного за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища. Однако предложенная формула распределения бежен-

цев вызвала негативную реакцию в первую очередь восточноевропейских стран ЕС [Бабынина; Потемкина, 2015], а также ряда западноевропейских стран, которые фактически не принимали беженцев согласно данным директивам [Малахов, Касцял].

В связи с отсутствием консенсуса в вопросе квотирования и проблемами, связанными с реализацией перераспределения мигрантов, данная инициатива была осуществлена лишь частично. Из запланированных 66,5 тыс. мигрантов из Греции оказалось перераспределено только 22 тыс. Показателен список стран, принявших большую часть мигрантов: Германия – около 5,4 тыс. человек; Франция – 4,4 тыс.; Нидерланды – 1,8 тыс.; Швеция – 1,7 тыс.; Финляндия, несмотря на скептическое отношение к данной инициативе, приняла у себя 1,2 тыс. Также частичное участие в реализации данного плана приняли Испания (1,2 тыс.) и Португалия (1,1 тыс.). В свою очередь, страны Вышеградской группы – Венгрия, Словакия, Польша, Чехия – разместили на своей территории только 28 мигрантов [Flow monitoring DTM]. Перераспределение потоков переселенцев в период миграционного кризиса вне стран вторичного транзитного региона носило преимущественно *моноочаговый характер* из Греции, оно характеризовалось разветвленной системой направлений по воздуху.

В силу особенностей передвижения мигрантов из арабских стран Азии в период миграционного кризиса как в рамках *вторичного транзитного региона*, так и *стран аккумуляции миграционных потоков* привели к изменению структуры размещения мигрантов по территории стран ЕС. Для выявления уровня этих изменений нами использовался индекс структурных сдвигов Рябцева (4).

Трансформация территориальной структуры расселения мигрантов, выраженная в изменении уровня ее инерционности, происходит «через» расширение или сжатие. С целью выявления характера трансформации, как и в случае определения изменения во вторичном транзитном регионе, нами используется ин-

декса Херфиндаля-Хиршмана (3). Выявлено, что на протяжении 1990–2010 гг. структура расселения мигрантов претерпевала незначительную пространственную трансформацию относительно сформированного к 1990 г. каркасу расселения мигрантов из АСА на территории ЕС (Таблица 12).

Таблица 12

Доля мигрантов из АСА в главных центрах миграционной системы (%) и показатель их территориальной концентрации, 1990–2019 гг.

Страна/год	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2019
ФРГ	27,2	28,5	28,7	24,2	20,3	40,1	47,0
Швеция	20,1	19,0	16,5	18,0	22,3	19,3	16,6
Великобритания	10,9	14,3	16,3	19,9	21,9	14,4	10,0
Нидерланды	1,9	4,0	7,5	7,5	6,9	4,7	6,1
Дания	3,1	4,2	5,2	5,7	4,8	3,4	3,1
Австрия	1,7	1,5	1,4	1,3	1,4	1,6	2,9
Бельгия	2,1	1,4	0,9	1,5	2,1	2,2	2,9
Итого	66,9	72,9	76,5	78,1	79,6	85,7	88,5
Значение индекса Херфиндаля-Хиршмана	1671,3	1666,6	1622,6	1531,7	1566,8	2270,6	2664,4

Составлено и рассчитано автором по: [Bundesamt für ...; International Migrant Stock; Office for National ...; Population on...; Statbel, Statistik Austria; Statistics Denmark; Statistics Netherlands; Statistisches Bundesamt; Statistiska centralbyrån; Trends in International].

Докризисные периоды характеризовались «низким» уровнем структурных различий в 1990–2000 гг. (0,141), переходящим к «существенному» в 2000–2010 гг. (0,154). Данные структурные изменения в период 1990–2000 гг. происходили за счет Франции (24,6%), Нидерландов (24,3%), Великобритании (22,6%), а также Швеции (10%). В период 2000–2010 гг. – уже в первую очередь за

счет Германии (47,2%), а также Швеции (22,7%) и Великобритании (20,6%). Трансформация структуры расселения происходила за счет разнонаправленных процессов, связанных со снижением миграционного потока из АСА в ряд стран региона, расширением его направленности внутри ЕС и миграционным оттоком арабского населения из них в различные периоды (Франция, Италия, Греция, Бельгия).

Существенное воздействие на изменение территориальной структуры размещения мигрантов оказал миграционный кризис: так, уровень структурных различий в период 2010–2019 гг. характеризуется как «значительный» (0,350). Данные изменения произошли за счет вклада в них Германии (76,8%), Великобритании (15,1%), Швеции (3,6%). Также именно в период миграционного кризиса (2015–2019 гг.) наблюдается увеличение значений показателей их концентрации до наиболее высокого уровня: значение индекса Херфиндаля-Хиршмана составляет 2664,4. Показатель концентрации мигрантов из АСА мог бы быть еще более высоким, однако к незначительному снижению ее темпов в центрах миграционной системы частично привела программа перераспределения мигрантов из Греции, в результате которой часть мигрантов направилась в периферийные страны миграционной системы – Португалию, Испанию и страны Прибалтики. *В целом, в период миграционного кризиса происходит сжатие пространства размещения мигрантов из АСА в странах ЕС.*

Таким образом, в пределах *вторичного транзитного региона* в период миграционного кризиса происходит усложнение структуры перемещения мигрантов. Разветвление маршрутов движения мигрантов приводит к вовлечению все большего количества стран региона в миграционную систему «АСА – ЕС», которое происходит в результате появления на их территории центров временного размещения мигрантов различного типа. В результате миграционного кризиса наблюдается значительная деконцентрация мигрантов из АСА по странам *вторичного транзитного*

региона. Вследствие этого меняется структура их размещения по типам центров. Происходит абсолютное и относительное увеличение численности мигрантов, которые размещаются в *островных центрах* временного пребывания в Греции, а также укрупнение людности последних. В дальнейшем происходит сокращение численности мигрантов в *пограничных центрах* временного размещения в Греции и, наоборот, ее увеличение на пограничных участках территории Сербии. Наблюдается незначительная пульсация численности мигрантов в агломерационных и периферийных центрах временного размещения вследствие организованного миграционными службами перераспределения мигрантов между странами ЕС.

Однако в итоге многочисленные маршруты во *вторичном транзитном регионе* сливаются в два миграционных потока, которые направлены в страны *региона их аккумуляции* – Германию, Швецию, Австрию, Нидерланды, Бельгию, Данию. Перераспределение потоков переселенцев в период миграционного кризиса вне стран вторичного транзитного региона носит преимущественно *моноочаговый характер* из Греции, оно характеризуется разветвленной системой направлений по воздуху, а также наличием нескольких единичных сухопутных направлений. Результатом сложившихся особенностей передвижения мигрантов в период миграционного кризиса стало сжатие пространства размещения мигрантов из АСА в странах ЕС в результате повышения их концентрации в Германии, Швеции, Дании, Бельгии, Нидерландах.

3.3. Территориальная дифференциация миграционных потоков в пределах региона их аккумуляции⁸

Результатом интенсификации миграционных потоков из АСА в кризисный период стала концентрации мигрантов на террито-

---

⁸ Материалы данного параграфа в значительной степени основываются на публикациях автора [Агафошин, Горохов, 2020; Агафошин и др., 2022].

рии стран *региона их аккумуляции* – Германии, Швеции, Дании, Бельгии, Нидерландах (Приложение Л). В структуре миграционного потока выделялась высокая доля беженцев, размещение которых по территории принимаемых стран носит управляемый характер, поскольку является прерогативой властей этих государств. Данный факт оказал воздействие на третью стадию миграционного процесса – *перемещение мигрантов внутри страны «назначения», аккумулирующей их потоки.*

Для иллюстрации изменения расселения мигрантов из АСА в регионе *стран аккумуляции потоков* нами выбрана Швеция. Данный выбор обусловлен рядом причин: *во-первых*, Швеция имеет длительную историю принятия и расселения инокультурных беженцев. С конца 1970-х годов структура иммиграции в Швецию стала меняться, что было обусловлено уменьшением спроса на рабочую силу ввиду низкой экономической конъюнктуры в стране и общего сокращения занятости в промышленности. Возможность получения разрешения на работу в Швеции осталась фактически лишь у граждан Скандинавии, а с 1995 г. – еще и у граждан стран ЕС. Поэтому трудовых мигрантов из развитых государств – преимущественно из соседних стран Скандинавии и государств Европы – сменяют беженцы и переселенцы из стран развивающихся [Westin].

Во-вторых, Швеция, исходя из принципов своей миграционной политики, приняла наибольшее среди стран ЕС количество беженцев из Сирии и Ирака в расчете на душу населения в период миграционного кризиса (1410 человек на 100 тыс. населения за 2014–2019 гг.), а по абсолютным показателям за данный период (более 140 тыс. человек) уступает только Германии. На выходцев из этих двух стран приходится почти весь миграционный поток в Швецию из АСА: доля сирийцев составила в период 2014–2019 гг. 81,8%, иракцев – 12,5%. Еще более высока их доля именно в потоке беженцев: сирийцев – 90,4%, иракцев – 7,0%.

В-третьих, прием преимущественно инокультурных мигрантов, в том числе из АСА, приводит в Швеции к росту численности мусульманской общины, которая стала в стране «вторым большинством». Так, доля мусульман в религиозном населении Швеции составляет почти 14%, а их численность, по нашим подсчетам, составляет 950 тыс. человек [Агафошин, Горохов, 2020]. Особенности социальной политики властей Швеции и расселения мигрантов–мусульман обуславливают проблемы их адаптации в шведское общество. Поэтому именно шведские власти одними из первых в ЕС признали наличие в стране территорий с высоким процентом мигрантов в структуре населения, где фактически утрачена государственная монополия на власть – «*уязвимых районов*» (*utsatta områden* – швед.).

В современной истории Швеции можно проследить несколько миграционных волн. Так, в 1970-х годах Швеция приняла беженцев из Чили, спасавшихся от диктаторского режима генерала А. Пиночета, и Уганды, бежавших от преследований И. Амина; затем, в 1980-е годы последовали граждане Ирана и Ирака, вследствие военных действий между этими странами [Плевако, Чернышева] (Приложение С). В 1990-е годы произошла очередная интенсификация иммиграции беженцев в Швецию. Ее первый пик был обусловлен потоком из бывшей Югославии (прежде всего боснийцев), стран Ближнего Востока и Африканского Рога. В 2000-х годах объем миграции из данных регионов не только не уменьшился, но даже возрос. Росту численности беженцев способствовали особенности шведского законодательства, обеспечивавшего право семей на воссоединение, в результате чего в страну устремились родственники мигрантов. Около половины всех мигрантов, приехавших в страну, начиная с 1990-х годов, прибыли в Швецию именно по линии воссоединения семей [Волков]. В дальнейшем ситуация в странах, поставлявших беженцев в Швецию, не улучшалась – скорее, наоборот, американское вторжение в Ирак в 2003 г., последовавшие за ним гражданские войны

в Сирии и Ираке привели к росту численность мигрантов из этих стран. В результате миграционного кризиса к 2019 г. *сирийцы (194 тыс. человек) и иракцы (146 тыс.) стали крупнейшими этническими меньшинствами в Швеции*, оттеснив на третье место финнов, которые лидировали по этому показателю с начала прошлого столетия (Приложение Т).

К началу миграционного кризиса в 2014 г. на территории Швеции проживали 197,8 тыс. граждан Ирака и Сирии, причем численность иракцев (130,2 тыс.) значительно превышала численность сирийцев. Большая численность иракцев объясняется тем, что в 1980-е и 2000-е годы Швеция приняла несколько волн беженцев из этой страны. Сложившаяся структура расселения мигрантов из Ирака и Сирии к 2014 г. характеризовалась значительной неравномерностью: почти 60% мигрантов были сосредоточены всего в 3 из 21 лёна страны (административно-территориальных единиц Швеции первого порядка) – *Стокгольме, Вестра-Гёталанде и Сконе*. Прежде всего они были размещены в центрах этих административных единиц – крупнейших в стране городских агломерациях Стокгольма, Гётеборга и Мальме. Причем концентрация иракцев в данных лёнах была наиболее высокой – 64,2%, в то время как для граждан Сирии она составляла – 50,8%, а для самих шведов – 50,3% (Приложение У).

Выявленные особенности размещения граждан Ирака и Сирии подтверждаются и рассчитанными нами значениями индекса Херфиндаля-Хиршмана (3), указывающими на более высокую концентрацию сирийцев и иракцев по сравнению с размещением по лёнам шведского населения (Таблица 13).

В результате активизации миграционных потоков из АСА, в первую очередь сирийцев, происходила их деконцентрации по территории Швеции (Приложение Ф). Особенно значительные изменения были характерны для сирийских мигрантов, за период 2014–2019 гг. показатель концентрации которых снизился с 1149,6 до 936,0. Это снижение связано с уменьшением их доли

в лёне Стокгольм и увеличением на территории южных ленов страны (Сконе, Халланд, Кальмар, Крунеберг), поскольку в период кризиса мигранты попадали на территорию Швеции с юга – из Дании. Для иракцев показатель снижения концентрации не так значителен вследствие большей длительности периода их расселения. В результате уже к началу миграционного кризиса в Швеции существовали крупные по численности иракские диаспоры (лёны Стокгольм, Вестра-Гёталанд, Сконе), куда с 2015 г были преимущественно направлены менее мощные (по сравнению с таковыми для сирийцев) потоки граждан Ирака.

Таблица 13

Показатели территориальной концентрации мигрантов из Ирака и Сирии, а также граждан Швеции по территории лёнов, 2014-2019 гг.

Значение индекса Херфиндаль-Хиршмана по совокупности групп населения	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Мигранты из Ирака	1640,2	1639,0	1630,1	1608,3	1606,2	1599,8
Мигранты из Сирии	1149,6	988,4	898,7	932,5	937,4	936,0
Граждане Швеции	1027,4	1032,1	1035,7	1038,1	1040,5	1042,9

Рассчитано и составлено автором по: [Utrikes födda ...].

Существенные изменения в размещении мигрантов из Сирии (Рисунок 21) и Ирака наблюдались не только на уровне лёнов Швеции, но и на уровне коммун – административно-территориальных единиц второго порядка внутри лёнов. На повышатель-

ной фазе миграционного кризиса, когда численность мигрантов относительно таковой в предыдущем году растёт, наблюдается их деконцентрация, выраженная в увеличении доли мигрантов в периферийных коммунах по отношению к центральным⁹. На понижательной фазе кризиса, когда в каждый следующий год мигрантов приезжает меньше, чем в предыдущий, наблюдается, наоборот, концентрация в центральных коммунах. Так, в 2015 г. – при увеличении мощности миграционного потока – в размещении сирийцев данная тенденция прослеживается в 18 из 20 лёнов (кроме Блекинге и Вермнланда), в 2016 гг. – в 17 (за исключением Вестерботтена, Вестманланда и Стокгольма). В дальнейшем, по мере уменьшения мощности потока сирийцев, происходит рост их концентрации в центральных коммунах лёнов. В 2017 и 2018 гг. наблюдалось увеличение доли сирийцев, проживавших в центральных коммунах 17 из 20 лёнов страны (кроме Йёнчёпинга, Эстергёталанда в оба года, Халланда в 2017 г. и Стокгольма в 2018 г.), а в 2019 г. – уже в 18.

На пике кризиса происходит деконцентрация выходцев из Сирии за счет снижения доли сирийского населения не только в центральной коммуне лёна, но и во второй, а иногда и в третьей по численности сирийцев (например, Бочурка, Ерфелла, Сёдертаље – в Стокгольмском лёне (Рисунок 22); в лёне Йёнчёпинг данный процесс происходил за счет коммуны Севше; в лёне Сконне – коммуны Кристианстад; коммун Скевде и Тролльхеттан – в Вестра-Гёталанде и др.).

В период миграционного кризиса в размещении иракцев не прослеживались столь яркие закономерности, которые были выявлены нами у сирийцев. Тем не менее в качестве преобладающей тенденции расселения иракцев можно выделить преимущественную их деконцентрацию вне зависимости от увеличения или снижения мощности потока мигрантов, что характерно для

---

⁹ Центральной мы принимаем коммуну с наибольшей численностью мигрантов на 2019 г.

большинства лёнов, за исключением Евлеборга, Вестерботтена, Даларны, Вестманланда и Эребру. Так, несмотря на прохождение пика кризиса, только в редких коммунах-лидерах начинался обратный рост их доли в иракском населении лёна. Данные изменения могли быть связаны не с устойчивым увеличением их численности, а лишь с незначительными колебаниями в размещении, которые были характерны преимущественно лишь для 2019 г. Увеличение доли центральных коммун в иракском населении были характерны для лёнов Даларна, Вермланд, Йёнчёпинг, Эстергёталанд в 2018 г., однако в 2019 г. данный процесс сменился на обратный.

Большая инерционность в размещении иракцев по сравнению с сирийцами объясняется значительно большей концентрация первых к началу кризиса: в центральных коммунах 18 из 20 рассматриваемых лёнов проживали более 50% иракских мигрантов, в то время как столь высокая концентрация сирийского населения была характерна только для 6 лёнов. *Однако, несмотря на определенные различия в динамике размещения сирийцев и иракцев в период кризиса, в целом для них характерна одна общая тенденция, заключающаяся в деконцентрации мигрантов за счет увеличения доли периферийных коммун в иракском и сирийском населении лёнов.* Увеличение доли периферийных коммун в размещении иракцев происходило более равномерно: так, в период 2014–2019 гг. этот рост не превышал 5%; выше он был только в коммунах лёнов с небольшой численностью иракцев: Блекинге – 5,5%; Норботтен – 8,5%. За аналогичный период увеличение доли периферийных коммун в размещении сирийцев было более стремительным: так, на более чем 6% возросла их доля в лёнах Уппсала, Эстергёталанд, Вестра-Гёталанд, Эребру, Даларна, Эвлеборг, Емтланд, а в Йёнчёпинге – на 14%! Еще одной важной пространственной характеристикой мигрантов из Сирии и Ирака стало проявившееся в период миграционного кризиса отличие в их размещении по отношению к коренному населению Швеции. Все 290 коммун

страны были объединены нами в 10 групп – децилей, примерно одинаковых по общей численности населения (Рисунок 23).

В рассматриваемом периоде 2014–2019 гг. нами были выделены следующие закономерности размещения сирийцев в Швеции: 1) непосредственно перед кризисом уже присутствовавшие в стране сирийцы концентрировались прежде всего в крупных коммунах (2, 3 и 4 дециль), а не в средних (5, 6 и 7 дециль) или малых (8, 9 10 дециль); 2) во время наиболее активной фазы кризиса в Швеции (2015–2016 гг.) они распределялись организованно государственными службами в первую очередь в малые коммуны так, что в результате именно последние стали лидирующей группой по численности сирийцев; 3) по мере снижения миграционного потока сирийцев наблюдалось их самостоятельное распределение, которое снова происходило в крупные коммуны (Приложение X).

Размещение иракцев по децилям коммун к началу кризиса характеризовалось еще большей, чем у сирийцев, концентрацией в крупных коммунах. Однако само их распределение в период 2014–2019 гг. было более равномерным при незначительном росте в этот период малых коммун. Равномерность изменения структуры расселения иракцев связана с относительной незначительностью числа приехавших мигрантов из Ирака в период кризиса по сравнению с таковым в 2000-х годах. Значительный скачок числа иракцев в средних по численности коммунах (5 дециль) в 2016-2017 гг. объясняется переходом некоторых коммун (4 дециль) в более низкий дециль. Таким образом, перераспределение иракцев внутри Швеции в период миграционного кризиса обусловлено сформированной до его начала структурой их расселения.

Проведенное нами сравнение распределения совокупностей шведского населения и мигрантов из Сирии и Ирака по коммунах страны указывает на их сближение в результате кризиса (Таблица 14). Сближение структур расселения иракцев и шведов

происходило равномерно на протяжении всего периода. Сближение же структур расселения сирийцев и шведов в большей степени происходило в начале кризиса, достигнув своего максимума именно в первый год снижения мощности миграционного потока из Сирии – в 2017 г. Это связано с более равномерным расселением сирийских мигрантов по территории страны, осуществляемым властями Швеции на пике миграционного кризиса (2015–2016 гг.). С 2018 г. показатели структурных различий стали расти, что связано с возрастанием процессов самоорганизации в рамках размещения сирийцев по территории Швеции.

Таблица 14

Степень различия между структурами расселения шведов и мигрантов из Сирии и Ирака по коммуна́м Швеции за период 2014-2019 гг.

Год	Средние границы численности населения групп коммун, человек			Индекс Рябцева (5), рассчитанный по совокупностям мигрантов и шведов, расселенных по коммуна́м страны		
	Крупные (2й-4й децили)	Средние (5й-7й децили)	Малые (8й-10й децили)	Мигранты из Сирии	Мигранты из Ирака	Совокупность мигрантов из Сирии и Ирака
2014	93567–560199	33484–91238	2445–33130	0,376	0,348	0,319
2015				0,351	0,345	0,295
2016				0,329	0,342	0,266
2017				0,298	0,334	0,256
2018				0,305	0,331	0,258
2019				0,311	0,328	0,262

Рассчитано и составлено автором по: [Utrikes födda ...].

Таким образом, самоорганизация расселения мигрантов в посткризисный период обострила процессы этнической и кон-

фессиональной (преимущественно мусульманской) *экслюзии мигрантского* населения и *формирования параллельных сообществ* на территориях их компактного проживания. Самостоятельное расселение мигрантов из АСА по территории крупных коммун имеет характерные особенности: мигранты концентрируются в городских районах, возникших на волне экономического подъема в Швеции в 1960-е годы, когда по программе «Миллион» в городах для промышленных рабочих были возведены кварталы массовой застройки на миллион новых квартир. В Стокгольме возникли районы Ринкебю, в Гётеборге – Бископсгорден и Хаммаркуллен, в Мальмё – Русенгорд, и др. [Мелин и др.]. Деиндустриализация и безработица, вызванные экономическим кризисом 1990-х годов, привели к деградации городской среды в этих кварталах вследствие отъезда из них шведского населения, принадлежавшего к рабочему и среднему классу. В результате их стали заселять представители этнических и расовых меньшинств иммигрантского происхождения, ставших к концу XX в. в них большинством. Так в городах Швеции возникли сегрегированные районы – мультиэтнические и мультиконфессиональные, ставшие очагами бедности и безработицы.

Именно на периферии этих районов формируются основные *уязвимые районы*, представляющие собой шведский вариант «запретных зон», распространившихся в последнее время во многих городских кварталах Европы. Для этих территорий характерен следующий набор признаков (они не обязательно должны удовлетворять им всем): 1) опасность пребывания для граждан, не проживающих в них на постоянной основе; 2) концентрация населения, культурно и социально чуждого или даже враждебного основному населению страны; 3) утрата контроля над ними со стороны государственных органов власти (полиции, чиновников, аварийных и медицинских служб); 4) распространение фундаментально неприемлемых для большей части общества норм и ценностей [Русаков, Русакова].

Уязвимые районы выделяются властями Швеции с 2014 г. и подразделяются на три категории по степени проблемности: *уязвимые, повышенного риска и особо уязвимые* (Рисунок 25). В 2019 г. в стране насчитывалось 60 уязвимых районов, в которых проживали 560 тыс. человек, или более 5% населения страны [Fakta för förändring ...]; по данным шведской полиции, там действовали 5 тыс. преступников и 200 преступных сетей [Гришин, 2018]. Для структуры населения уязвимых районов характерна не только значительная доля мигрантского населения, но и высокая доля мусульман. Так, исходя из конфессиональной структуры населения стран, «продуцирующих» иммиграцию в Швецию, по нашим расчетам [Горохов, Агафшин, 2020], мусульмане составляли несколько более 80% иммигрантов в страну с 1990 г. В результате этого мусульмане в 2019 г. составляли почти 14% религиозного населения страны, а их численность достигла 950 тыс. человек. Особенно крупные мусульманские сообщества расположены в лёнах Стокгольм, Вестра-Гёталанд и Сконе, где были сконцентрированы почти 60% мигрантов из мусульманских стран в Швеции. Особенно много мусульман в лёне Стокгольм – 27% их численности в стране (около 260 тыс. человек). В Ринкебю – уязвимом районе коммуны Стокгольм – адепты ислама составляли около 80% жителей. Примерно такая же ситуация сложилась в уязвимом районе Русенгорд (коммуна Мальмё), в населении которого 86% составляли лица иностранного происхождения – прежде всего, выходцы из Ирака, Боснии и Герцеговины, Ливана, Сомали, Афганистана и других преимущественно мусульманских стран [Агафшин, Горохов, 2020].

Крайне важно отметить, что иракцы и сирийцы являлись крупнейшими группами (после самих шведов), проживающими в уязвимых районах, составляя соответственно 7,1 и 5,3% их населения. В целом, на территории этих районов проживало 27,5% иракцев и 15,8% сирийцев страны. Наиболее высокой концентрации выходцев из АСА была в пределах уязвимых районов лёнов

Стокгольм, Вестра-Гёталанд и Сконе. В уязвимых районах лёна Стокгольм проживали 47,1% иракцев и 37,7% сирийцев данного лёна; в Вестра-Геталанде – 56,0% и 48,5% соответственно. В уязвимых районах Сконе концентрация мигрантов чуть ниже – 34,4% и 30,3%, что в любом случае являлось высоким показателем. При этом 22 уязвимых района с общей численностью населения 200 тыс. человек – в том числе Хусбю в Стокгольме, Рона/Гелета/Лина в Сёдертаље, Эльбо в Гетеборге, Русенгорд в Мальме, Кронгорден в Тролльхеттане и ряд других, значительную часть населения которых образуют выходцы из Ирака и Сирии – отнесены правительством к категории особо уязвимых. Контроль за данными районами со стороны шведских властей фактически потерян, а надзорные функции, переходят к представителям национальных и религиозных меньшинств [Kriminell påverkan ...].

Помимо сирийцев и иракцев в уязвимых районах Швеции проживают и другие выходцы из АСА. Несмотря на меньшую численность проживающих в данных районах *ливанцев* – 7,5 тыс. человек, для них характерна довольно высокая концентрация именно в пределах уязвимых районов: в лёне Гетеборг 52,3% ливанцев проживали в уязвимых районах, в ряде которых (Эльбо, Кронгорден) они составляли большинство населения. В уязвимых районах лёна Сконе концентрировалось 44,5% ливанского населения, преимущественно в районах Русенгорд и Холма/Кроксбекк. В коммуне Кристианстад лёна Сконе выделялся один район – Гамлегорден, преимущественно заселенный палестинцами. В свою очередь, в уязвимых районах лёна Стокгольм было размещено 32,6% проживающих в нем ливанцев [Fakta för förändring ...].

Высокий уровень сегрегации преимущественно мусульманских мигрантов из Ирака и Сирии в уязвимых районах негативно отражается на их интеграции в принимаемое общество [Гришин, 2019]. Так, на территории уязвимых районов среди мигрантов высок уровень безработицы вследствие слабого вла-

дения ими шведским языком, поскольку, согласно шведскому законодательству, обучение мигрантов может осуществляться на их родном языке. Таким образом, мигранты из арабских стран Азии даже если и пытаются интегрироваться в шведское общество, фактически попадают в замкнутый круг сегрегации: существуя на социальное пособие, они не могут получить жилье нигде, кроме районов, где концентрируются только иммигранты. Не имея работы, невозможно овладеть шведским языком, чтобы получить хорошо оплачиваемую работу в Швеции [Горохов и др., 2022; Плевако, Чернышёва].

Однако факт высокого уровня безработицы среди иракцев и сирийцев не означает, что у них нет иных средств к существованию, кроме социальных пособий. Зачастую именно в уязвимых районах наблюдается криминализация этнических общин. Мигранты в Швеции, в том числе выходцы из АСА, заняты в «теневых» секторах экономики – от содержания небольших закусовых, торговых лавок и гостиниц до участия в сформированных по клановому принципу бандах, занимающихся наркобизнесом, кражами и торговлей оружием [Гришин, 2018]. Подобная экономическая деятельность объясняет то, что Швеция занимает в настоящее время второе место в ЕС по масштабам «теневой» экономики, объем которой оценивается в 59 млрд евро, или 14% ВВП страны [Aftonbladet ...]. Увеличение доли «теневоего» сектора приводит к снижению доходов государственного бюджета и уровня социальной защищенности всего населения страны.

Недовольство проводимой миграционной политикой страны на фоне роста численности инокультурного населения находит отражение в изменении электоральных предпочтений шведского населения, среди которого увеличивается поддержка популистских антимигрантских партий. Так, например, как на местных выборах в Риксдаг, так и на выборах в Европарламент наблюдался рост поддержки партии «Шведские демократы», имеющей явную антимигрантскую и евроскептицистскую риторику. На

местных выборах поддержка «Шведских демократов» с 2010 по 2018 гг. выросла с 5,7% до 17,5%. На фоне миграционного кризиса произошло повышение электоральной активности крайне политизированного шведского населения – с 84,6% до 87,1%. Похожая ситуация характерна и для выборов в Европарламент (см. параграф 3.1) [Агафошин, 2020].

Таким образом, на примере Швеции как страны-аккумулятора потоков мигрантов из Сирии и Ирака в ЕС выявлено снижение в период миграционного кризиса территориальной концентрации мигрантов по административно-территориальным единицам первого порядка (лёнам). Наиболее ярко процесс деконцентрации выражен среди сирийцев, составлявших большую часть миграционного потока в страну. В пределах самих лёнов на уровне коммун наблюдались изменения в расселении, в первую очередь характерные для сирийцев: так, в период наибольшей интенсивности миграционного потока (2015–2016 гг.) происходил рост доли периферийных коммун в сирийском населении лёнов. По мере снижения объемов иммиграции с 2017 г. происходит обратный процесс – увеличение доли центральных коммун. В свою очередь, для расселения иракцев на протяжении всего кризисного периода характерно незначительное увеличение доли периферийных коммун.

Проведенное сравнение распределения совокупностей шведского и мигрантского (сирийцы и иракцы) населения по коммуна́м страны указывает на то, что их сближение происходило именно в период наиболее активной фазы миграционного кризиса с 2015 по 2016 гг., достигая максимального сближения в первый год сокращения миграционного потока в страну (2017 г). Сближение структур расселения мигрантов из АСА и шведов происходило за счет перераспределения мигрантов в период активной фазы кризиса из крупных в малые коммуны. Выравнивание диспропорций в расселении мигрантов по территории страны осуществлялось властями страны. В дальнейшем, с 2018 г. показатели структур-

ных различий размещения этих групп населения начали увеличиваться, что связано с возрастанием самоорганизации расселения сирийцев и иракцев по территории Швеции, происходящего за счет увеличения доли мигрантов в крупных коммунах.

Расселение мигрантов в посткризисный период, характерной чертой которого стало увеличение их концентрации в периферийных районах крупнейших городов, обострило процессы этнической и конфессиональной эксклюзии мигрантского населения. Трудности интеграции, криминализация и распространение фундаментальных мусульманских ценностей на территориях уязвимых районов привели к геттоизации и формированию параллельных мигрантских сообществ.

***

В рамках миграционной системы «Арабские страны Азии – ЕС» среди факторов притяжения мигрантов в Европейский Союз наибольшую значимость имели высокий уровень экономического развития государств ЕС, высокий уровень жизни их населения, социально-ориентированная политика властей, а также «старение» населения ЕС и нехватка трудовых ресурсов. В период миграционного кризиса среди главных факторов, обуславливающих масштабную миграцию из АСА в ЕС, необходимо отметить наличие сформированных диаспор из этих стран в Европе, которые образуют устойчивые транснациональные связи между отдельными элементами миграционной системы «АСА – ЕС». Важную роль в принятии решения о миграции играют также экономическая ситуация в странах, аккумулирующих мигрантов, социальная защита мигрантов со стороны государств, их принимающих, и уровень религиозной мозаичности их населения.

Результатом увеличения мощности миграционных потоков из преимущественно мусульманских стран, к которым относятся и АСА, становится изменение конфессиональной структуры населения европейских стран за счет увеличения в них доли адеп-

тов ислама. Направленность миграционных потоков обусловила изменения географии ислама в ЕС. Так, гравитационный центр ислама переместился из стран с преимущественно автохтонным мусульманским населением в северо-западном направлении в страны, аккумулирующие максимальное количество мигрантов. Увеличение численности инокультурного населения в ЕС в условиях проводимой большинством стран политики мультикультурализма приводит к росту социальной напряженности в странах региона.

Однако последствия миграции оказывают различное влияние на принимающие страны, что связано с особенностями размещения мигрантов из АСА по территории ЕС. В период миграционного кризиса, минуя *первичный транзитный регион*, переселенцы из АСА попадают на территорию ЕС – преимущественно в Грецию и Болгарию. Последние не являются конечными пунктами назначения в рамках миграционных маршрутов, большая часть мигрантов стремится достичь развитых стран Западной и Северной Европы. Рост численности мигрантов и усложнение характера дальнейших перемещений в пределах *вторичного транзитного региона* – как самостоятельных, так и регулируемых – сопровождался их территориальной деконцентрацией. Разветвление маршрутов движения мигрантов привело к встраиванию всех стран региона в структуру миграционной системы «АСА – ЕС», которое происходило в результате создания *центров временного размещения мигрантов*. В течение миграционного кризиса наблюдалась значительная трансформация структуры расселения мигрантов по типам центров временного размещения.

Итогом диверсификации миграционных маршрутов во *вторичном транзитном регионе* стало их слияние в два потока, выходящих из Венгрии и Словении, которые направлены в *регион аккумуляции миграционных потоков*. Предложенное «сверху» – с целью более равномерного размещения мигрантов по странам

ЕС – перераспределение мигрантов по квотам имело ограниченные масштабы и носило *моноочаговый характер*. Оно осуществлялось из Греции и характеризовалось разветвленной системой направлений по воздуху.

На примере Швеции как страны в пределах *региона аккумуляции миграционных потоков* выявлено снижение территориальной концентрации мигрантов в период кризиса. Деконцентрация мигрантов характерна как на первом, так и на втором уровнях административно-территориального деления страны. Наиболее интенсивно снижение концентрации мигрантов происходило до 2017 г., в дальнейшем по мере ослабления миграционного потока наблюдалось постепенное увеличение концентрации. Таким образом, размещение переселенцев в наибольшей степени соответствовало таковому для коренного населения именно в период миграционного кризиса. Дальнейшее самостоятельное распределение инокультурных, исповедовавших в своем большинстве ислам мигрантов из АСА на территории периферийных районов крупных городов Швеции приводит к их пространственной сегрегации. В результате на территориях компактного проживания мигрантов в выделяемых властями Швеции уязвимых районах происходит формирование параллельных мигрантских сообществ.

Заключение

В современном глобализирующемся мире происходит увеличение масштабов международной миграции населения. Рост численности международных мигрантов приводит к интенсификации социальных, демографических, культурных и экономических изменений как в принимающих, так и в направляющих мигрантов странах. Данная работа посвящена исследованию территориальной дифференциации миграционных потоков из арабских стран Азии в Европейский Союз, которая произошла на фоне аномального увеличения мощности таковых (более 1,6 млн человек за период 2010-2019 гг.), приведшего к Европейскому миграционному кризису.

В основу исследования положена концепция миграционных систем, что позволяет нам объединить и использовать в ее рамках различные теории и концепции изучения миграции. Концепция миграционных систем позволяет проводить анализ миграционных потоков не только между отдельными государствами, но и в рамках двух регионов, вовлеченных в миграционный обмен. Несомненное достоинство данной концепции – возможность не только провести анализ причин формирования и выявить направленность миграционных потоков, но и установить механизмы влияния миграционных процессов на демографические, социальные и культурные аспекты развития стран двух регионов.

Изменение мощности и направленности потоков в миграционной системе «Арабские страны Азии – ЕС» во многом объясняется неравномерностью действия факторов, оказывающих выталкивающее и притягивающее воздействие на различные группы населения данных регионов мира. Аномальный рост мощности миграционного потока из АСА с 2015 г. стал результатом эска-

ляции политической нестабильности, обусловленной ростом религиозной нетерпимости, увеличением числа конфликтов, террористических актов, в том числе со стороны исламистских группировок. В наибольшей степени влияние данных факторов сказалось в Сирии и Ираке, на долю которых пришлось более 87% всего миграционного потока в ЕС (64,5% из Сирии, 22,7% из Ирака) [Asylum and first...; “Dublin” statistics; First instance decisions...; Immigration by...].

С целью выявления территориальных изменений миграционных потоков в системе «Арабские страны Азии – ЕС» нами предложено использование адаптированной концепции трехстадийности миграционного процесса, в рамках которой проводится анализ перемещений и особенностей размещения на стадиях: 1) внутри региона (страны) формирования направленных вовне миграционных потоков; 2) в пределах транзитных регионов – между регионами формирования и аккумуляции миграционных потоков; 3) внутри региона аккумуляции миграционных потоков.

Разработанная автором структурная модель миграционной системы, характеризующая ее функционирование в период миграционного кризиса и докризисные периоды позволила выявить ее территориальную трансформацию.

Пространство миграционной системы «Арабские страны Азии – ЕС» в докризисный период характеризовалось устойчивостью. Передвижения мигрантов осуществлялись, как правило, посредством авиационного транспорта из немногочисленных международных аэропортов региона формирования миграционного потока в крупнейшие городские центры региона его аккумуляции, а транзитный регион фактически не участвовал в формировании пространства миграционной системы. Сам процесс перемещения осуществлялся в короткие сроки. На протяжении докризисного периода (1990–2010 гг.) в результате перемещений из АСА в ЕС структура расселения мигрантов претерпевала незначительную территориальную трансформацию относительно сформированно-

го к 1990 г. рисунка расселения мигрантов из АСА на территории ЕС.

В кризисный период кардинально меняется структура миграционной системы, происходит ее трансформация в территориальном и временном отношении. В регионе формирования миграционных потоков (Сирия и Ирак) при резком обострении военно-политической обстановки формируются преимущественно сухопутные миграционные маршруты, которые направлены в сторону транзитного региона. Данные перемещения привели к формированию полосовидных структур концентрации мигрантов, скоплению перемещенных лиц у небольшого количества функционирующих пограничных переходов, проявившихся в виде «бутылочного горлышка».

Изменение направления перемещений приводит к активному вовлечению в миграционную систему «Арабские страны Азии – ЕС» транзитного региона. Автором предложено деление транзитного региона в период кризиса на 2 участка: первичный – в пределах, прежде всего, стран Азии, через которые пролегают основные миграционные маршруты из АСА до первичных на их пути стран ЕС; и вторичный – включающий территории европейских стран (в первую очередь, Балканского полуострова), через которые мигранты из АСА следуют в главные миграционные центры ЕС. В рамках транзитных регионов выделено чередование фактически одноостных потоков, вызванных резким снижением диверсификации миграционных маршрутов в пределах первичного транзитного региона за счет доминирования морского Восточно-Средиземноморского маршрута, и ветвящейся структуры (во вторичном транзитном регионе), которые в конечном счете сливаются в несколько крупных ветвей на входе в регион аккумуляции. Результатом усложнения структуры перемещений становится вовлечение все большего числа стран региона в миграционную систему «АСА – ЕС», которое происходит в результате

появления на их территории центров временного размещения мигрантов различного типа.

В результате миграционного кризиса происходит значительная деконцентрация мигрантов из АСА по странам *вторичного транзитного региона*. Вследствие этого меняется структура их размещения по выделенным типам центров – островным, пограничным, агломерационным, периферийным. Формирование на территории транзитных регионов центров временного размещения в совокупности с тем, что само перемещение осуществляется преимущественно сухопутными маршрутами, приводит к увеличению продолжительности процесса переселения. Относительно длительное пребывание мигрантов на территории изолированных центров временного размещения может приводить к усложнению процесса их интеграции в принимающее общество, что усугубляется культурными различиями мигрантов-мусульман из АСА и населения транзитного региона.

В процесс перемещения мигрантов из вторичного транзитного региона оказываются вовлечены все государства ЕС: формируется разветвленная система направлений по воздуху из Греции и несколько единичных сухопутных маршрутов. Однако наблюдаемая диверсификация потоков происходит одновременно с увеличением, по сравнению с докризисным периодом, территориальной концентрации мигрантов в небольшом числе стран (Германии, Швеции, Нидерландах, Дании, Австрии). Таким образом, дальнейшие перемещения мигрантов в кризисный период приводят к изменениям в расселении мигрантов в регионе аккумуляции потоков.

Непосредственно в странах, аккумулирующих максимальное количество мигрантов из АСА в кризисный период – на примере Швеции, выявлено снижение их территориальной концентрации. Максимальная деконцентрация мигрантов происходит на повышательной фазе миграционного кризиса (2015–2016 гг.), которая характеризуется ростом численности мигрантов относительно

таковой в предыдущем году, в то время как на понижительной фазе, когда в каждый следующий год мигрантов приезжает меньше, чем в предыдущий, наблюдается медленное повышение их концентрации. Особенности их размещения связаны с тем, что во время наиболее активной фазы кризиса в Швеции (2015–2016 гг.) они распределялись организованно государственными службами, а по мере снижения миграционного потока наблюдалось их самостоятельное распределение по территории страны.

Самостоятельное расселение мигрантов из АСА имеет характерные особенности, связанные с их концентрацией в районах на периферии крупных городов. Именно здесь формируются основные сегрегированные районы, на территории которых происходит обострение процессов этнической и конфессиональной (преимущественно мусульманской) эксклюзии мигрантского населения и формирования параллельных сообществ. Высокий уровень сегрегации преимущественно мусульманских мигрантов из АСА в таких районах негативно отражается на их интеграции в принимаемое общество; следствием этого становятся значимые проблемы внутренней безопасности ЕС и транзитных государств – рост уровня преступности, распространение радикальных движений, увеличение частоты террористических актов.

Увеличение миграционной нагрузки и особенности размещения инокультурных мигрантов из Сирии и Ирака в странах ЕС в совокупности с проводимой большинством стран европейского региона политикой мультикультурализма становятся своего рода триггером политической и социальной напряженности. Аномальный рост численности мигрантов приводит к значительным изменениям конфессиональной структуры принимающих стран.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Направленность потоков из АСА в ЕС в период 2010–2019 гг. характеризовалась значительной территориальной дифференциацией. Аномальное увеличение численности иммигрантов

на границах ЕС в период кризиса привело к резкому снижению диверсификации миграционных маршрутов в пределах первичного транзитного региона за счет доминирования морского Восточно-Средиземноморского маршрута.

2. Определяющими факторами территориальной дифференциации миграционных потоков из АСА в ЕС в период кризиса стали политическая нестабильность в регионе формирования потоков, а также наличие крупных мигрантских диаспор, уровень экономического развития и проводимая социальная политика в странах аккумуляции потоков.
3. Трансформация и интенсификация миграционных потоков в кризисный период привели к формированию и развитию специфических территориальных структур: в АСА образовались приграничные полосовидные структуры временного размещения по типу «бутылочного горлышка», а в странах вторичного транзитного региона – центры временного размещения различных типов.
4. Увеличение численности преимущественно инокультурных мигрантов из АСА в странах ЕС приводит к обострению здесь социальной напряженности, самостоятельное распределение инокультурных мигрантов приводит к их дальнейшей геттоизации в районах на периферии крупных городов.
5. Структура миграционной системы «Арабские страны Азии – ЕС» в кризисный период характеризуется расширением ее пространства за счет появления новых частей системы: первичного транзитного региона, вторичного транзитного региона и миграционных взаимодействий между ними.

Мы выражаем надежду, что наше исследование и разработанные нами исследовательские подходы послужат толчком к более детальному анализу пространственных особенностей миграционного процесса. На наш взгляд, особая актуальность дальнейших исследований связана с анализом трансформации миграционных потоков из АСА по территории других государств ЕС с

целью подтверждения результатов, полученных нами на примере Швеции. Безусловно, крайний интерес представляет изучение формирования миграционных потоков на иных территориях, для которых характерна кризисная интенсификация – прежде всего, в странах Африки и Латинской Америки (в том числе особенности венесуэльского миграционного кризиса и др.).

Разработанная структурная модель миграционной системы может позволить более детально понимать и анализировать миграционные процессы, такие как закономерности динамики миграционных потоков и особенности размещения мигрантов в пределах различных территориальных полигонов. Данная структурно-функциональная модель, на наш взгляд, может быть успешно использована для выработки практико-ориентированных рекомендаций для общественных и государственных организаций России, занимающихся вопросами формирования основ политики в области национальных отношений и миграционных процессов.

Проведенный в данном исследовании анализ особенностей расселения мигрантов в Швеции продемонстрировал значительные сложности их адаптации, обусловленные территориальной изоляцией мигрантов от коренного населения, приведшей к формированию сегрегированных районов и нарастанию культурных и социальных противоречий в шведском обществе. Опыт Швеции, со всей очевидностью, демонстрирует опасность территориальной эксклюзии мигрантского (преимущественно мусульманского) населения для стабильного развития страны, принимающей значительное количество инокультурных мигрантов. Таким образом, основные выводы, полученные в данной работе, могут быть использованы государственными органами России – страны полиэтнической и поликонфессиональной, аккумулирующей в своем обществе многочисленных мигрантов, для более продуманного управления миграционными процессами. По нашему мнению, исходя из данного исследования, в России при

расселении мигрантов по территории страны, необходимо не допускать их излишней концентрации в отдельных городских районах, что может привести к их геттоизации и возникновению уязвимых районов, подобных существующим в Швеции. Тем не менее, мы понимаем, что анализ миграционных процессов в РФ требуют более подробного исследования, но надеемся, что наши наработки могут быть в них использованы и в этом смысле данное исследование можно считать заделом большой научной работы. Так же, на наш взгляд, углубления заслуживает изучение вопросов, связанных с влиянием миграционных потоков на политические, социальные и др. структуры территорий формирования миграционных потоков, стран их аккумуляции и транзитных регионов.

Список литературы

Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. №4. С. 3–13.

Абрамова И.О. Мусульманские диаспоры Евросоюза в гендерном, поколенческом и пространственном измерениях: от демографии к социальной антропологии // Ученые записки Института Африки РАН. 2016. № 1(35). С. 25–32.

Абрамова И.О. Африканская трансграничная миграция и проблемы международной безопасности // Ученые записки Института Африки РАН. 2015. № 2(33). С. 127–136.

Абрамова И.О. Африканская миграция в Европу: уроки для России // Россия и новые государства Евразии. 2012. № 3(16). С. 60–69.

Абрамова И.О. Африканская миграция: опыт системного анализа. Монография. М.: Ин-т Африки РАН, 2009. – 354 с.

Абрамова И.О. Денежные переводы мигрантов: роль в социально-экономическом развитии Африки // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 7. С. 82–90.

Абрамова И.О. Североафриканская миграция в Италию: вопросы экономической и социальной адаптации // Ближний Восток и современность. 2008. № 35. С. 5–21.

Абрамова И.О. Африканская миграция: региональный вопрос или глобальная проблема? // Проблемы современной экономики. 2007. № 4(24). С. 86–94.

Абрамова И.О. Роль этнических диаспор и мигрантов в формировании условий для финансирования международного терроризма. // Финансовый мониторинг потоков капитала с целью предупреждения финансирования терроризма / Под ред. Л.Л. Фитуни, Н. Ридли, И.О. Абрамовой, Д. Магнуссона. – Москва, 2005. С. 66–83.

Абрамова И.О., Бессонов С.А. «Арабская весна» и трансграничная миграция // Азия и Африка сегодня. 2012. № 6. С. 10–17.

Абрамова И.О., Бондаренко Д.М., Васильев А.М. Демографический рост и международная трудовая миграция // Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. – М.: Весь Мир, 2011. С. 525–532.

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Влияние структурных и макроэкономических дисбалансов на фундаментальные тренды социально-экономического развития стран Ближнего Востока и Северной Африки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №2. Т.10. С. 13–33.

Абрамова И.О., Штолль К. Арабская миграция в Германию // Азия и Африка сегодня. 2003. № 10(555). С. 15–16.

Австрия ввела пограничный контроль на границе с Венгрией. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/505544> (дата обращения 25.08.2020)

Агафошин М.М. Миграционный фактор трансформации политического ландшафта в странах Евросоюза // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6, № 3. С. 116–125.

Агафошин М.М. Региональные особенности внешних миграций в арабских странах Ближнего Востока // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания / Под ред. А.А. Лобжанидзе. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Первые Максаковские чтения». Т. 1. – М.: МПГУ, 2016. С. 186–192.

Агафошин М.М. Территориальная дифференциация современных миграционных потоков из Сирии и Ирака в ЕС // Пространственная организация общества: теория, методология, практика. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Пермский государственный национальный исследовательский университет. 2018. С. 357–362.

Агафошин М.М. Факторы миграции населения арабских стран Азии в ЕС // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Естественные науки. 2017. № 2. С. 56–64.

Агафошин М.М., Горохов С.А. Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 84–99.

Агафошин М.М., Горохов С.А. Пространственная динамика ислама в странах ЕС // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Естественные науки. 2019. № 1. С. 8–20.

- Агафшин М.М., Горохов С.А. Трансформация конфессионального пространства Западной Азии // География в школе. 2017. № 1. С. 24–29.
- Агафшин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Беженцы из Сирии и Ирака в Швеции: особенности расселения в период миграционного кризиса // Балтийский регион. 2020. Т. 14, № 4. С. 98–112.
- Агирречу А.А., Алексеев А.И., Савоскул М.С. О докторской диссертации В.В. Покшишевского // Региональные исследования. 2017. № 3. С. 117–121.
- Алешковский И.А. Глобализация международной миграции: социальные проблемы и политические последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 2. С. 213–224.
- Алешковский И.А. Регулирование международной миграции на глобальном уровне // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2016. № 2. С. 3–13.
- Алешковский И.А., Ионцев В.А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации. М., 2008, № 2. С. 77–87.
- Африка в глобальных миграционных потоках: история и современность. Коллективная монография / Отв. ред. С.В. Костелянец – М.: Институт Африки РАН, 2022. 598 с.
- Бабыбина Л.О. Страны Центральной Европы в ЕС: особенности регионального участия // Современная Европа. 2015. № 6. С. 32–35.
- Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 3. С. 113–127.
- Балмасов С.С. Опыт решения миграционных проблем в странах Аравийского полуострова. М., 2017. – 466 с.
- Белозеров В.С., Панин А.Н., Тикунов В.С., Черкасов А.А. Полимасштабный геоинформационный мониторинг миграционных процессов: общие подходы // Наука. Инновации. Технологии. – Ставрополь, 2014. С. 135–144.
- Боженко В.В. Демографический фактор расширения Европейского Союза. – М.: Экон-информ, 2011. – 151 с.
- Бочарова З. С., Алешковский И. А. Беженцы: становление и эволюция статуса и развитие системы защиты // Россия XXI, 2017. № 2. С. 6–27.

- Валентей Д.И. Маятниковая миграция сельского населения. М., Финансы и статистика, 1981. – 87 с.
- Васильев Л.С. История религий Востока (Учебное пособие для вузов). М.: «Книжный дом «Университет», 1999. – 432 с.
- Венгрия достроит первую линию забора и закрывает границу с Хорватией. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20150925/1281501623.html> (дата обращения 25.02.2021).
- Витковская Г.С. Вынужденная миграция: проблемы и перспективы // Программа по исследованию миграции. Вып. 3. – М., 1993. – 174 с.
- Витковская Г.С., Кочарян А.В. Вынужденные миграции как социальная проблема // Миграция населения. – М., 1992. С. 101–115.
- Вишневский А.Г. Цивилизация, культура, демография // Общественные науки и современность, 2011, № 2, С. 57–76.
- Войнова В.Д., Ушкалов И.Г. Современные эмиграционные процессы в России // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 39–49.
- Волков А.М. Мигранты в странах северной Европы: шведский подход. Вестник Института экономики Российской академии наук. №4. 2018. С. 104–119.
- Глуценко Г.И., Осьмова М.Н. Статистическая оценка европейского миграционного кризиса // Вопросы статистики. 2016. № 12. С. 59–74.
- Горохов С.А. Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции: дис. ... докт. геогр. наук: 25.00.24. М., 2017. 394 с.
- Горохов С.А. Ислам в современном мире // География в школе. 2009а. №7. С. 12–14.
- Горохов С.А. Ислам в современном мире // География в школе. 2009б. №8, С. 3–11.
- Горохов С.А. Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2014. № 4. С. 56–61.
- Горохов С.А., Агафшин М.М. Подходы к оценке религиозной принадлежности населения в географических исследованиях // Географическая среда и живые системы. 2020. № 2. С. 52–64.
- Горохов С.А., Агафшин М.М., Дмитриев Р.В. Сомалийцы в Швеции: региональное измерение // Современная Европа. 2020. № 7. С. 132–143.

Горохов С.А., Агафошин М.М., Дмитриев Р.В. Уязвимые районы как форма территориальной эксклюзии мигрантских сообществ в Швеции: пример Гётеборга // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8, № 3. С. 92–101.

Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Религиозный фактор обострения геополитической ситуации в Западной Азии // Международная научная конференция геополитические процессы в современном евразийском пространстве: сборник работ. – Географическое общество Республики Сербской. Баня-Лука, 2017. С. 233–240.

Гришин И.В. Иммиграция и общество: проблемы взаимoadaptации в Швеции. Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. / Цапенко И.П., Гришин И.В. ИМЭМО РАН, Москва. 2018. С. 122–151.

Гришин И.В. Интеграция иммигрантов в Швеции (социально-политический аспект) // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 1, С. 40–56.

Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М.: Институт экономики переходного периода. Научные труды № 61, 2003. 314 с.

Денисенко М.Б., Чернина Е.М. Трудовая миграция и заработки мигрантов в России // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 40–57.

Дювель Ф. Пространственная мобильность населения: индикаторы, категории и типологии. //Методология и методы изучения миграционных процессов / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. Центр миграционных исследований. М., 2007. С. 71–95.

Житин Д.В., Краснов А.И., Шендрик А.В. Географические особенности миграционных связей Европы // Балтийский регион. 2016а. Т. 8. № 3. С. 75–92.

Житин Д.В., Краснов А.И., Шендрик А.В. Миграционные связи Европы: пространственно-временные трансформации // Балтийский регион. 2016б. Т.8. № 2. С. 101–124.

Зайончковская Ж.А. Эмиграция в дальнее зарубежье. // Мир России. Том XII, N2, 2003: С. 144–150.

Заславская Т.И. Методологические проблемы изучения миграции сельского населения // Статистика миграции населения. – М.: Статистика, 1973. С. 138–164.

Зеленев Е.И. Эволюция османского провинциального управления в Сирии в XIX – начале XX в. // Восток в Новое время: Экономика, государственный строй: Сб. ст. – М., 1991. С. 146–179.

Зиммель Г. Экскурс о чужаке / пер. А.Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб.: Владимир Даль 2008. С. 7–13.

Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика. – М.: МАКС Пресс, 2008а. – 192 с.

Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации. Часть 1 // Век глобализации: исследование соврем. глоб. процессов. № 1(15). 2015. С. 36–51.

Ивахнюк И.В. Формирование и функционирование Евразийской миграционной системы. Автореф. дисс. ... докт. экон. наук. – М., 2008b. – 46 с.

Ионцев В.А. Интеграция мигрантов – эффективный путь устранения неравенства и ксенофобии в принимающем обществе // Вопросы управления. 2014. № 1(7). С. 127–132.

Карачурина Л.Б. Географический анализ интенсивности миграционных связей России и ее регионов с республиками Ближнего Зарубежья, 1969–1997 гг.: Дисс. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. – М.: 1999.

Каргалова М.В., Егорова Е.Н. Социальное измерение европейской интеграции. – М.: Изд-во «Аксиом», 2010. – 288 с.

Кауфман А.А. Переселения и колонизация. – СПб.: Общественная Польша, 1905. – 444 с.

Ковалев С.А., Лямин Э.А., Пекель А.И. Об изучении миграционных связей городов СССР // География городов / Вопросы географии. Сб. 38. – М.: Географгиз, 1956. С. 196–210.

Конвенция о статусе беженцев 28 июля 1951 года [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения 25.08.2020).

Кривов С.В., Сидорова Е.В. Тенденции миграционных процессов на Арабском Ближнем Востоке: история и современность // Мировая политика. 2015. № 4. С. 53–65.

Крюкова О.В. Современная иммиграция из стран Магриба в западную Европу: региональные особенности. Дисс. ... канд. географ. наук. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб, 2009. – 197 с.

Кулькова О.С. Чрезвычайный целевой фонд ЕС для Африки (и его вклад в содействие развитию североафриканских государств) // Азия и Африка сегодня. 2020. № 6 С. 43–51.

Мазеин Н.В. Иностранная рабочая сила в зоне Персидского залива: страны, которые перестали быть арабскими. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200301102> (дата обращения 20.01.2021).

Малахов В.С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. – М., Фонд «Либеральная Миссия», 2015. – 272 с.

Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. – М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014 – 232 с.

Малахов В.С., Касцян К.А. Евросоюз перед лицом вынужденной миграции: политическое и юридическое измерение // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 139–151.

Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Современные геодемографические проблемы Евросоюза и миграционный кризис 2010-х годов // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 1. С. 96–112.

Медушевский Н.А. Миграция в Саудовскую Аравию: социальный и религиозный вопросы (2011–2017 гг.) // Исламоведение. 2018. Т. 9, № 1. С. 29–41.

Медушевский Н.А., Шишкина А.Р. Миграционные процессы современности: Ситуативное явление или глобальный исторический вызов? – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 168 с.

Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой / М.: Новый хронограф, 2016. – 504 с.

Международная миграция и развитие [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/development/migration/system.shtml> (дата обращения 10.04.2021).

Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М.: «Весь Мир». 400 с.

Мкртчян Н.В. Миграция как компонент динамики населения регионов России: оценка на основе данных переписи населения 2010 года // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 5. С. 28–41.

Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. – М.: ТЕИС, 2004. – 285 с.

Молодикова И.Н., Лялина А.В., Емельянова Л.Л. Взаимодействие с диаспорами и диаспоральными организациями как ключ к успешной политике интеграции мигрантов в ЕС / Балтийский регион. 2018. Т.10. №3. С. 58–79.

Мукомель В.И. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. №5. 2016. С. 69–79.

На границе Австрии и ФРГ введен пограничный контроль. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/768439/2018-07-18/na-granit-sakh-avstirii-i-frg-nachala-rabotu-bavarskaia-politciia> (дата обращения 20.04.2021)

Национален статистически институт [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nsi.bg> (дата обращения 15.08.2020).

Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. №5. 2017. С. 58–67.

Охота на беженцев. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://inosmi.ru/social/20160609/236809232.html> (дата обращения 20.03.2021).

Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. – М.: Наука, 1975. – 231 с.

Пиппонен М., Вирккунен Й. Беженцы и национальная безопасность на северной части финско-российской границы: анализ «арктического маршрута» в 2015–2016 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 4. С. 518–533.

Плевако Н.С., Чернышева О.В. Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны. Изд. 2, доп. М.: КРАСАНД, 2019. 326 с.

Покшишевский В.В. География миграций населения в России. Опыт историко-географического исследования. Дисс. ... докт. геогр. наук. – М., 1947. – 1058 с.

Покшишевский В.В. География населения зарубежных стран: экономикогеографические очерки / В.В. Покшишевский. М.: Просвещение, 1971. – 174 с.

Полян П.М. Еврейская эмиграция из бывшего СССР (историко-географические аспекты) // Вестник исторической географии. Вып.1 / Отв. ред. В.Н. Стрелецкий. М.– Смоленск, 1999. С. 54–74.

Полян П.М. Не по своей воле...История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ-Мемориал, 2001. – 115 с.

Полян П.М., Трейвиш А.И. Центрографический метод исследования территориальных структур // Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый Хронограф, 2014. С. 180–202.

Потемкина О.Ю. Миграционный кризис в ЕС: роль стран Вишеградской группы // Современная Европа. 2015. № 6. С. 36–45.

Потемкина О.Ю. Миграционный кризис и политика Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 38–60.

Пучков П.И., Казьмина О.Е. Религии современного мира. М.: Изд-во УРАО, 1998. – 184 с.

Раковский С.Н. Маятниковые трудовые поездки населения зарубежных социалистических стран Европы // Вопросы географии, №97; Расселение в пригородных зонах. М.: Мысль, 1971. С. 125–139.

Региональная статистика: учебник / Отв. ред. Рябцев В.М., Чудилин Г.И. М.: ООО «Московский издательский дом», 2001. 380 с

Романова Е.В. Миграционный кризис: испытание европейской солидарности // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В.А. Колосова, Н.А. Слуки. Коллективная монография. – М.– Смоленск: Ойкумена, 2016. С. 336–346.

Руководящие принципы по вопросу о перемещении лиц внутри страны. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/internal_displacement_principles.shtml (дата обращения 10.04.2021).

Русаков В.М., Русакова О.Ф. No-Go-Zone и проблемы суверенитета западноевропейских государств // Свободная мысль. 2019. № 5 (1677). С. 115–128.

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). – М.: ИСПИ РАН, 2003. – 238 с.

Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. – М.: Статистика, 1973. – 159 с.

- Рязанцев С.В. Миграционный кризис: понятие и критерии // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1, № 1. 2021. С. 7–16.
- Рязанцев С.В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию Экономико-социологическое исследование. М.: Научный мир, 2011. – 192 с.
- Савоскул М.С. Миграция этнических немцев в Германию и их интеграция в немецкое общество // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2006. № 6. С. 46–51.
- Савоскул М.С. Формирование и эволюция российско-германской транснациональной миграционной системы: Дисс. ... докт. геогр. наук. – М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. 2016. – 483 с.
- Сапронова М.А. Арабо-мусульманский мир: история, география, общество: учеб. пособие. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – 360 с.
- Сарабьев А.В. Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: Институт востоковедения РАН, 2012. – 324 с.
- Саудовская Аравия начала возведение 900-километровой стены на границе с Ираком. ТАСС. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1747854> (дата обращения 15.02.2021).
- Следзевский И.В. Мультикультурализм: хрупкий баланс между интеграцией и дезинтеграцией // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 123-137.
- Слука А.Е. Международные миграции рабочей силы в Западной Европе // Сборник посвящен 80-летию со дня рождения проф. И.А. Витвера / Под ред. В. Вольский, И. Маергойз. – Т. 1 из Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. – ИЛА АН СССР Москва, 1971. С. 245–271.
- Супрунчук И.П., Белозеров В.С., Полян П.М. Пространственно-временной анализ террористической деятельности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 3. С. 32–44.
- Табориская И.М. Маятниковая миграция населения (Теория, методология, практика), М., 1979. – 315 с.
- Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Миграционный кризис в странах Ближнего Востока и Северной Африки: особенности, последствия, перспективы преодоления // Африканские конфликты и кризисы: причины и

пути решения: Коллективная монография. – М.: Институт Африки РАН, 2019. С. 126–128.

Феномен правого и левого популизма в странах ЕС. Аналитический доклад ОЕПИ 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.imemo.ru/files/File/ru/materials/Fenomen_doklad.pdf (дата обращения 15.02.2020).

Фитуни Л.Л. Культурно-идеологические процессы в регионе Ближнего Востока и проблема терроризма сквозь призму предиктивной аналитики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 2. С. 110-127.

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Резервная армия ИГИЛ: ресурс и маневр // Азия и Африка сегодня. 2016. № 12(713). С. 2–8.

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы // Современная Европа. 2017. № 4(76). С. 5–16.

Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном Мир-Обществе. – Полис. Политические исследования. №2. 2010. С. 7–21.

Хомра А.У. Миграция населения. Вопросы теории и методики исследования // отв. ред.: В. С. Стешенко; АН Украинской ССР, Ин-т экономики. – Киев: Наукова думка, 1979. – 146 с.

Хорев Б.С., Лиходед В.Н. Житель села - работник города / М.:Финансы и статистика, 1982. – 95 с.

Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978. – 256 с.

Цапенко И.П. Роль иммиграции в экономике развитых стран // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 5. С. 27–39.

Цапенко И.П. Управление миграцией: опыт развитых стран / Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. – Academia, 2009. – 384 с.

Чехия укрепила границу с Австрией для контроля за беженцами [электронный ресурс]. <https://www.interfax.ru/world/466490> (дата обращения 15.06.2020).

Чикагская социология: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и

пер. Николаев В.Г.; Отв. ред. Ефременко Д.В. М., 2015. 430 с. – (Сер.: Теория и история социологии).

Швейцер В.Я. Европейский парламент: время перемен // Современная Европа. 2019. № 3(89). С. 42–52.

Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. Справочник. М.: Наука, 1976. – 328 с.

Ядринцев Н.М. Программа исследования сельской общины в Сибири: составлена при Западно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества. – Омск: Типография окружного штаба. 1879. 27 с. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-675/> (дата обращения 15.06.2020).

Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. – Санкт-Петербург: Издание И. М. Сибирякова, 1891. 308 с. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-8919/> (дата обращения 15.06.2020).

Aftonbladet. Sverige tar silver i svarta pengar. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.aftonbladet.se/minekonomi/a/5VRXbz/sverigetar-silver-i-svarta-pengar> (дата обращения: 15.02.2020).

Al-Rasheed M. Iraqi Assyrian Christians in London: The Construction of Ethnicity. E. Mellen Press, 1998. – 233 p.

Alkenae M. The boundary dispute between Kuwait and Iraq. Has it subsided? Lebanese American University. 2011. – 127 p. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/144963196.pdf> (дата обращения 15.03.2021).

Arab Migrant Communities in the GCC. CIRS Summary Report no. 12. Qatar: Center for International and Regional Studies, 2015. – 33 p.

Asylum and first time asylum applicants by citizenship, age and sex Annual aggregated data (rounded). Eurostat. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/main/data/database> (дата обращения 15.06.2020).

Asylum applicants by citizenship till 2007 - annual data (rounded). Eurostat. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/main/data/database> (дата обращения 15.06.2020).

Barrett R. Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees. Soufan Group, 2017. – 41 p.

Bauböck R., Ersbøll E., Groenendijk K., Waldrauch H. Acquisition and loss of nationality. Policies and trends in 15 European states vol. 1: Comparative Analyses, vol. 2: Country Analyses Amsterdam University Press, IMISCOE series, 2006. – 52 p.

Benefits offered to asylum seekers in European countries [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-europe-migrants-benefits-factbox/factbox-benefits-offered-to-asylum-seekers-in-european-countries-idUSKCN0RG1MJ20150916> (дата обращения 17.06.2020).

Benmelech E., Klor E. What Explains the Flow of Foreign Fighters to ISIS? The Kellogg School of Management, Northwestern University. – 27 p.

Borjas G. Friends or strangers: the impact of immigrants on the U.S. economy. New York: Basic Books, Inc., 1990. – 274 p.

Borjas G. Heaven's Door: Immigration Policy and the American Economy. Princeton: Princeton University Press, 1999. – 263 p.

British Nationality Act 1948. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/56/enacted> (дата обращения 15.03.2021).

Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project: Demographics v. 2.0. COUNTRIES ONLY [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.thearda.com/Archive/Files/Descriptions/RCSDEM2.asp> (дата обращения: 18.07.2020).

Bulow J., Summers L. A Theory of Dual Labor Markets with Application to Industrial Policy, Discrimination, and Keynesian Unemployment. // Journal of Labor Economics 4, No. 3. 1986. P. 376–414.

Bundesamt für Migration und Flüchtlinge (BAMF). [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bamf.de> (дата обращения 09.07.2020).

Bushkovky H. Neukölln ist überall. Berlin: Ullstein Buchverlag, 2012. – 400 p.

Camarota S.A. Immigrants from the Middle East A Profile of the Foreign-born Population from Pakistan to Morocco. Center for Immigration Studies. 2002 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cis.org/sites/cis.org/files/articles/2002/back902.pdf> (дата обращения 08.07.2018).

Castles S. Twenty-First-Century Migration as a Challenge to Sociology, Journal of Ethnic and Migration Studies. 2007. № 33(3). P. 351–371.

Coleman D. Immigration and Ethnic Change in Low Fertility Countries: A Third Demographic Transition // Population and Development Review. 2006. № 32(3). P. 401–446.

Comparability of migration and residence permits data in the EU statistics. Conference of European Statisticians. United Nations Economic Commission for Europe. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/Annexes/migr_imm_i_esms_an3.pdf (дата обращения 10.04.2021).

Cordesman A. The Comparative Metrics of ISIS and “Failed State Wars” in Syria and Iraq. The Center for Strategic and International Studies (CSIS). [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.csis.org> (дата обращения 12.03.2021).

Council Decision (EU) 2015/1523 of 14 September 2015 establishing provisional measures in the area of international protection for the benefit of Italy and of Greece [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2015/1523/oj> (дата обращения 19.02.2021).

Council Decision (EU) 2015/1601 of 22 September 2015 establishing provisional measures in the area of international protection for the benefit of Italy and Greece [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2015/1601/oj> (дата обращения 19.02.2021).

Council Directive 2003/109/EC of 25 November 2003 concerning the status of third-country nationals who are long-term residents [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32003L0109> (дата обращения 19.06.2020).

Council Regulation (EC) No 2007/2004 of 26 October 2004 establishing a European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders of the Member States of the European Union [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/reg/2004/2007/oj> (дата обращения 10.04.2021).

Czech Statistical Office [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.czso.cz> (дата обращения 29.06.2020).

DEMIG C2C. Version 1.2, Limited Online Edition. International Migration Institute. Oxford. [электронный ресурс]. Режим доступа: www.migrationinstitute.org (дата обращения 10.04.2021).

Displacement Tracking Matrix [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dtm.iom.int/> (дата обращения 10.04.2021).

Doeringer P., Piore M. Unemployment and the dual labor market // The Public Interest. No. 38. 1975. 67 p.

Doraï M.K. Palestinian Emigration from Lebanon to Northern Europe: Refugees, Networks, and Transnational Practices. *Refuge*, 21(2). 2003. P. 23–31. “Dublin” statistics. Eurostat. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/main/data/database> (дата обращения 20.03.2021).

Duncan H.G. *Immigration and Assimilation*. Boston: Heath and Company, 1933.

Estonia Statistical database [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pub.stat.ee> (дата обращения: 25.06.2020).

Europe’s Growing Muslim Population. Washington, D.C.: Pew Research Center, 2017. 59 p.

European election results. European Parliament [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/tools/comparative-tool> (дата обращения 20.04.2021).

EU-TURKEY STATEMENT & ACTION PLAN. European Parliament. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-towards-a-new-policy-on-migration/file-eu-turkey-statement-action-plan> (дата обращения 20.04.2021).

Fairfield H., Wallace T., Watkins D. “How ISIS Expands”. *The New York Times*. New York. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения 20.03.2020).

Fakta för förändring: demografi och boende. Stockholm: Stiftelsen The Global Village, 2019. 84 p.

Fawcett J.T., Arnold F. *Explaining Diversity: Asia and Pacific Immigration Systems Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands* / Ed. by J. T. Fawcett, B. V. Carino. New York: Center for Migration Studies, 1987. 489 p.

Fei J.C.H., Ranis G. A Theory of Economic Development. *The American Economic Review*, Vol. 51. 1961. P. 533–565.

Fersan E. *Syro-Lebanese Migration (1880-Present): Push and Pull Factors*. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mei.edu/publications/syro-lebanese-migration-1880-present-push-and-pull-factors> (дата обращения 20.06.2022).

Fielding T. Migration and social mobility: South East England as an escalator region. *Regional Studies*, 26 (1). 1992. P. 1–15.

Figures at a Glance. UNHCR. The UN Refugee Agency. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unhcr.org/figures-at-a-glance.html> (дата обращения 10.04.2021).

First instance decisions on applications by citizenship, age and sex - annual aggregated data. Eurostat. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/main/data/database> (дата обращения 20.03.2021).

First permits by reason, length of validity and citizenship. Eurostat. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/main/data/database> (дата обращения 20.03.2021).

Flow monitoring DTM Website. Europe. ИОМ. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://migration.iom.int/europe> (дата обращения 20.03.2021).

Folkmängd efter födelseland 1900–2020. Statistiska centralbyrån (SCB) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scb.se> (дата обращения 20.03.2021).

Foreign fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. Soufan Group, 2015. – 25 p. [электронный ресурс]. Режим доступа: www.jstor.org/stable/resrep10784 (дата обращения 15.04.2021).

Geographic Midpoint Calculator [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geomidpoint.com/> (дата обращения: 23.06.2018).

Global Refugee Trends 2003. UNHCR. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unhcr.org/40d015fb4.pdf> (дата обращения: 24.03.2022).

Global Terrorism Database. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. A Center of Excellence of the U.S. Department of Homeland Security. University of Maryland [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.start.umd.edu/gtd> (дата обращения 20.06.2018).

Gulf Labour Markets and Migration (GLMM) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gulfmigration.grc.net/> (дата обращения: 03.04.2021).

Harris J.R., Todaro M.P. Migration, Unemployment and Development: A Two-sector Analysis // American Economic Review. № 60. 1970. P. 126–142.

Heinsohn G. Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Munich: Piper, 2008. – 189 p.

Howard M.M. The Politics of Citizenship in Europe // Cambridge University Press; 1 edition, 2009. – 258 p.

Humanitarian border management in the silk routes region – Afghanistan, Iraq and Pakistan. International Organization for Migration [электронный ресурс]. Режим доступа: https://publications.iom.int/system/files/pdf/hbm_silk_routes_5nov2014.pdf (дата обращения 10.04.2021).

Humanitarian Response. United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (ООН) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.humanitarianresponse.info/> (дата обращения 10.04.2021).

Hungarian Population Census [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ksh.hu/nepszamlalas/tables_regional_01 (дата обращения: 29.04.2020).

Illegal border-crossing on entry between BCPs of the external borders of the Member States of the EU and Schengen Associated Countries, and aggregated by routes. Fran & Jora. Frontex. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://frontex.europa.eu/we-know/migratory-map/> (дата обращения 10.04.2021).

Immigration by age group, sex and country of previous residence. Eurostat. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/main/data/database> (дата обращения 07.04.2021).

International Comparison Program database. GDP per capita, PPP (current international \$). World Bank. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.worldbank.org> (дата обращения: 05.02.2018).

International Migrant Stock: The 2019 Revision. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (дата обращения 10.04.2021).

International Migration 2020. Highlights. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. – New York, 2020. – 60 p. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2020_international_migration_highlights.pdf (дата обращения 07.04.2021).

International Migration Database. OECD International Migration Statistics (database). [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/oecd-international-migration-statistics/international-migration-database_data-00342-en (дата обращения 07.04.2021).

International Migration Flows to and from Selected Countries: The 2015 Revision. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population

Division [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/empirical2/migrationflows.asp> (дата обращения 10.04.2021).

Iraq - IDPs Master Lists Round 5. Displacement Tracking Matrix. ИОМ. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://displacement.iom.int/> (дата обращения 10.04.2021).

Ireland Central Statistics Office [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cso.ie/en/databases> (дата обращения: 20.03.2020).

Izadi M. Atlas of the Islamic World and Vicinity. Gulf/2000 Project at the School of International and Public Affairs of Columbia University in New York City [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gulf2000.columbia.edu> (дата обращения: 20.06.2018).

Kaufmann E. The demography of Islam in Europe // Birbeck College, University of London. 2009 [электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.sneps.net/RD/uploads/1-The%20Demography%20of%20Islam%20in%20Europe.pdf> (дата обращения: 24.07.2018).

Kettani H. The World Muslim Population, History & Prospect. – Singapore: Research Publishing Services, 2014. – 584 p.

Key Indicators of the Labour Market (KILM). International Labour Organization. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ilo.org/ilostat> (дата обращения: 07.01.2020).

Kriminell påverkan i lokalsamhället - En lägesbild för utvecklingen i utsatta områden [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://polisen.se/site-assets/dokument/ovriga_rapporter/kriminell-paverkan-i-lokalsamhallet.pdf (дата обращения: 15.02.2020).

Kuderna M. Christlichen Gruppen im Lebanon: Kampf um Ideologie und Herrschaft in einer unfertigen Nation. // Law and politics in Africa, Asia and Latin America 1984, №17. P. 269–270.

Lee E.S. A Theory of Migration // Demography. 1966. 3 (1). P. 47–57.

Lewis W.A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour. Manchester School of Economic and Social Studies, 22. 1954. P. 139–191.

Lutz L., Goujon A., Samir K.C., Stonawski M., Stilianakis N. Demographic and human capital scenarios for the 21st century // Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2018 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/15226> (дата обращения: 28.06.2018).

Mabogunje A.L. System approach to a Theory of Rural-Urban Migration // Geographical analysis №2. 1970. P. 1–18.

Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. An Evaluation of International Migration Theory: The North American Case. – Population and development review. 1994. 20(4). P. 699–751.

Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Word in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 362 p.

Mikhailova E. Are refugees welcome to the Arctic? Perceptions of Arctic migrants at the Russian-Norwegian borderland // How to Deal with Refugees? / G. Besier, K. Stoklosa (Eds.) – Berlin: LIT Verlag, 2018. P. 183–200.

Molodikova I. Hungary and the System of European Transit Migration. // Transit Migration in Europe. / F.C. Düvell (Eds) – Amsterdam: Amsterdam University Press – IMISCOE Research. 2014. P. 153–185.

Nasr S. The Political Economy of the Lebanese Conflict. // Politics and the Economy in Lebanon (Oxford: The Center for Lebanese Studies. 1989. P. 42–50.

Northern Ireland Statistics and Research Agency [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisra.gov.uk> (дата обращения: 16.06.2020).

OUA Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa, adopted by the Assembly of Heads of State and Government at its Sixth Ordinary Session, Addis-Ababa, 10 September 1969. UNHCR. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unhcr.org/about-us/background/45dc1a682/oua-convention-governing-specific-aspects-refugee-problems-africa-adopted.html> (дата обращения: 18.05.2022).

Office for National Statistics England and Wales [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ons.gov.uk> (дата обращения: 18.05.2020).

Operation: Turkey. 2016 year – End report. Global focus. UNCHR. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://reporting.unhcr.org/sites/default/files/pdfsummaries/GR2016-Turkey-eng.pdf> (дата обращения: 18.05.2020).

Özden Ç., Schiff M. International Migration, Remittances, and the Brain Drain. Trade and Development. Washington, DC: World Bank and Palgrave Macmillan. 2006. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6929> (дата обращения: 18.05.2018).

Palestine refugee. UNRWA [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unrwa.org/palestine-refugee> (дата обращения: 18.06.2018).

Phillip C. International Migration and Religious Participation: The Mediating Impact of Individual and Contextual Effects. - *Sociological Forum*, 24 (4). 2009. P. 779–803.

Piore M.J. *Birds of Passage. Migrant Labour and Industrial Societies.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 229 p.

Population change - Demographic balance and crude rates at national level. Eurostat. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_gind&lang=en (дата обращения: 23.02.2021).

Population structure and ageing. Eurostat. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Population_structure_and_ageing (дата обращения: 23.02.2021).

Portes A., Borocz J. Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on its Determinants and Models of Incorporation. - *International Migration Review*. Vol. 23(3). 1989. P. 606–630.

Profiles of Ageing 2017. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (POP/DB/PD/WPA/2017) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://population.un.org/ProfilesOfAgeing2017/index.html> (дата обращения 20.02.2018).

Protocol relating to the status of refugees. New York, 31 January 1967 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unhcr.org/protection/convention/4dac37d79/reservations-declarations-1967-protocol-relating-status-refugees.html> (дата обращения: 18.08.2017).

Ratha D., Sirkeci I. Remittances and the global financial crisis // *Migration Letters* 7. No. 2. 2010. P. 125–131.

Ravenstein E. The Laws of Migration. – *Journal of the Statistical Society*. 1885. № 46. P. 167–235.

Ravenstein E. The Laws of Migration: Second Paper. – *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. № 52. P. 241–305.

Recommendations on Statistics of International Migration, Revision 1 (1998). United Nations Statistics Division (UNSD) [электронный ресурс]. Режим доступа: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_58rev1e.pdf (дата обращения: 18.05.2018).

Refugee/migrant crisis in Europe situation update, Greece: March 2016. UNHCR. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data2.unhcr.org/fr/documents/details/47253> (дата обращения 10.04.2021).

REGULATION (EC) No 862/2007 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32007R0862&qid=1448964364407&from=EN> (дата обращения 10.04.2021).

REGULATION (EU) No 604/2013 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/reg/2013/604/2013-06-29> (дата обращения 10.04.2021).

Republic of Croatia Central Bureau of Statistics [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dzs.hr/> (дата обращения: 25.05.2020).

République Française, Ministère des affaires étrangères. Rapport à la Société des Nations sur la situation de la Syrie et du Liban. Paris: Imprimerie nationale, 1926–1938.

Residence permits – statistics on first permits issued during the year. Eurostat Statistics explained. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?oldid=410577> (дата обращения 12.04.2021).

Risk analysis. Frontex. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://frontex.europa.eu/publications> (дата обращения 12.04.2021).

Romania Institutul National de Statistica [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.insse.ro> (дата обращения: 25.05.2020).

Sarabiev A.V. Labour migrants from the Middle East Arab countries in Sweden: a paradigm shift, *Balt. Reg.*, Vol. 13, No. 4, 2021. P. 95–110.

Scotland Census. National Records of Scotland [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scotlandscensus.gov.uk> (дата обращения: 20.05.2020).

Sjaastad L.A. The Costs and Returns of Human Migration // *The Journal of Political Economy*. Vol. 70, No. 5, Part 2: Investment in Human Beings. 1962. P. 80–93.

Skeldon R. Migration and Labor Markets in Asia and Europe. *Asian and Pacific Migration Journal* Vol 16, Issue 3. 2007. P. 425–441.

Social protection expenditure. Eurostat. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/social-protection/data/database> (дата обращения: 16.02.2021).

Social security systems in the EU. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://europa.eu/youreurope/citizens/work/unemployment-and-benefits/social-security/index_en.htm (дата обращения: 18.05.2020).

Solibakke K. Muslim migration to Germany: a response to Thilo Sarrazin's deutschland schafft sich ab. // Migration and Religion. Leiden. – The Netherlands: Brill. Rodopi. 2012. P. 219–235.

Stark O. The migration of Labour. – Oxford: Blackwell. 1991. – 406 p.

Statbel (Directorate General Statistics - Statistics Belgium). [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://statbel.fgov.be> (дата обращения 18.03.2021).

Statistics Denmark (DST) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dst.dk> (дата обращения 18.03.2021).

Statistics Finland's PX-Web databases [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pxnet2.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/StatFin/?rxid=a893f269-72fe-4f34-8cec-f18f380b79b0> (дата обращения: 10.08.2020).

Statistics Netherlands (CBS). [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cbs.nl> (дата обращения 18.03.2021).

Statistik Austria. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.statistik.at> (дата обращения 18.03.2021).

Statistisches Bundesamt (Destatis). [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.destatis.de> (дата обращения 18.03.2021).

Statistiska centralbyrån (SCB) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scb.se> (дата обращения 18.03.2021).

Stonawski M, Potančoková M, Skirbekk V. Fertility patterns of native and migrant Muslims in Europe. *Population, Space and Place* 22 (6). 2016. P. 552–567.

Suter B. Labour Migration to the United Arab Emirates – A Field Study on Regular and Irregular Migration in Dubai. Malmö University, Sweden. 2005. – 93 p. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://muer.mau.se> (дата обращения 18.03.2021).

Syria Multi-Sectoral Needs Assessment (MSNA) 2014 - Final report. Humanitarian response. OCHA UN. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.humanitarianresponse.info/operations/stima/assessment/syria-multi-sectoral-needs-assessment-msna-final-report> (дата обращения 18.03.2021).

Syria Regional Refugee Response. UNHCR [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unhcr.org/syria-emergency.html> (дата обращения 18.03.2021).

Syrian Arab Republic: Border crossing points (as of 29 April 2014) [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/30%20April%20Syrian%20border%20crossing%20points.pdf> (дата обращения 18.03.2021).

Syrian Arab Republic: Turkey|Syria Border Crossings Status - 28 Nov 2014. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.humanitarianresponse.info/sites/www.humanitarianresponse.info/files/documents/files/Border%20Crossing%20Status%20Update%2028112014.pdf> (дата обращения 18.03.2021).

Syrian Regional Refugee Response. UNHCR. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria/location/71> (дата обращения 18.03.2021).

Štatistický úrad Slovenskej republiky [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovak.statistics.sk> (дата обращения: 13.07.2020).

Taylor J.E. The New Economics of Labour Migration and the Role of Remittances in the Migration Process // International Migration. № 37. 1999. P. 63–88.

The Changing Global Religious Landscape Washington, D.C.: Pew Research Center, 2017. – 46 p.

The Future of Global Muslim Population. Projections for 2010–2030. Washington, D.C.: Pew Research Center, 2011. – 209 p.

The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050. Washington, D.C.: Pew Research Center, 2015. – 245 p.

The Global Religious Landscape. A Report on the Size and Distribution of the World's Major Religious Groups as of 2010. – Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life, 2012. – 82 p.

The Lebanese Demographic Reality. Lebanese Information Center. 2013 [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lstatic.org/PDF/demographenglish.pdf> (дата обращения 14.07.2022).

The Schengen acquis - Agreement between the Governments of the States of the Benelux Economic Union, the Federal Republic of Germany and the French Republic on the gradual abolition of checks at their common borders. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/>

legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A42000A0922%2801%29 (дата обращения 10.04.2021).

Todaro M. *Internal Migration in Developing Countries*. Geneva: International Labor Office, 1976.

Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/ams/sign> (дата обращения 10.04.2021).

Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2007:306:TOC> (дата обращения 11.04.2021).

Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2017). United Nations, Department of Economic and Social Affairs. 2017. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml> (дата обращения 17.03.2018).

Utrikes födda efter län, kommun och födelseland. 2014–2019. SCB. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scb.se/> (дата обращения 14.03.2021).

Warda W.K., al-Maffraji H, Arif N, Toma Y., Joffrey A.C. *Iraq Border Management and Migration Control Regime*. Iraq Country report. Global Migration: Consequences and Responses. Hammurabi Human Rights Organization, Baghdad. – 34 p. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1343558/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения 17.03.2020).

Westin C. *Sweden: Restrictive Immigration Policy and Multiculturalism* Washington, D.C.: Migration Policy Institute (MPI), 2006. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.migrationpolicy.org/article/sweden-restrictive-immigration-policy-and-multiculturalism> (дата обращения 20.02.2020).

World Development Indicators. The World Bank [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://datacatalog.worldbank.org> (дата обращения: 08.03.2020).

World Migration Report 2020. International Organization for Migration [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020> (дата обращения 07.04.2021).

World Population Prospects: The 2017 Revision, Volume II: Demographic Profiles (ST/ESA/SER.A/400). – United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2017. – 883 p. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_Volume-II-Demographic-Profiles.pdf (дата обращения 22.03.2018).

Yehya H. La protection sanitaire et sociale au Liban (1860–1963). Droit. Université Nice Sophia Antipolis, 2015. – 707 p.

Zelin A. The Islamic State's Territorial Methodology. The Washington Institute for Near East Policy. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.washingtoninstitute.org/media/2238> (дата обращения 22.03.2021).

Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition // Geographical Review. № 61. 1971. P. 219–249.

Приложения

Приложение А. Шкала оценки меры существенности различий структур по значению индекса Рябцева

Интервал значений индекса	Характеристика меры структурных различий
0,000-0,030	Тождественность структур
0,031-0,070	Весьма низкий уровень различий структур
0,071-0,150	Низкий уровень различий
0,151-0,300	Существенный уровень различий
0,301-0,500	Значительный уровень различий
0,501-0,700	Весьма значительный уровень различий
0,701-0,900	Противоположный тип структур
0,901 и выше	Полная противоположность структур

Источник: [Региональная статистика].

Приложение Б. Конфессиональная структура населения АСА в 1950 г., тыс. человек

Страна	Мусульмане	Христиане	Иудаисты	Индустисты	Буддисты	Нерелигиозные
Ирак	5393,7	180,4	39,4	-	-	11
Йемен	4605,5	0,7	1,5	3,5	0,1	0,2
КСА	3115,3	2,4	-	-	-	3,6
Сирия	2886,5	474,1	32,8	-	-	10,0
Иордания	1226,0	107,4	-	-	-	1,4
Палестина	824,5	74,9	-	-	-	-
Ливан	540,4	758,6	7,8	-	-	7,0
Оман	455,7	0,4	-	-	-	0,2
Кувейт	145,3	4,9	-	0,5	-	-
Бахрейн	111,1	3,1	0,3	1,0	-	-
ОАЭ	67,3	2,1	-	-	-	0,1
Каатар	23,8	1,2	-	-	-	-
Всего	19395,1	1610,2	81,7	5,1	0,1	33,5

Составлено автором по: [Brown, James].

Приложение В. Конфессиональная структура населения АСА в 2015 г., тыс. человек

Страны	Мусульмане	Христиане	Иудаисты	Индуисты	Буддисты	Нерелигиозные
Ирак	35991,3	396,7	-	4,7	0,1	244,5
КСА	27983,7	1338	-	700,8	108,8	216,6
Йемен	25385,1	36,9	-	179,6	0,1	26
Сирия	17977,3	951,8	0,1	1,9	-	375,1
Иордания	7059,8	153,8	-	-	-	217,7
ОАЭ	6900,7	1214	-	678,5	205,1	108,7
Оман	4899,7	215,3	-	157,1	42,5	12,8
Палестина	3644	69,1	507,8	0	-	254,2
Ливан	3223	1721,5	-	9,6	112,2	196
Кувейт	2886,9	295,9	-	128,9	-	25,9
Катар	1615,4	232,6	-	55,6	42,2	51,1
Бахрейн	876,6	209	0,1	85	3,6	7
Всего	138443,5	6834,6	508	2001,7	514,6	1735,6

Составлено автором по: [Brown, James].

Приложение Г. Денежные переводы из стран ЕС в АСА в 2017 г., млн \$

Денежные переводы из стран ЕС в АСА	Иордания	Ирак	Йемен	Катар	КСА	Кувейт	Ливан	Оман	Палестина	Сирия	Всего денежных переводов из стран ЕС
Австрия	4	3	0	1	0	0	18	0	0	2	28
Бельгия	0	2	0	0	0	0	33	0	0	1	36
Болгария	1	0	0	0	0	0	6	0	0	0	8
Великобритания	39	34	38	0	35	0	172	9	3	4	335
Венгрия	2	0	1	1	0	0	3	0	0	1	9
Германия	75	59	7	0	1	0	878	0	0	27	1048
Греция	1	3	0	0	0	0	25	0	0	3	33
Дания	7	10	0	3	0	0	127	0	0	2	150
Ирландия	2	1	0	3	2	0	3	0	0	0	10
Испания	11	1	0	0	1	0	28	0	0	2	43
Италия	18	2	1	3	1	0	67	0	0	2	94
Кипр	3	0	0	0	0	0	30	0	0	2	36
Латвия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Литва	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
Люксембург	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Мальта	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
Нидерланды	5	20	1	2	2	0	35	1	0	4	69

Польша	1	0	0	1	0	0	0	4	0	0	0	0	6
Португалия	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1
Румыния	5	1	0	0	0	0	0	14	0	0	0	3	23
Словакия	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1
Словения	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Финляндия	2	4	0	1	0	0	0	6	0	0	0	0	13
Франция	7	3	1	4	2	0	0	459	0	1	8	8	485
Хорватия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Чехия	2	0	1	2	0	0	0	6	0	0	1	1	12
Швеция	19	61	3	4	2	0	0	251	0	1	19	19	361
Эстония	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего в страны АСА	205	204	54	26	48	0	0	2169	11	7	82	82	2805

Составлено автором по: [Bilateral Remittance Matrix].

Приложение Д. Значения модифицированного индекса религиозной мозаичности населения АСА в 1950–2015 гг., долей единицы

Страна/год	1950	1970	1990	2010	2015
Бахрейн	0,094	0,116	0,360	0,545	0,622
Иордания	0,254	0,164	0,206	0,152	0,138
Ирак	0,125	0,097	0,089	0,056	0,045
Йемен	0,028	0,004	0,015	0,021	0,023
Катар	0,179	0,186	0,355	0,505	0,538
КСА	0,005	0,021	0,122	0,175	0,183
Кувейт	0,118	0,186	0,253	0,311	0,336
Ливан	0,598	0,597	0,665	0,625	0,611
ОАЭ	0,084	0,175	0,286	0,495	0,507
Оман	0,004	0,027	0,218	0,255	0,204
Палестина	0,280	0,134	0,408	0,445	0,404
Сирия	0,332	0,244	0,193	0,168	0,164

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James].

Приложение Е. Соотношение показателей естественного и миграционного движения населения стран ЕС в 2017 г., тыс. человек

	Общий прирост населения	Общая убыль населения
Естественный прирост и миграционный прирост	Бельгия (+10,0 и +51,3) Франция (+164,6 и +68,3) Дания (+8,1 и +24,3) Ирландия (+31,8 и +22,1) Кипр (+3,2 и +6,2) Великобритания (+147,9 и +230,0) Люксембург (+1,9 и +9,4) Мальта (+0,7 и +14,7) Нидерланды (+19,2 и +17,4) Австрия (+4,4 и +45,0) Словакия (+4,1 и +3,7) Швеция (+23,5 и +101,7) Чехия (+3,0 и +28,3)	
Естественная убыль и миграционный прирост	Германия (-148,0 и +476,3) Эстония (-1,8 и +5,3) Испания (-31,2 и +163,6) Словения (-0,3 и +1,3) Финляндия (-3,4 и +13,2) Польша (-0,9 и +4,6)	Греция (-36,0 и +6,7), Италия (-190,9 и +85,4) Венгрия (-37,2 и +18,0) Португалия (-23,4 и +4,9)
Естественная убыль и миграционная убыль		Хорватия (-16,9 и -31,8) Болгария (-45,8 и -6,0) Румыния (-71,1 и -49,6) Литва (-11,5 и -27,6) Латвия (-7,9 и -7,8)

Рассчитано и составлено автором по: [Population change ...].

**Приложение Ж. Показатели ВВП и ВВП на душу населения
(по ППС) для стран ЕС в 2017 г.**

Страна	ВВП по ППС, млрд \$	ВВП по ППС на душу населения, тыс. \$	Страна	ВВП по ППС, млрд \$	ВВП по ППС на душу населения, тыс. \$
Люксембург	52,5	87,9	Чехия	325,4	30,7
Ирландия	307,2	64,0	Словения	60,8	29,5
Нидерланды	759,0	44,3	Кипр	25,0	29,1
Австрия	389,5	44,3	Литва	76,6	27,1
Дания	250,0	43,4	Эстония	35,2	26,8
Германия	3533,3	42,7	Португалия	275,1	26,7
Швеция	426,5	42,3	Словакия	145,1	26,7
Бельгия	459,0	40,5	Польша	930,0	24,2
Финляндия	208,6	37,8	Венгрия	232,0	23,7
Великобритания	2410,3	36,5	Греция	250,6	23,3
Франция	2426,7	36,2	Латвия	45,2	23,3
Италия	2014,3	33,3	Румыния	427,0	21,7
Мальта	15,5	33,3	Хорватия	87,9	21,2
Испания	1493,1	32,1	Болгария	121,4	17,1
Всего по ЕС	17782,8	34,7			

Расчитано и составлено автором по: [Purchasing power parities ...].

**Приложение 3. Затраты стран ЕС на социальную защиту в 2015 г.,
евро на человека**

Страна	Пособие по безработице	Пособие по инвалидности	Затраты на здравоохранение	Общие расходы
Австрия	695,0	775,2	3108,6	12400,7
Бельгия	738,0	923,2	2868,0	11015,1
Болгария	37,0	90,2	348,1	1310,9
Великобритания	118,7	623,5	3042,0	9294,2
Венгрия	38,1	138,2	603,3	2316,7
Германия	385,2	952,9	3931,7	11497,2
Греция	154,6	856,2	856,2	4174,4
Дания	690,8	2554,9	3356,7	15706,7
Ирландия	776,5	493,0	3341,4	9123,3
Испания	431,3	1482,6	1482,6	5741,0
Италия	445,3	451,2	1818,8	7851,0
Кипр	242,0	190,9	774,4	4356,7
Латвия	90,7	182,7	513,0	2269,9
Литва	80,7	200,5	674,6	2510,8
Люксембург	1104,1	2204,2	5108,2	21232,2
Мальта	86,3	135,7	1351,4	3925,5
Нидерланды	479,1	1089,3	3996,0	12171,0
Польша	23,4	167,0	507,8	2279,5
Португалия	145,1	318,9	1143,0	4610,0
Румыния	6,3	88,2	377,1	1547,3
Словакия	79,4	241,8	873,0	2874,2
Словения	113,2	221,9	1574,4	4785,8
Финляндия	893,4	1177,1	2777,7	12513,5
Франция	662,4	703,3	3120,7	11082,0
Хорватия	84,5	265,7	839,2	2687,5
Чехия	83,0	207,8	1066,5	3554,6

Приложения

Швеция	468,9	1338,8	3521,8	12816,4
Эстония	76,0	331,0	850,6	3162,7

Составлено автором по: [Social protection expenditure].

Приложение И. Суммарная мощность потока беженцев из некоторых арабских стран Азии в ЕС (15) в 1980–1990 гг., человек

Страна	Ливан	Ирак	Палестинские территории	Сирия
Австрия	893	531	16	461
Бельгия	454	89	17	377
Великобритания	538	2126	0	52
Германия	34113	3939	4947	7081
Греция	582	465	250	409
Дания	3824	2001	8021	193
Ирландия	0	0	0	0
Испания	70	604	134	109
Италия	229	750	48	109
Люксембург	0	0	0	0
Нидерланды	1791	668	0	495
Португалия	5	12	0	0
Финляндия	6	17	10	0
Франция	487	555	30	491
Швеция	7732	7844	1251	2352
Всего по ЕС (15)	50724	19601	14724	12129

Составлено автором по: [Asylum Applications ...].

Приложение К. Значения модифицированного индекса религиозной мозаичности населения стран ЕС в 1950–2015 гг., долей единицы

Страна/год	1950	1970	1990	2010	2015
Австрия	0,006	0,010	0,057	0,174	0,209
Бельгия	0,011	0,038	0,111	0,176	0,190
Болгария	0,363	0,425	0,335	0,210	0,166
Великобритания	0,037	0,072	0,131	0,221	0,261
Венгрия	0,037	0,016	0,010	0,011	0,014
Германия	0,004	0,020	0,095	0,159	0,166
Греция	0,037	0,031	0,030	0,081	0,098
Дания	0,005	0,011	0,056	0,119	0,137
Ирландия	0,004	0,003	0,008	0,040	0,052
Испания	0,002	0,002	0,029	0,076	0,084
Италия	0,002	0,005	0,027	0,077	0,080
Кипр	0,391	0,389	0,405	0,475	0,483
Латвия	0,052	0,093	0,085	0,022	0,017
Литва	0,049	0,027	0,013	0,006	0,007
Люксембург	0,009	0,019	0,046	0,079	0,083
Мальта	0,001	0,002	0,006	0,009	0,009
Нидерланды	0,010	0,024	0,268	0,343	0,416
Польша	0,008	0,001	0,003	0,004	0,005
Португалия	0,000	0,005	0,027	0,036	0,038
Румыния	0,066	0,016	0,010	0,009	0,010
Словакия	0,009	0,004	0,001	0,002	0,002
Словения	0,001	0,010	0,049	0,076	0,078

Приложения

Финляндия	0,003	0,002	0,005	0,030	0,038
Франция	0,030	0,102	0,194	0,264	0,277
Хорватия	0,005	0,018	0,037	0,046	0,050
Чехия	0,002	0,004	0,007	0,043	0,123
Швеция	0,027	0,034	0,121	0,185	0,246
Эстония	0,024	0,041	0,069	0,054	0,064

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James].

Приложение Л. Общая численность мигрантов из АСА (отдельно)

Страна/год	1990			2000			2010
	Ирак	Си- рия	Всего из АСА	Ирак	Си- рия	Всего из АСА	Ирак
Австрия	2,3	1,4	5,8	3,1	1,8	7,3	4,7
Бельгия	0,1	1,7	7,1	0,0	1,6	4,9	5,1
Болгария	0,2	0,5	1,0	0,4	0,7	1,7	0,6
Великобритания	15,2	2,8	37,6	31,2	4,0	87,0	68,0
Венгрия	0,7	0,5	2,7	0,6	0,8	2,7	0,8
Германия	6,8	15,3	93,4	60,9	26,0	152,8	81,3
Греция	6,6	6,5	22,5	6,9	6,0	17,0	3,9
Дания	2,3	0,5	10,6	12,5	1,3	27,5	21,3
Ирландия	0,1	0,0	0,4	0,5	0,1	2,2	1,1
Испания	0,6	1,9	5,0	1,1	3,1	9,4	1,7
Италия	0,2	0,5	15,0	1,5	3,4	12,9	4,0
Кипр	0,1	0,8	2,0	0,1	1,5	3,6	0,3
Латвия	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1	0,0
Литва	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1	0,0
Люксембург	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Мальта	0,0	0,1	0,2	0,0	0,2	0,3	0,1
Нидерланды	1,2	2,0	6,4	29,8	4,1	39,8	40,9
Польша	0,3	0,3	1,1	0,2	0,2	0,7	0,2
Португалия	0,0	0,0	0,0	0,2	0,0	0,5	0,0
Румыния	0,3	0,3	0,7	1,0	1,2	2,4	1,2
Словакия	0,0	0,0	0,1	0,0	0,1	0,5	0,0
Словения	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,2	0,1
Финляндия	0,2	0,0	0,5	3,2	0,2	4,2	7,2
Франция	4,6	13,6	62,0	4,9	14,5	66,0	5,7
Хорватия	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1
Чехия	0,1	0,1	0,3	0,1	0,2	0,7	0,4
Швеция	38,8	11,1	69,1	49,4	14,2	87,9	121,8
Эстония	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Расчитано и составлено автором по: [Национален статистически институт; Bundesamt für ...; Czech Statistical Office; Estonia Statistical ...; Hungarian ...; International Migrant Stock; Ireland Central Statistics Office; Northern Ireland Statistics; Office for National ...; Population

- из Ирака и Сирии) в странах ЕС в 1990-2019 гг., тыс. человек

2010		2015			2019		
Сирия	Всего из АСА	Ирак	Сирия	Всего из АСА	Ирак	Сирия	Всего из АСА
2,8	10,9	6,0	12,3	22,6	15,3	48,5	69,5
4,4	16,6	11,1	10,9	31,5	21,0	33,1	68,9
1,2	2,8	0,9	8,3	10,7	1,3	14,2	17,8
7,0	174,0	71,0	22,0	205,0	67,0	48,0	240,0
1,2	3,9	0,9	1,6	4,8	1,4	2,6	7,5
30,1	162,0	136,4	366,6	571,7	255,1	789,4	1124,6
7,5	17,4	4,7	9,5	20,0	9,9	23,3	39,4
2,0	37,9	21,2	11,6	48,0	21,9	35,9	73,8
0,2	3,8	0,5	0,5	2,4	0,8	0,6	4,9
4,9	13,4	2,0	6,8	16,9	2,6	10,4	22,6
5,8	23,1	3,9	6,1	27,9	6,3	8,2	28,9
3,6	8,7	1,3	7,6	15,5	1,3	7,5	15,5
0,0	0,1	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,2
0,0	0,1	0,0	0,0	0,1	0,1	0,4	0,6
0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,0	1,9	3,5
0,2	0,5	0,1	1,5	2,0	0,2	2,4	3,1
6,9	54,7	40,6	17,9	66,8	44,8	86,7	145,2
0,2	0,8	0,4	0,7	2,1	1,0	1,0	3,7
0,0	0,2	0,1	0,1	0,6	0,4	0,8	2,3
1,9	3,5	1,4	2,6	4,5	1,4	2,7	6,3
0,1	0,2	0,1	0,2	0,8	0,2	0,3	1,1
0,0	0,2	0,1	0,1	0,3	0,1	0,2	0,5
0,4	8,8	10,7	2,0	14,4	19,0	6,8	28,3
15,7	72,7	6,1	16,8	77,7	6,7	18,5	85,2
0,2	0,4	0,1	0,2	0,4	0,1	0,2	0,4
0,5	1,9	0,5	0,9	2,6	0,6	1,3	3,4
20,8	177,6	131,9	98,2	275,6	146,0	191,5	396,7
0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,2	0,4

on...; Republic of Croatia ...; Romania Institutul ...; Scotland Census; Statbel, Statistik Austria; Statistics Denmark; Statistics Finland's; Statistics Netherlands; Statistisches Bundesamt; Statistiska centralbyrån; Štatistický úrad Slovenskej ...; Trends in International].

**Приложение М. Конфессиональная структура населения ЕС
в 1950-2015 гг., %**

Религия	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2015
Христиане	92,49	89,54	85,32	81,64	79,05	76,23	71,63	68,63
Мусульмане	0,47	0,60	1,02	1,87	2,31	3,16	3,63	4,51
Буддисты	0,00	0,01	0,02	0,06	0,10	0,15	0,25	0,31
Индуисты	0,03	0,05	0,06	0,10	0,13	0,19	0,24	0,28
Иудаисты	0,38	0,32	0,30	0,27	0,23	0,22	0,21	0,21
Другие	1,48	1,71	2,98	3,92	3,89	3,37	4,43	5,01
Нерелигиозные	5,15	7,78	10,30	12,14	14,29	16,68	19,63	21,06

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James; Europe's Growing ...].

**Приложение Н. Доля мусульман в конфессиональной структуре
населения стран ЕС в 1950–2015 гг., %**

Страна/ год	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2015
Австрия	0,00	0,00	0,19	0,94	1,93	4,00	6,18	7,23
Бельгия	0,08	0,13	1,09	2,36	3,63	4,91	5,53	7,49
Болгария	13,67	14,89	16,78	18,68	13,28	12,29	8,27	9,6
Велико- британия	0,44	0,79	1,25	2,28	2,79	2,95	4,60	6,40
Венгрия	0,04	0,03	0,02	0,02	0,03	0,03	0,05	0,35
Германия	0,10	0,33	0,57	2,43	3,04	4,56	4,86	5,86
Греция	1,51	1,31	1,25	1,21	1,16	1,79	2,98	4,98
Дания	0,05	0,15	0,24	1,03	1,82	3,07	4,05	5,36
Ирландия	0,00	0,02	0,04	0,07	0,11	0,42	1,01	1,52
Испания	0,02	0,03	0,04	0,45	0,86	1,89	2,33	2,56
Италия	0,01	0,05	0,08	0,49	0,90	2,30	2,54	4,10
Латвия	0,33	0,39	0,45	0,54	0,68	0,29	0,25	0,23

Приложения

Литва	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,09	0,09
Люксембург	0,03	0,09	0,15	0,58	1,01	1,81	1,90	3,52
Мальта	0,00	0,00	0,01	0,06	0,15	0,24	0,25	0,25
Нидерланды	0,10	0,15	0,46	1,70	2,87	3,98	5,09	7,20
Польша	0,00	0,00	0,00	0,03	0,05	0,08	0,10	0,09
Португалия	0,00	0,01	0,01	0,15	0,29	0,42	0,44	0,38
Республика Кипр	17,72	18,30	18,86	19,37	20,80	22,24	24,07	24,33
Румыния	0,18	0,20	0,21	0,22	0,24	0,30	0,32	0,37
Словакия	0,00	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
Словения	0,03	0,06	0,30	0,85	1,45	2,25	2,42	3,63
Финляндия	0,02	0,02	0,02	0,04	0,07	0,34	0,77	2,22
Франция	0,48	0,59	2,67	4,18	5,69	7,09	7,43	8,51
Хорватия	0,14	0,53	0,55	0,72	1,11	1,27	1,45	1,56
Чехия	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,03	0,06	0,14
Швеция	0,01	0,02	0,03	1,05	2,06	3,08	3,84	7,86
Эстония	0,18	0,27	0,28	0,38	0,47	0,12	0,14	0,14
Всего	0,47	0,6	1,02	1,87	2,31	3,16	3,63	4,51

Составлено автором по: [Национален статистически институт; Brown, James; Czech Statistical Office; Estonia Statistical ...; Europe's Growing ...; Hungarian ...; Ireland Central Statistics Office; Northern Ireland Statistics; Office for National Statistics England and Wales; Republic of Croatia ...; Romania Institutul ...; Scotland Census; Statistik Austria; Statistics Finland's; Štatistický úrad Slovenskej ...].

Приложение О. Уровень фертильности мусульманского и немусульманского населения по странам ЕС, детей на 1 женщину

Страна	2010-2015 гг.			2025-2030 гг. (прогноз)		
	Мусульмане	Немусульмане	Разница	Мусульмане	Немусульмане	Разница
Австрия	2,2	1,4	0,8	2,1	1,4	0,7
Бельгия	2,6	1,7	0,9	2,2	1,7	0,5
Болгария	1,6	1,4	0,2	1,7	1,4	0,3
Великобритания	2,9	1,8	1,1	2,5	1,8	0,7
Германия	1,9	1,4	0,5	1,7	1,4	0,3
Греция	2,0	1,6	0,4	1,9	1,7	0,2
Дания	2,5	1,7	0,8	2,4	1,8	0,6
Ирландия	2,7	1,9	0,7	2,6	1,9	0,7
Испания	1,5	1,4	0,1	1,5	1,4	0,1
Италия	1,8	1,4	0,4	1,8	1,4	0,4
Нидерланды	2,5	1,7	0,8	2,3	1,7	0,6
Румыния	1,6	1,4	0,2	1,4	1,4	0,2
Финляндия	3,1	1,7	1,4	2,8	1,8	1,0
Франция	2,9	1,9	1,0	2,4	1,9	0,5
Швеция	2,5	1,8	1,0	2,3	1,8	0,5

Составлено автором по: [Lutz, Goujon, Samir, Stonawski, Stilianakis; Kaufmann; Stonawski, Potančoková, Skirbekk; The Future of Global Muslim ...].

Приложение П. Количество прошений о предоставлении убежища гражданами Сирии и Ирака в странах ЕС 2010–2019 гг., тыс.

Страна	Число заявок граждан Ирака	Число заявок граждан Сирии	Всего
Германия	216,9	636,1	853,0
Швеция	37,2	126,6	163,7
Греция	30,1	72,9	103,0
Венгрия	14,6	78,3	92,9
Австрия	22,2	58,5	80,6
Нидерланды	15,8	43,5	59,4
Бельгия	22,7	27,4	50,1
Франция	13,4	24,8	38,3
Болгария	16,3	21,9	38,2
Великобритания	20,5	13,8	34,3
Финляндия	29,7	3,0	32,7
Всего в ЕС	463,2	1184,3	1647,5

Рассчитано и составлено автором по данным: [Asylum and first ...].

**Приложение Р. Абсолютное и относительное число заявок
о предоставлении убежища в странах ЕС, поданных гражданами
Ирака и Сирии в 2015–2017 гг.**

Страна	От граждан Ирака, тыс.	От граждан Сирии, тыс.	От граждан Ирака и Сирии, тыс.	От граждан Ирака и Сирии, шт. на 100 тыс. населения
Венгрия	13,3	69,5	82,8	847,2
Швеция	23,7	60,9	84,6	835,6
Германия	147,8	473,9	621,7	750,9
Австрия	17,3	40,6	57,9	656,4
Греция	13,2	46,3	59,5	553,7
Кипр	0,2	3,8	4,0	467,5
Финляндия	22,5	2,2	24,7	447,9
Люксембург	0,9	1,4	2,2	371,3
Болгария	13,1	9,5	22,6	320,2
Мальта	0,1	1,1	1,2	256,5
Бельгия	10,6	15,2	25,7	225,7
Дания	2,0	10,6	12,6	218,6
Нидерланды	4,8	24,5	29,3	170,4
Франция	8,0	14,1	22,1	33,0
Румыния	3,3	2,3	5,6	28,7
Испания	0,4	12,8	13,2	28,2
Словения	0,2	0,4	0,6	26,9
Ирландия	0,2	0,9	1,1	22,6
Великобритания	9,6	5,2	14,9	22,5
Хорватия	0,4	0,5	0,9	21,3
Латвия	0,1	0,3	0,4	20,2
Литва	0,1	0,3	0,4	14,4
Эстония	0,0	0,1	0,2	13,6

Приложения

Италия	3,7	3,1	6,7	11,1
Чехия	0,2	0,3	0,5	4,6
Словакия	0,2	0,0	0,2	3,9
Польша	0,1	0,4	0,5	1,3
Португалия	0,1	0,0	0,1	1,1

Рассчитано и составлено автором по: [Asylum and first ...; Flow monitoring DTM; Population change ...].

**Приложение С. Структура населения Швеции, родившегося
за границей, по регионам и странам происхождения в 1950–1980 гг.,
тыс. человек**

Регионы и страны происхождения иммигрантов	Годы			
	1950	1960	1970	1980
Страны Скандинавии¹⁰	99,1	174,0	320,9	341,2
- Финляндия	44,8	101,3	234,5	251,3
Страны ЕС-28¹¹, кроме скандинавских	76,2	76,0	139,2	151,3
- Польша	7,8	6,3	10,8	20,0
- Германия	21,6	37,6	41,8	39,0
- Великобритания	2,1	2,7	5,4	8,2
- Греция	0,0	0,3	11,8	15,1
- Венгрия	2,0	8,5	10,6	12,9
Другие страны Европы	9,3	35,1	48,2	61,2
- Югославия	0,2	1,5	33,8	38,0
- СССР	8,1	31,9	7,2	6,8
- Турция	0,1	0,2	3,8	14,4
Страны Азии	0,9	1,5	5,9	30,3
Страны Северной Америки	11,3	11,7	15,6	14,5
Страны Южной Америки	0,4	0,7	2,3	17,2
- Чили	0,0	0,0	0,2	8,3
Страны Африки	0,3	0,6	4,1	10,0
ВСЕГО	197,8	299,9	537,6	626,9

Составлено автором по: [Folkmängd efter födelseland ...].

¹⁰ Под Скандинавией понимаются Норвегия, Швеция, Дания, Исландия и Финляндия.

¹¹ Границы ЕС берутся по состоянию на 1 января 2020 г.

Приложение Т. Структура населения Швеции, родившегося за границей, по регионам и странам происхождения в 1990–2020 гг., тыс. человек

Регионы и страны происхождения иммигрантов	Годы			
	1990	2000	2010	2020
Страны Скандинавии	319,1	279,6	263,2	226,3
- Финляндия	217,6	195,4	169,5	140,3
Страны ЕС-28, кроме скандинавских	175,7	193,1	274,2	350,6
- Польша	35,6	40,1	70,2	93,8
- Германия	37,8	38,1	48,2	51,4
- Румыния	8,8	11,8	19,7	32,7
Другие страны Европы	71,2	169,3	216,0	303,1
- Югославия	43,3	72,0	70,8	63,4
- Босния и Герцеговина	...	51,5	62,1	60,2
- Турция	25,2	31,9	42,5	52,6
Страны Азии	124,4	220,7	410,1	798,3
- Сирия	5,9	14,2	20,8	193,6
- Ирак	9,8	49,4	121,8	146,4
- Иран	40,1	51,1	62,1	81,3
- Афганистан	0,5	4,3	14,4	60,9
- Таиланд	5,0	10,4	31,4	44,3
- Индия	9,1	11,1	17,9	42,8
Страны Северной Америки	19,1	24,3	31,3	42,8
Страны Южной Америки	44,2	50,9	63,7	75,3
Страны Африки	27,3	55,1	114,9	237,0
- Сомали	1,4	13,1	37,9	70,2
- Эритрея	...	3,1	10,3	47,2
ВСЕГО	790,4	1003,8	1384,9	2046,7

Составлено автором по: [Folkmängd efter födelseland ...].

Приложение У. Размещение граждан Сирии, Ирака и Швеции по территории лёнов Швеции, 2014 г.

Лён	Численность граждан Сирии	Доля граждан Сирии, проживающих в лёне, в их общей численности в стране, %	Численность граждан Ирака	Доля граждан Ирака, проживающих в лёне, в их общей численности в стране, %	Численность граждан Швеции	Доля граждан Швеции, проживающих в лёне, в их общей численности в стране, %
Стокгольм	16647	24,6	40757	31,3	1692506	20,8
Вестра-Гёталанд	10240	15,1	20700	15,9	1366060	16,8
Сконе	7457	11,0	22119	17,0	1039727	12,8
Эстергёланд	5275	7,8	6846	5,3	381660	4,7
Упсала	1651	2,4	3705	2,8	297431	3,7
Йёнчёпинг	3201	4,7	4403	3,4	294353	3,6
Халланд	1886	2,8	1346	1,0	274804	3,4
Даларна	1484	2,2	1481	1,1	249989	3,1
Евлеборг	2531	3,7	2675	2,1	248697	3,1
Эребру	2571	3,8	3855	3,0	247763	3,0
Вермланд	1493	2,2	2040	1,6	244079	3,0
Вестерботтен	301	0,4	1154	0,9	239318	2,9

Сёдерманланд	2961	4,4	7214	5,5	232863	2,9
Норрботтен	368	0,5	634	0,5	224845	2,8
Вестерноррланд	1043	1,5	1120	0,9	221046	2,7
Вестманланд	2723	4,0	5298	4,1	214177	2,6
Кальмар	2130	3,1	1116	0,9	210277	2,6
Крунуберг	1498	2,2	2157	1,7	158019	1,9
Блекинге	1543	2,3	1171	0,9	135437	1,7
Емтланд	619	0,9	252	0,2	116535	1,4
Готланд	49	0,1	135	0,1	54218	0,7

Рассчитано и составлено автором по: [Utrikes födda ...].

Приложение Ф. Размещение граждан Сирии, Ирака и Швеции по территории лёнов Швеции, 2019 г.

Лён	Численность граждан Сирии	Доля граждан Сирии, проживающих в лёне, в их общей численности в стране, %	Численность граждан Ирака	Доля граждан Ирака, проживающих в лёне, в их общей численности в стране, %	Численность граждан Швеции	Доля граждан Швеции, проживающих в лёне, в их общей численности в стране, %
Стокгольм	30594	16,0	44767	30,7	1760523	21,2
Вестра-Гёталанд	29930	15,6	23219	15,9	1390188	16,7
Сконе	29128	15,2	24810	17,0	1066742	12,8
Эстергётланд	12251	6,4	7480	5,1	388129	4,7
Уппсала	6078	3,2	4408	3,0	312158	3,8
Йёнчёпинг	10132	5,3	5119	3,5	297102	3,6
Халланд	7524	3,9	1768	1,2	285809	3,4
Даларна	7128	3,7	4536	3,1	253211	3,0
Евлеборг	4947	2,6	1712	1,2	250140	3,0
Эребру	6124	3,2	2793	1,9	247879	3,0
Вермланд	5032	2,6	2401	1,6	243915	2,9
Вестерботтен	1450	0,8	1476	1,0	242151	2,9

Сёдерманланд	8353	4,4	7795	5,3	236950	2,9
Норрботтен	1292	0,7	761	0,5	220604	2,7
Вестерноррланд	2937	1,5	1275	0,9	217556	2,6
Вестманланд	7676	4,0	6024	4,1	217515	2,6
Кальмар	8055	4,2	1427	1,0	209833	2,5
Крунуберг	5491	2,9	2583	1,8	160191	1,9
Блекинге	5546	2,9	1239	0,8	134975	1,6
Емтланд	1303	0,7	302	0,2	117303	1,4
Готланд	559	0,3	153	0,1	54982	0,7

Рассчитано и составлено автором по: [Utrikes födda ...].

Приложение X. Распределение сирийцев и иракцев по децилям коммун Швеции в 2014–2019 гг.

Дециль коммун по плотности	Доля мигрантов из Сирии, % по году					Доля мигрантов из Ирака, % по году						
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	6,39	5,12	4,37	4,70	4,42	4,27	12,44	12,32	12,02	11,71	11,48	11,26
2	10,12	9,33	8,85	9,66	10,16	10,52	19,91	19,81	19,77	19,50	19,33	19,19
3	14,25	13,01	11,70	12,36	12,65	13,21	15,29	15,38	15,38	15,35	15,42	15,49
4	18,14	15,56	13,34	11,67	11,85	12,15	19,96	19,96	19,84	16,93	16,85	16,76
5	6,56	6,06	5,86	7,88	8,00	7,53	8,52	8,55	8,65	11,35	11,51	11,22
6	9,53	8,73	8,59	8,76	8,69	9,38	7,71	7,09	7,06	7,10	7,12	7,43
7	6,39	8,03	8,32	8,32	8,37	8,11	5,14	6,09	5,86	5,75	5,83	5,93
8	9,25	10,88	11,76	11,50	11,48	11,14	5,49	4,96	5,24	5,62	5,64	5,57
9	9,43	11,10	12,96	12,35	11,80	11,34	3,23	3,41	3,64	3,95	4,06	4,28
10	9,95	12,17	14,24	12,81	12,56	12,37	2,31	2,44	2,54	2,74	2,75	2,87

Рассчитано и составлено автором по: [Utrikes födda ...].

Иллюстрации

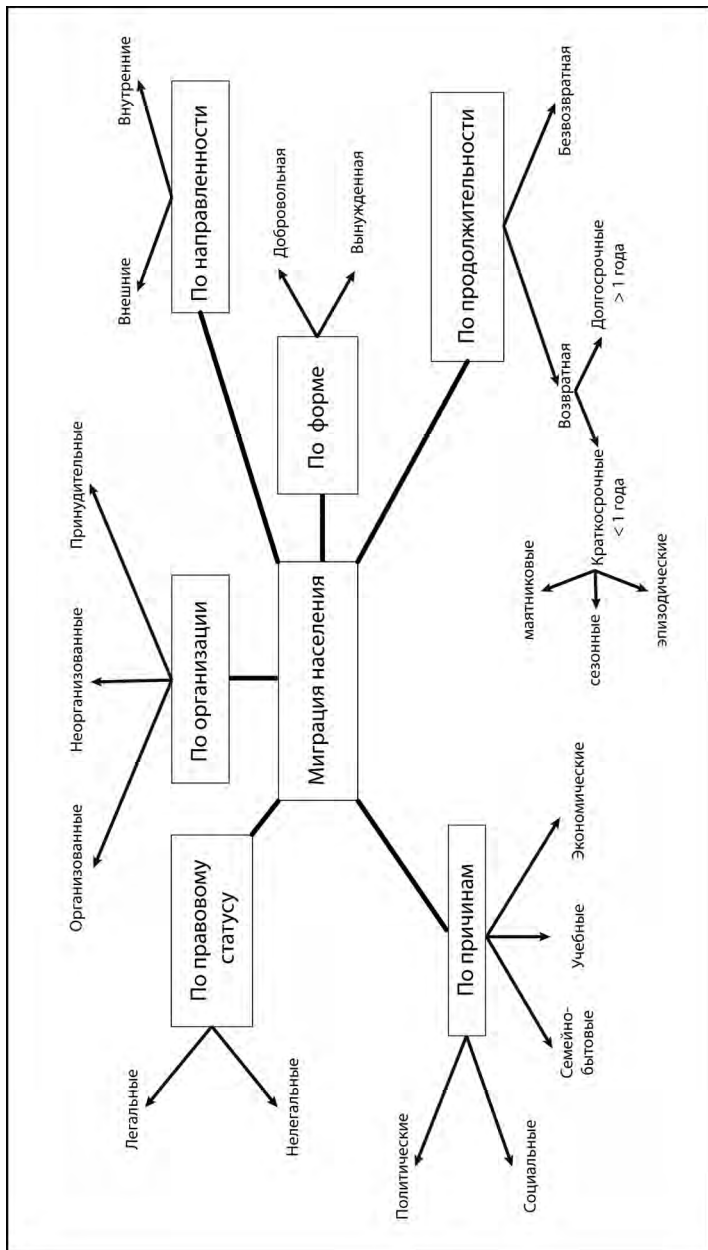

Рисунок 1. Виды миграций населения
Составлено автором по: [Дювель; Моисеенко].

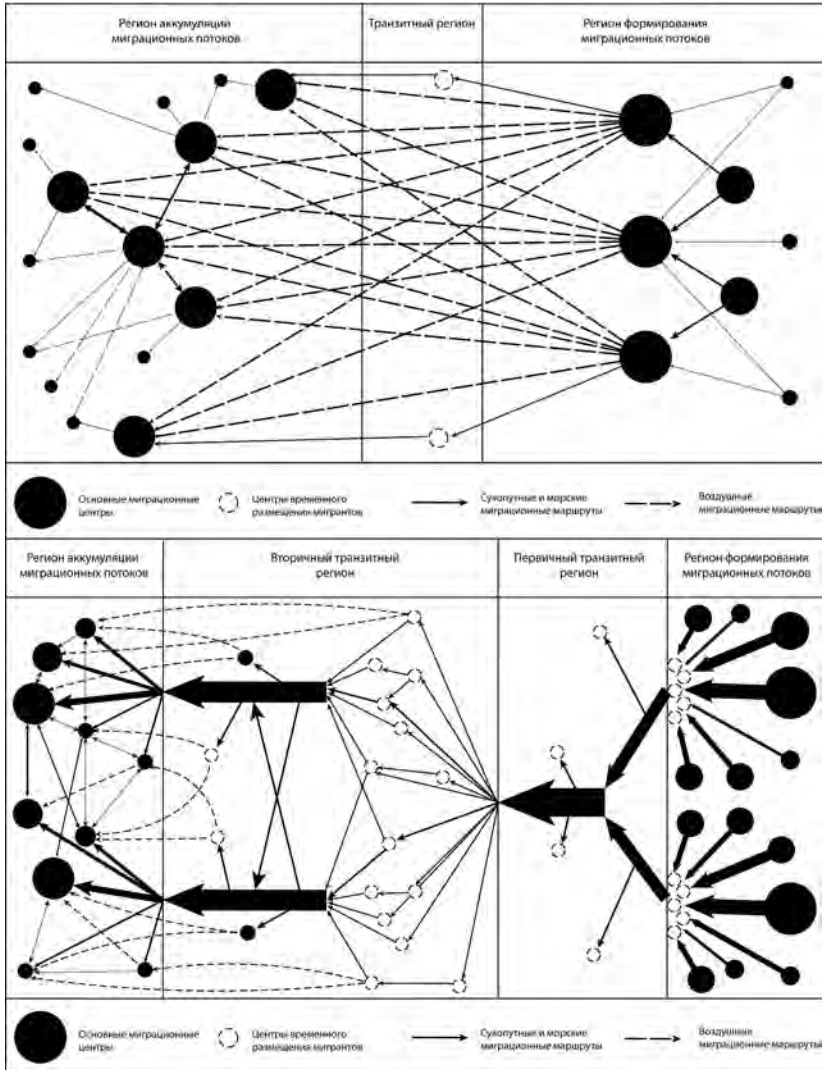

Рисунок 3. Структура миграционной системы в докризисный (сверху) и кризисный периоды
Составлено автором.

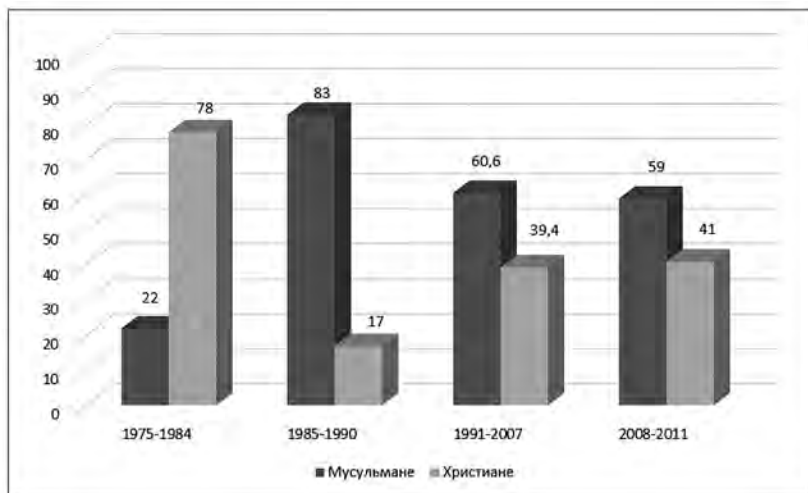

Рисунок 5. Религиозная структура эмиграции из Ливана в 1975–2011 гг., %
Составлено автором по: [The Lebanese Demographic].

Рисунок 6 – Доля мигрантов в структуре населения стран ССАГПЗ и их доля в объеме трудовых ресурсов стран, 2015 г.
Составлено автором по: [Gulf Labour ...; World Population Prospects]

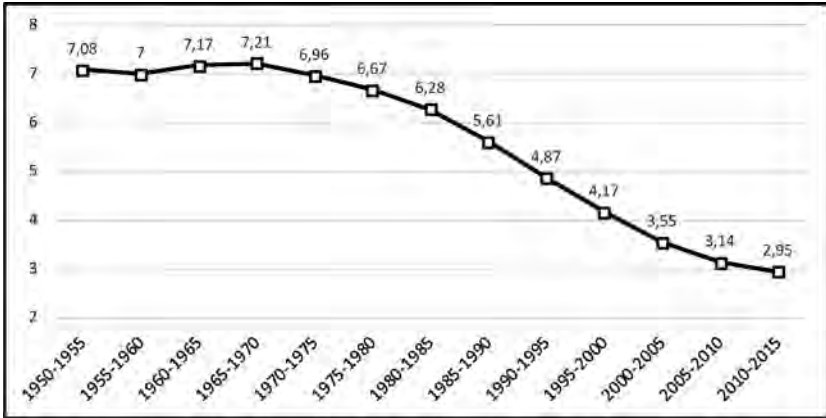

Рисунок 7. Суммарный коэффициент рождаемости в арабских странах Азии в 1950–2015 гг., детей на 1 женщину
 Рассчитано и составлено автором по: [World Population Prospects].

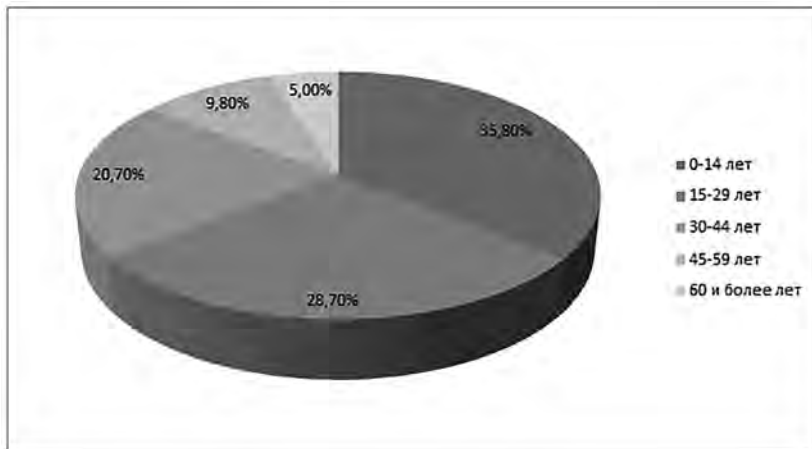

Рисунок 8. Возрастная структура населения арабских стран Азии в 2015 г.
 Рассчитано и составлено автором по: [World Population Prospects].

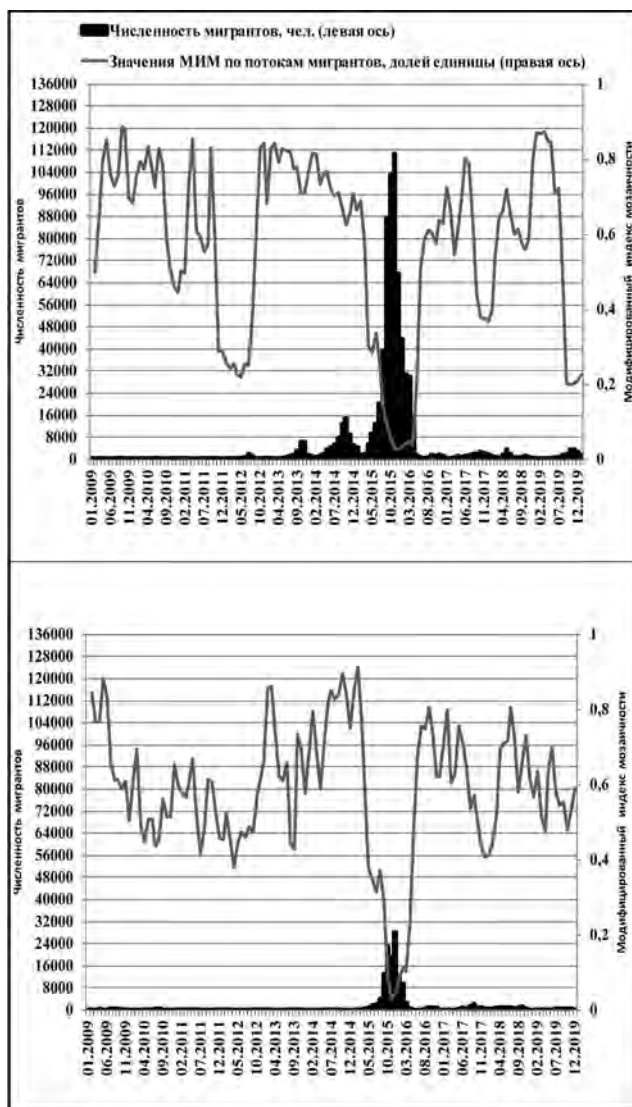

Рисунок 13. Численность сирийских (вверху) и иракских мигрантов и МИМ по потокам их передвижения в ЕС на территории первичного транзитного региона, 2009–2019 гг. Рассчитано и составлено автором по: [Illegal border-crossing ...; Risk analysis].

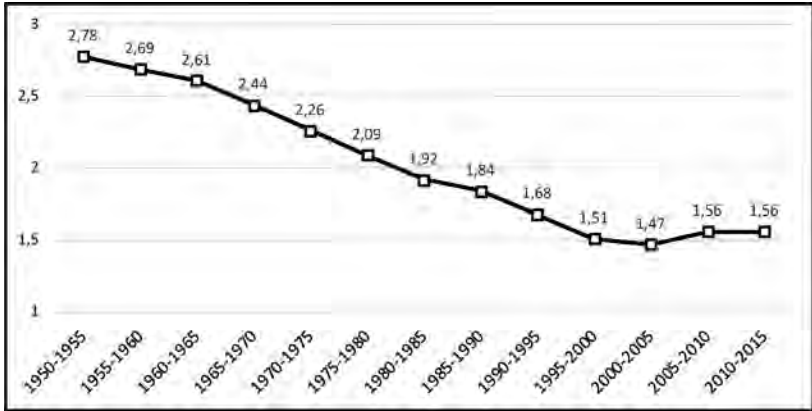

Рисунок 14. Суммарный коэффициент рождаемости в странах ЕС в 1950–2015 гг., детей на 1 женщину
 Рассчитано и составлено по: [World Population Prospects, 2017b].

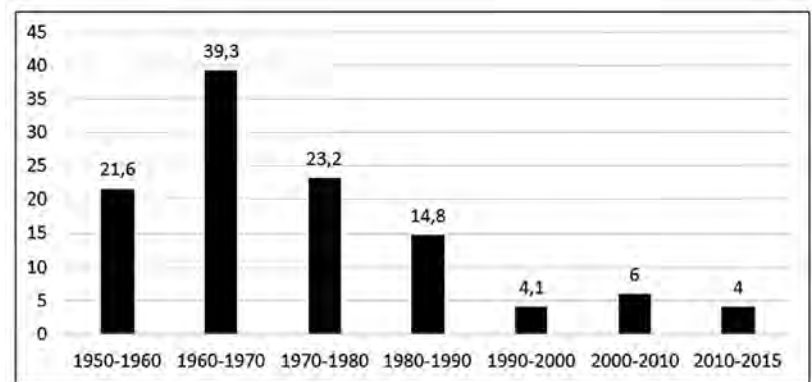

Рисунок 16. Скорость движения гравитационного (демографического) центра ислама в странах ЕС, 1950-2015 гг., км/год
 Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James].

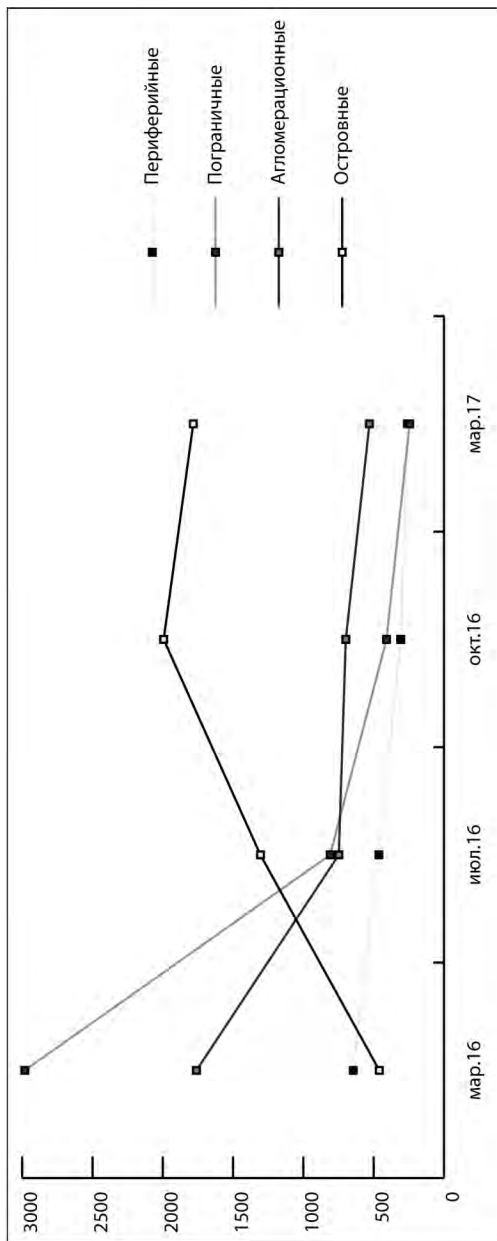

Рисунок 18. Средняя численность населения центров временного размещения по их типам, человек
Составлено автором по данным: [Flow monitoring DTM].

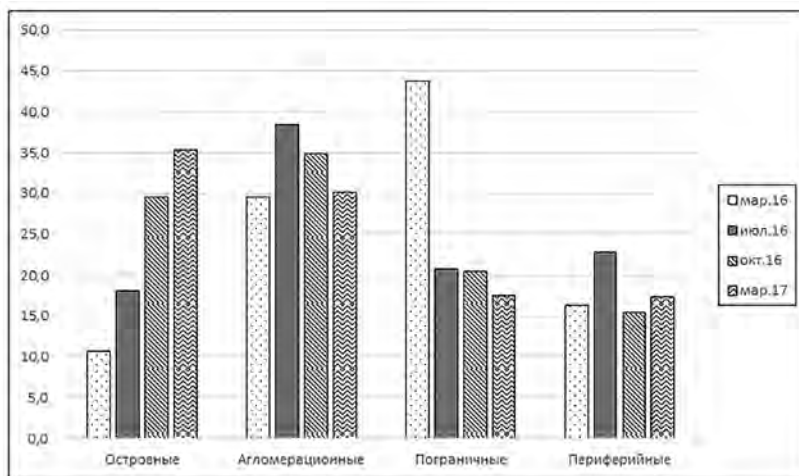

Рисунок 19. Распределение мигрантов по типам центров временного размещения в период 03.2016–03.2017 гг., %
 Составлено автором по данным: [Flow monitoring DTM].

М. М. Агафшин
ОТ «БЛАГОДАТНОГО
ПОЛУМЕСЯЦА» К «ОПАСНОМУ
ОСТРОВУ»: арабская миграция в
страны Европы

Объем книги 10 ал.
Тираж 500 экз.
Заказ № 26648

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282Ю Москва ул. Полярная, д 31В, стр.1
Тел.: (495) 859-48-62

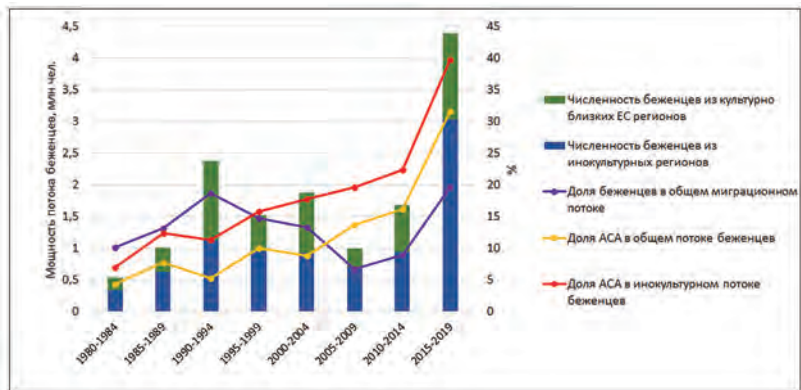

Рисунок 2. Мощность и структура потока беженцев в страны ЕС, 1980–2019 гг.

Расчитано и составлено автором по: [Asylum and first ...; Asylum applicants ...; Asylum Applications ...; DEMIG C2C; “Dublin” statistics; Immigration by ...].

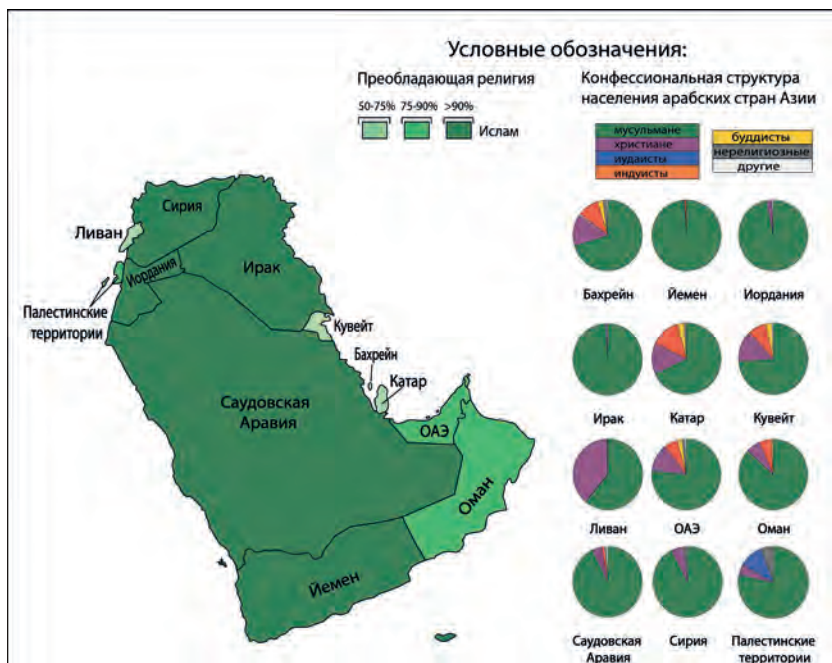

Рисунок 4. Конфессиональная структура арабских стран Азии, 2015 г. Расчитано и составлено автором по: [Brown, James; Kettani; The Global ...].

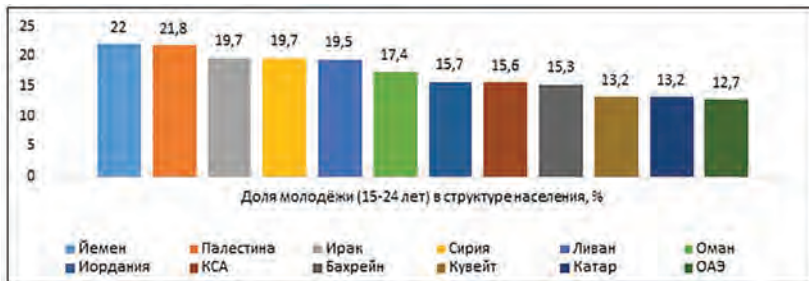

Рисунок 9. Доля молодежи (15–24 лет) в структуре населения АСА, 2015 г.

Составлено автором по: [Profiles of Ageing].

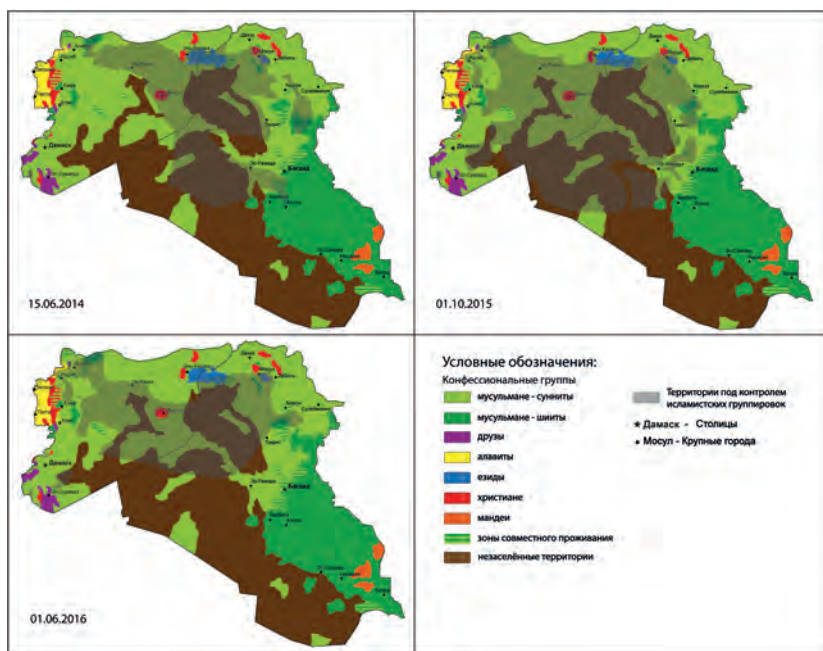

Рисунок 10. Расселение конфессиональных групп Сирии и Ирака в пределах территорий активной деятельности исламистских группировок по состоянию на 15 июня 2014 г., 1 октября 2015 г., 1 июня 2016 г.

Составлено автором по: [Cordesman, Fairfield et al.; Izadi; Zelin].

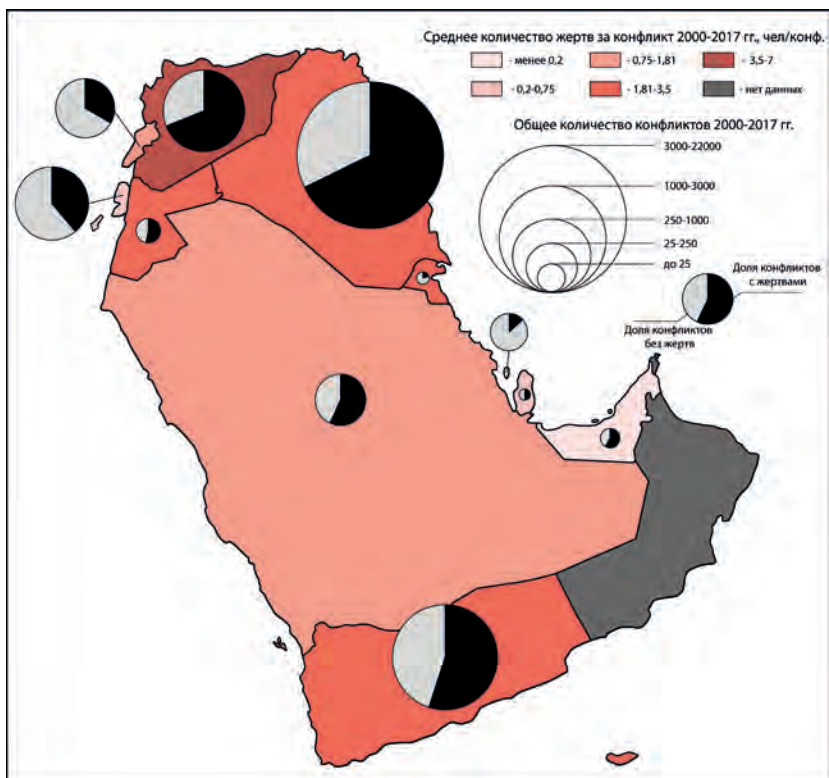

Рисунок 11. Уровень конфликтогенности в пределах арабских стран Азии, 2000–2017 гг.

Составлено по: [Global Terrorism Database].

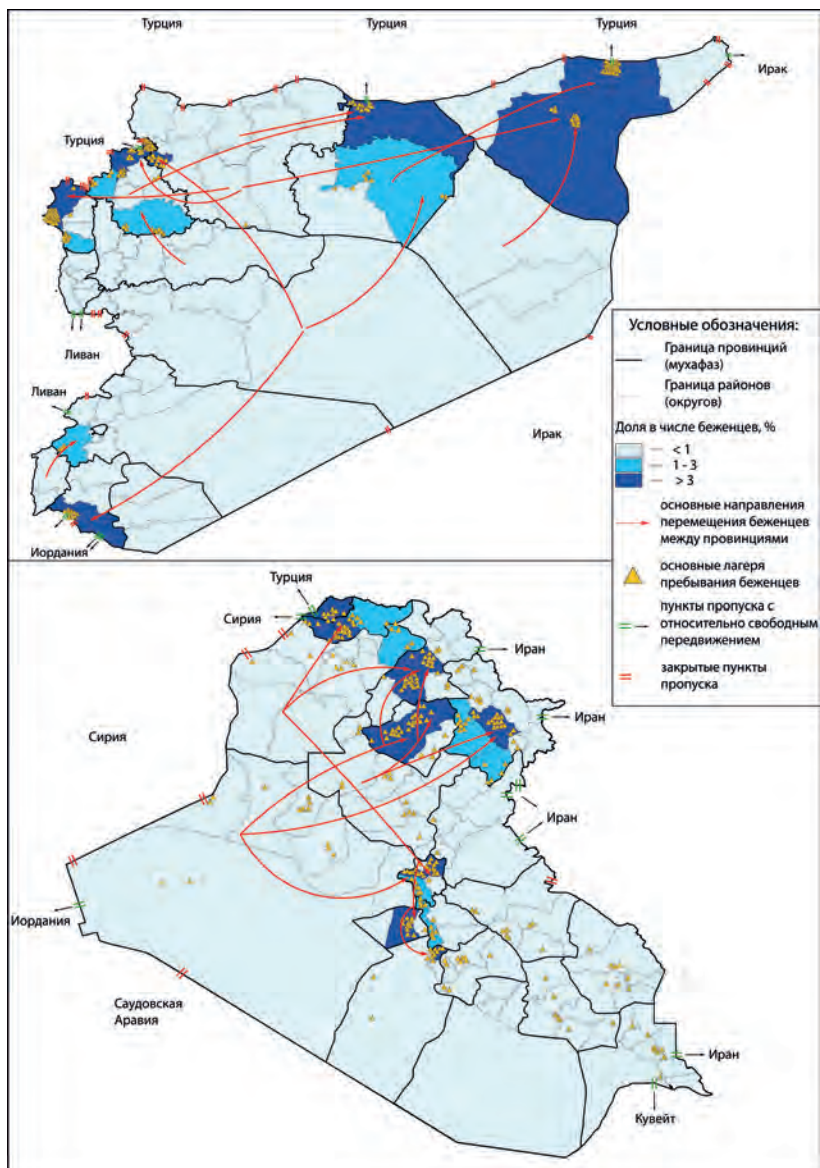

Рисунок 12. Миграционные потоки и расположение лагерей пребывания мигрантов в Сирии (сверху) и Ираке в период миграционного кризиса (2014–2015 гг.)

Составлено автором по [Humanitarian border ...; Iraq ...; Warda et al; Syria Multi-Sectoral ...; Syrian Arab Republic: Border ..., Syrian Arab Republic: Turkey ...].

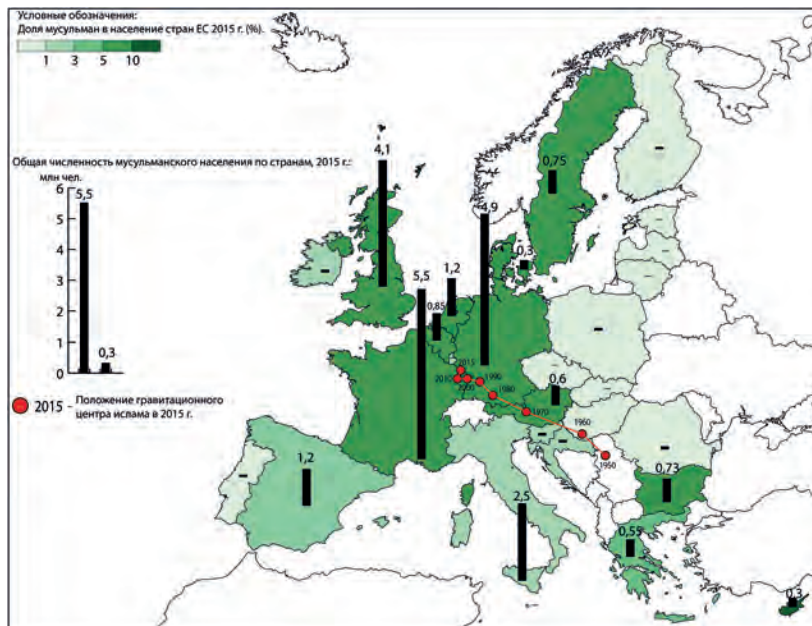

Рисунок 15. Численность мусульманского населения стран ЕС в 2015 г. (человек) и положение гравитационного центра ислама в 1950–2015 гг.

Составлено и рассчитано автором по: [Brown, James; Kettani].

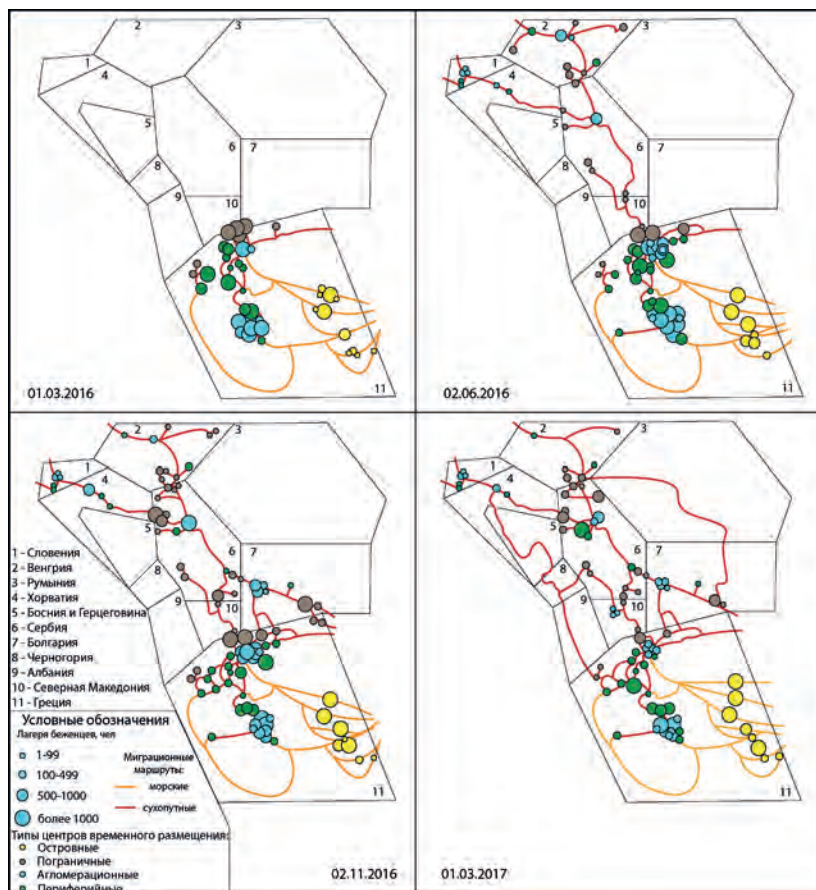

Рисунок 17. Развитие сети центров временного размещения мигрантов в вторичном транзитном регионе в период 03.2016–03.2017 гг. Составлено автором по данным: [Flow monitoring DTM].

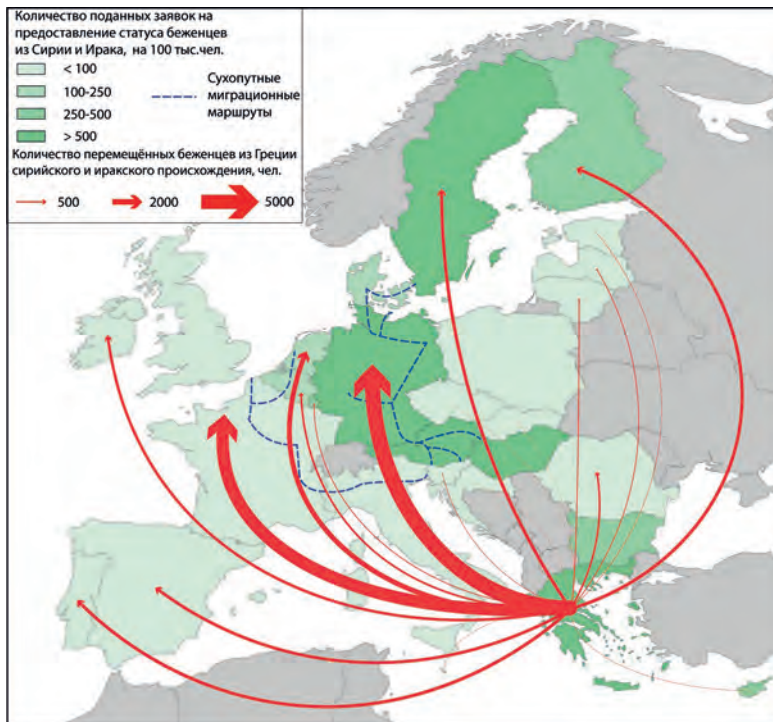

Рисунок 20. Территориальная организация потоков сирийцев и иракцев из Греции (по воздуху) и стран вторичного транзитного региона (по суше), 2017 г.

Рассчитано и составлено автором по: [Flow monitoring DTM; Population change ...].

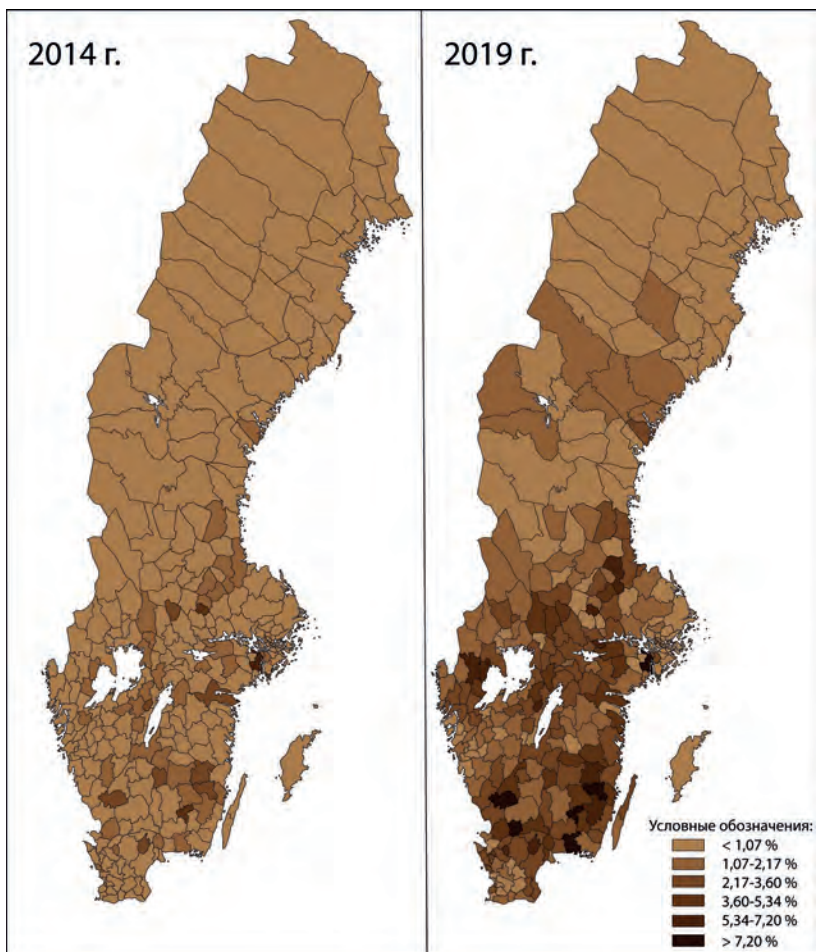

Рисунок 21. Доля сирийцев в населении коммун Швеции, 2014-2019 гг. Рассчитано и составлено автором по: [Utrikes födda ...].

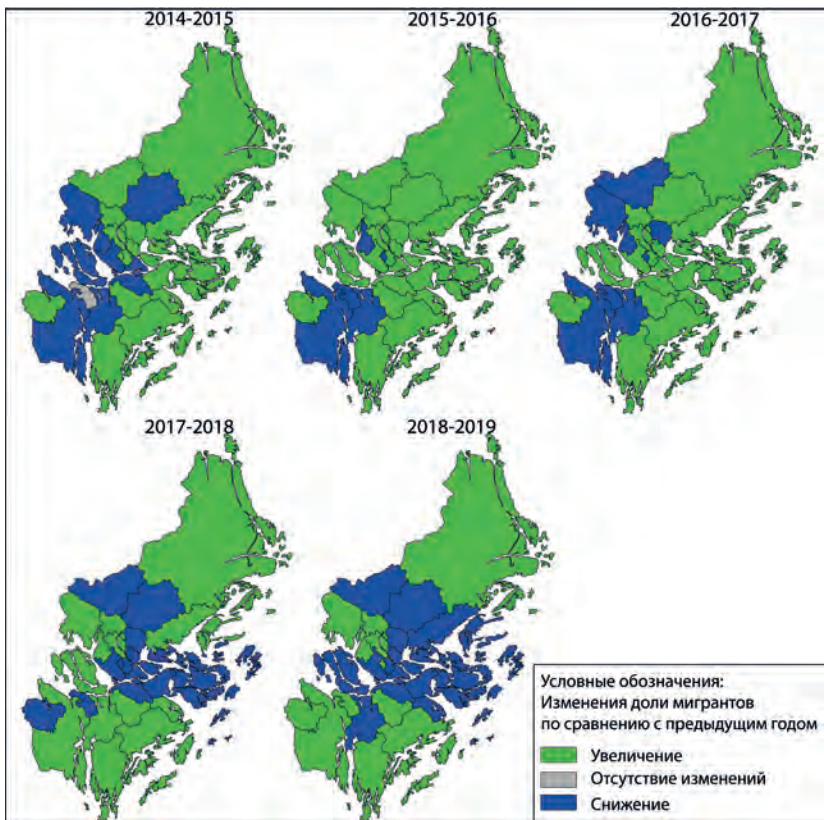

Рисунок 22. Изменения доли сирийцев в коммунах лёна Стокгольм, 2014–2019 гг.

Рассчитано и составлено автором по: [Utrikes födda ...].

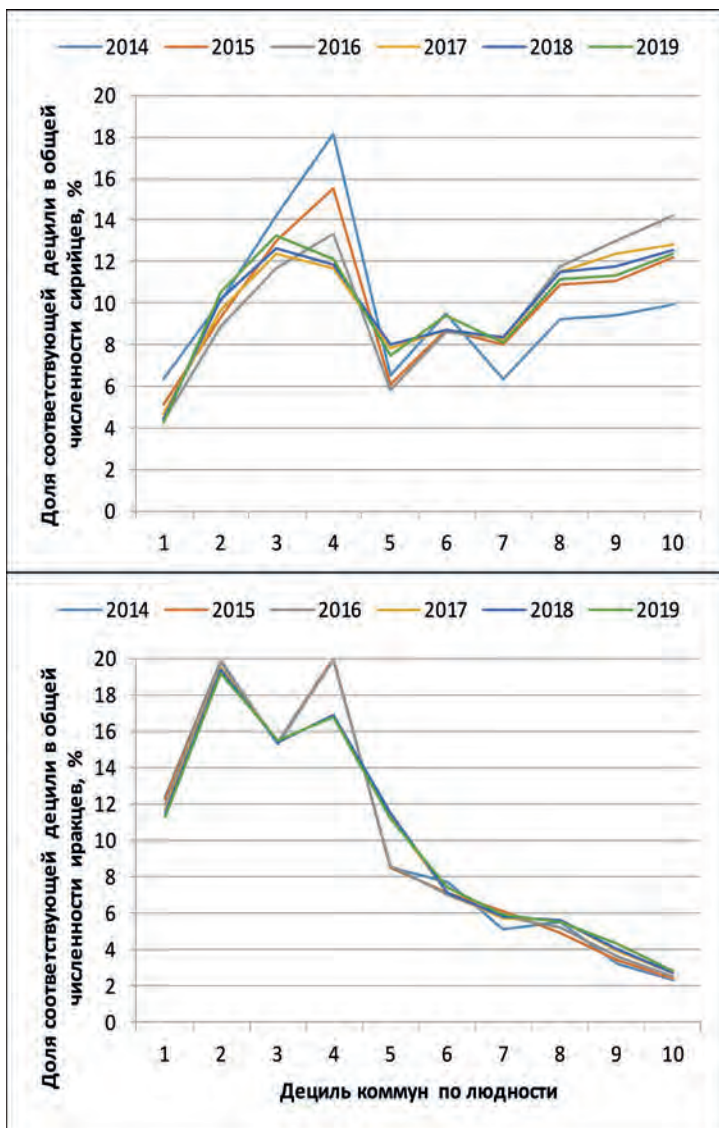

Рисунок 23. Распределение сирийцев (сверху) и иракцев (снизу) по децилям коммун Швеции в 2014-2019 гг.

Рассчитано и составлено автором по: [Utrikes födda ...].

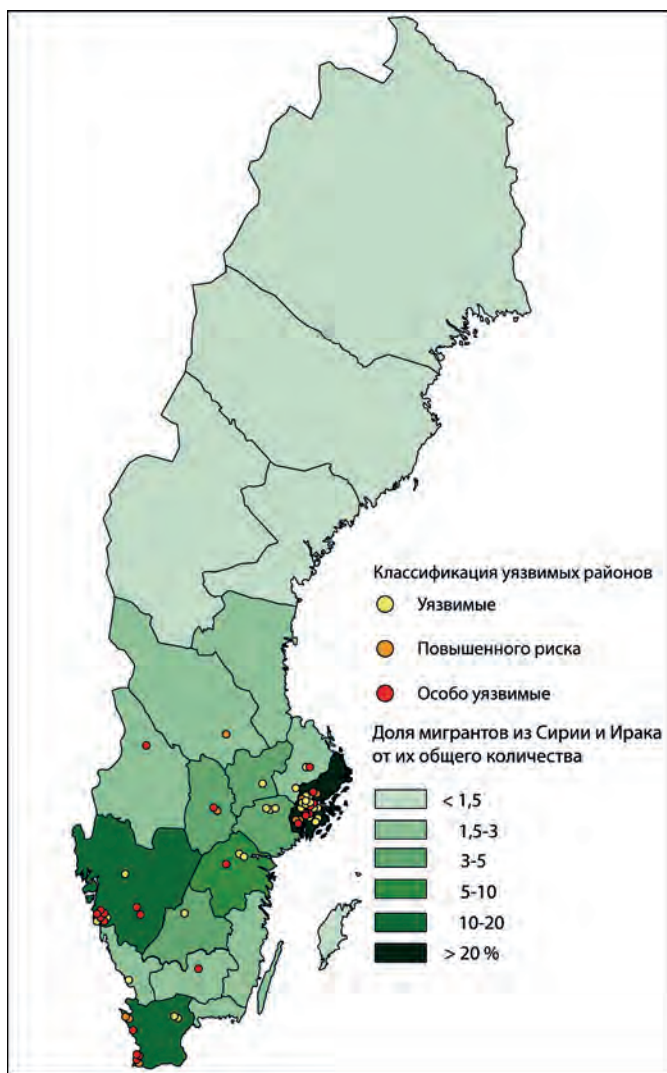

Рисунок 24. Структура размещения мигрантов из арабских стран Азии по лёнам и «уязвимые районы» Швеции, 2019 г.

Рассчитано и составлено автором по: [Kriminell påverkan ...; Utrikes födda ...].

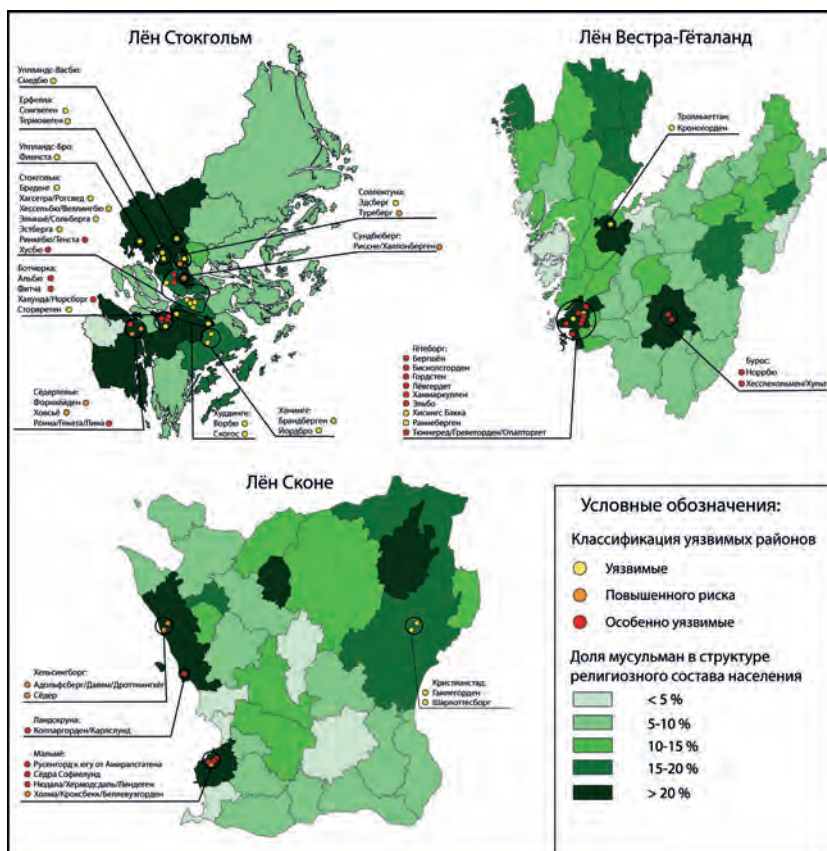

Рисунок 25. Доля мусульман в населении и уязвимые районы крупнейших лёнов Швеции, 2019 г.

Рассчитано и составлено автором по: [Brown, James, Kettani, Kriminell påverkan...; Utrikes födda].